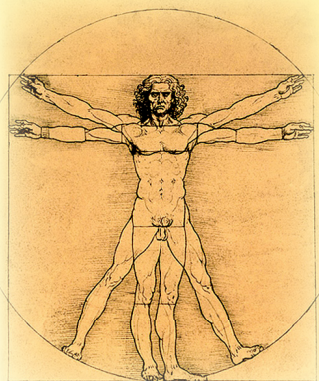

ISSN 2076-4359

Учёные записки № VIII (88) 2025

Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета

富足

Науки о человеке, обществе и культуре

16+

Рукописи проходят обязательное рецензирование.

Отделы журнала «Управление в технических системах», «Вычислительная техника и информатика», «Машиностроение», «Культурология и искусствоведение» включены в перечень изданий ВАК РФ.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ФС77-38212 от 30.11.2009.

ISSN 2076-4359 = Učēnye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta

Уважаемые авторы, пожалуйста, присылайте свои материалы на адрес электронной почты: journal@knastu.ru

Правила оформления материалов размещены на странице журнала «Учёные записки КНАГУ», находящейся на сайте <https://uzknastu.ru>

Материалы, оформленные с нарушением данных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес учредителя и издателя: 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27
Телефон для справок: +7 (4217) 528-548

Адрес редакции: 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27

Индекс журнала в каталоге Роспечать: 66090.
Цена свободная.
© Все права на опубликованные материалы принадлежат учредителю журнала – ФГБОУ ВО «КНАГУ», при их цитировании ссылка на журнал обязательна.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Комсомольский-на-Амуре государственный университет»

Журнал основан в 2010 году

Редакционная коллегия:

Главный редактор журнала:	Сергей Петрович Черный , доктор технических наук, доцент. E-mail: kepapu@knastu.ru
Заместитель главного редактора журнала:	Александр Витальевич Космынин , доктор технических наук, профессор. E-mail.ru: avkosm@knastu.ru
Выпускающий редактор серии «Науки о природе и технике»:	Евгения Павловна Иванкова , кандидат технических наук. E-mail: journal@knastu.ru
Выпускающий редактор серии «Науки о человеке, обществе и культуре»:	Галина Алексеевна Шушарина , кандидат филологических наук, доцент. E-mail: lmk@knastu.ru
Ответственный секретарь:	Алина Валерьевна Бузикаева , кандидат технических наук. E-mail: kepapu@knastu.ru
Литературный редактор:	Татьяна Николаевна Карпова . E-mail: karpovat@list.ru
Технический редактор:	Татьяна Николаевна Карпова . E-mail: karpovat@list.ru
Перевод на английский язык:	Галина Алексеевна Шушарина , кандидат филологических наук, доцент. E-mail: lmk@knastu.ru
Дизайн и верстка:	Оксана Вадимовна Приходченко , кандидат технических наук. E-mail: cik@knastu.ru
Менеджер информационных ресурсов:	Татьяна Владимировна Степанова . E-mail: osnid@knastu.ru
Администратор сайта:	Никита Станиславович Шушарин . E-mail: web_dev@knastu.ru

Серия: «Науки о природе и технике»

Отделы:	
1. Авиационная и ракетно-космическая техника (2.5.13 - Проектирование, конструкция и производство летательных аппаратов)	Сергей Иванович Феоктистов , доктор технических наук, профессор. E-mail: ssf@knastu.ru Сергей Борисович Марьин , доктор технических наук, доцент. E-mail: maryinsb@mail.ru
2. Электротехнические комплексы и системы (2.4.2 - Электротехнические комплексы и системы)	Константин Константинович Ким , доктор технических наук, профессор. E-mail: kimkk@inbox.ru Александр Владимирович Сериков , доктор технических наук, профессор. E-mail: em@knastu.ru Сергей Николаевич Иванов , доктор технических наук, доцент. E-mail: snivanov57@mail.ru
3. Управление в технических системах (2.3.3 - Автоматизация и управление технологическими процессами и производствами)	Вячеслав Алексеевич Соловьев , доктор технических наук, профессор. E-mail: kepapu@knastu.ru Сергей Петрович Черный , доктор технических наук, доцент. E-mail: kepapu@knastu.ru Андрей Юрьевич Торгашов , доктор технических наук, доцент. E-mail: torgashov@iacp.dvo.ru
4. Вычислительная техника и информатика (1.2.2 - Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ)	Валерий Иванович Одинокоев , доктор технических наук, профессор. E-mail.ru: osnid@knastu.ru Александр Витальевич Космынин , доктор технических наук, профессор. E-mail.ru: avkosm@knastu.ru Константин Сергеевич Бормотин , доктор физико-математических наук, доцент. E-mail: as@knastu.ru
5. Машиностроение (2.5.5 - Технология и оборудование механической и физико-технической обработки)	Борис Яковлевич Мокрицкий , доктор технических наук, профессор. E-mail: boris@knastu.ru Владимир Сергеевич Щетинин , доктор технических наук, доцент. E-mail: schetynin@mail.ru
6. Материаловедение и химические технологии (2.6.17 - Материаловедение)	Эдуард Анатольевич Дмитриев , доктор технических наук, профессор. E-mail: 013696@togudv.ru Олег Викторович Башков , доктор технических наук, профессор. E-mail: bashkov_ov@mail.ru
7. Математика и механика (1.1.8 - Механика деформируемого твердого тела)	Анатолий Александрович Буренин , доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН. E-mail: burenin@iacp.dvo.ru Олег Евгеньевич Сысоев , доктор технических наук, профессор. E-mail: sia@knastu.ru

Серия: «Науки о человеке, обществе и культуре»

Отделы:	
1. Культурология и искусствоведение (1.10.1 - Теория и история культуры, искусства)	Яна Станиславовна Крыжановская , доктор культурологии, доцент. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru Евгения Валерьевна Савелова , доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент. E-mail: savelova_ev@hgiik.ru Виктория Юрьевна Прокофьева , доктор филологических наук, профессор. E-mail: nikars1999@mail.ru Илья Игоревич Докучаев , доктор философских наук, профессор. E-mail: i.dokuchaev@spbu.ru
2. Психология и педагогика (5.8.1 - Общая педагогика, история педагогики и образования)	Татьяна Евгеньевна Наливайко , доктор педагогических наук, профессор. E-mail: tenal@knastu.ru Екатерина Иосифовна Артамонова , доктор педагогических наук, профессор. E-mail: manpo@yandex.ru
3. История (5.6.1 - Отечественная история)	Жанна Валерьяновна Петрунина , доктор исторических наук, профессор. E-mail: petrunina71@bk.ru Федирко Оксана Петровна , доктор исторических наук, профессор. E-mail: fedenka.67@mail.ru

Периодичность: два раза в квартал (один номер каждой серии в квартал)

Содержание

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Баринов В. И.

ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ДИСКУРСЕ ТЕХНОГЕННОЙ КУЛЬТУРЫ4

Борзова Т. А.

КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАСТАВНИЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СТРАНЫ.....11

Иванова Ю. В.

ХИЛИНГ-РОМАН КАК ФОРМА ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ
ПРИСУТСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ SLOW CULTURE.....19

Климова Е. В.

СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ И КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ.....30

Мусалитина Е. А.

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ:
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ БРАКАХ.....33

Мусалитина Е. А., Дель Д. С.

ОБРАЗ СЕМЬИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО МОНОМЕНТАЛЬНОГО
ИСКУССТВА РОССИИ.....42

Петрунина Ж. В.

ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ
В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ РОССИИ И КИТАЯ В 2020-Х ГОДАХ.....49

Ло Да, Савелова Е. В.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ХРАМОВ КОНФУЦИЯ
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ КИТАЯ И ИХ РОЛЬ В СОХРАНЕНИИ
НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ..... 56

Шереметьева М. А.

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....64

Шушарина Г. А.

ТОПОСЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ В КОНТЕКСТЕ
ФОРМИРОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....71

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Ларченко Ю. Г.

КЕЙС-МЕТОД КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ
ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ.....79

Наливайко Т. Е., Иванов В. В.

ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
С ПОМОЩЬЮ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ «ЧАТ-БОТ».....86

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.

СОДЕРЖАНИЕ ВОСПИТАНИЯ В ВУЗЕ: НАПРАВЛЕНИЯ
И ВИДЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....90

ИСТОРИЯ

Верхоломов С. А.

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В 1990 – 2000-е ГОДЫ.....98

Гореликов А. И.

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА, СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ.....103

Яхимович С. Ю.

«ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ НА КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ»
В 1924 ГОДУ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СОВЕТСКИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.....108

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ КНАГТУ:

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ, ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ 2025114

Баринов В. И.
V. I. Barinov

**ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ДИСКУРСЕ ТЕХНОГЕННОЙ КУЛЬТУРЫ**

**STAGES OF EVOLUTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES
IN THE DISCOURSE OF TECHNOGENIC CULTURE**

Баринов Владимир Иванович – кандидат культурологии, учитель информатики МОУ Рязская СШ № 4 (Россия, Рязск); 391962, г. Рязск, ул. Новорязская, д. 31; тел. +7(915)611-43-12. E-mail: sedriksakson@gmail.com

Vladimir I. Barinov – PhD in Culture Studies, Computer Science Teacher, Ryazhsk School No. 4 (Russia, Ryazhsk); 391962, Ryazhsk, Novoryazhskaya 31; tel. +7(915)611-43-12. E-mail: sedriksakson@gmail.com.

Аннотация. На рубеже третьего тысячелетия человечество вступает в фазу трансформации, обусловленную внедрением концептуальной парадигмы Индустрия 4.0. Данный процесс формирует условия для становления эпохи смарт-культуры, отличительной чертой которой является взаимодействие субъектов социума с инновационными смарт-решениями, включая технологии искусственного интеллекта. Настоящая работа посвящена ретроспективному исследованию исторического пути и эволюционного вектора развития ИИ-технологий. Автор выделяет шесть последовательных этапов становления данного направления исследований, каждый из которых внёс значимый вклад в формирование современного смарт-цифрового ландшафта. Параллельно анализируются, выявляются угрозы и вызовы, порождаемые данным процессом. Отмечается, что с целью оптимизации процессов интеграции технологий искусственного интеллекта в социально-экономическое пространство необходим поиск комплексного подхода, обеспечивающего максимальную безопасность и благосостояние всех заинтересованных сторон.

Summary. At the turn of the third millennium, humanity enters a phase of transformation driven by the implementation of the conceptual paradigm Industry 4.0. This process creates conditions for the emergence of an era of smart culture, characterized by the interaction of social subjects with innovative smart solutions, including artificial intelligence technologies. The present work is devoted to a retrospective study of the historical path and evolutionary vector of AI technology development. The author identifies six consecutive stages in the formation of this research direction, each of which has made a significant contribution to shaping the modern smart-digital landscape. In parallel, threats and challenges generated by this process are analyzed and identified. It is noted that in order to optimize the integration of artificial intelligence technologies into socio-economic space, it is necessary to find a comprehensive approach ensuring maximum safety and well-being of all interested parties.

Ключевые слова: техногенная культура, цифровая культура, смарт-культура, цифровизация, смартизация, Индустрия 4.0, искусственный интеллект.

Key words: technogenic culture, digital culture, smart culture, digitization, smartification, industry 4.0, artificial intelligence.

УДК 004+130.2

Формирование смарт-цифрового пространства обуславливает повышенный исследовательский интерес к выявлению специфики смарт-культуры, которая относительно недавно интегрировалась в контекст техногенной культурной среды. Число научных публикаций, посвящённых исследованию указанных явлений, ежегодно возрастает, однако наблюдается устойчивый дисбаланс, выражающийся в отложенном научном осмыслении темпов эволюции процесса зарождения, реализации функций и перспектив дальнейшего развития феномена смарт-культуры в рамках динамично трансформирующегося социокультурного ландшафта эпохи смартизации.

Искусственный интеллект (ИИ), выступающий высокотехнологичным артефактом Индустрии 4.0, представляет собой базовый фактор трансформационных процессов, радикально преоб-

разующих взаимодействие человека с техническими системами и детерминирующих вектор развития актуальной социокультурной парадигмы. В контексте данного исследования возникает необходимость проведения систематизации накопленных эмпирико-теоретических сведений посредством проблемно-хронологического подхода, который существенно дифференцирует настоящую работу среди аналогов. Методологическая основа современных ИИ-технологий предполагает интеграцию мультидисциплинарных подходов, включая методы машинного обучения, искусственные нейронные сети, обработку естественного языка, технологии компьютерного зрения и прогнозирование тенденций на основе анализа больших данных. Современная практика демонстрирует интенсивное применение указанных технологий в многообразии сфер человеческой деятельности, характеризуя ИИ как явление, обладающее отчётливой исторической ретроспекцией процесса собственного формирования.

Первый этап формирования и развития отрасли искусственного интеллекта длился в период 40-х – конца 50-х годов XX века. Рассматриваемая хронология ознаменовалась введением терминологического аппарата искусственному интеллекту, сопровождаемым реализацией первичных исследований и созданием прототипов в сфере искусственных нейронных сетей, алгоритмов машинного обучения и технологий автоматической обработки естественного языка. Подчеркнём, что зарождение научных изысканий в ИИ-области непосредственно сопряжено с развитием электронных вычислительных машин. Хотя когнитивные возможности ранних образцов ЭВМ первоначально не являлись центральным объектом исследования, именно данные устройства стали отправной точкой формирования перспективных ИИ-систем.

Так, в середине XX века А. Тьюринг первым предложил идею вычислительного равенства ЭВМ и человека, представив методологический подход, известный ныне как «тест Тьюринга». Алгоритм, предназначенный для верификации когнитивных способностей машины посредством пятиминутного диалога, вошёл в историю развития ИИ, однако предсказанная создателем вероятность достижения компьютером уровня человеческого сознания к рубежу веков оказалась неоправданной [11].

Практически параллельно с разработкой Тьюринга М. Л. Мински заложил основу для одной из ключевых составляющих современного ИИ – искусственных нейронных сетей, разработав в 1951 году первую экспериментальную модель SNARC – аппаратно-программную систему, имитирующую свойства человеческих нейронов [9].

После фундаментального осмысления принципов функционирования нейросетевых и вычислительных машин в интенсивное изучение и разработку интеллектуальных компьютерных систем активно включилась когорта профессиональных разработчиков программного обеспечения (ПО). Среди наиболее значимых достижений выделяется работа А. Сэмюэля, который в 1952 году разработал первую самонастраивающуюся игровую систему «Checkers-playing program» для игры в шашки, обладающую возможностью самообучения и продемонстрировавшую способность превзойти своего разработчика [6]. Эта программа презентовала человечеству прототип особого сегмента современных интеллектуальных технологий – методов машинного обучения, направленных на формирование способности вычислительных устройств извлекать знания непосредственно из массивов эмпирической информации и автоматически адаптироваться, эволюционируя в процессе функционирования.

Последним этапом становления научного направления в ИИ-области стало проведение IBM в январе 1954 года «джорджтаунского эксперимента». Программа успешно перевела около шестидесяти русских предложений на английский язык, сохранив исходную синтаксическую структуру [3]. Это событие обозначило принципиально новый этап эволюции ПО посредством внедрения ИИ-алгоритмов, предложив человечеству фундаментальное понимание концептуальной основы компонента современных ИИ-систем – систему естественно-языковой обработки (Natural Language Processing).

Завершением первого этапа стало введение термина «искусственный интеллект» в научный оборот, который впервые появился и получил научное обоснование на конференции 1956 года благодаря усилиям учёного Д. Маккарти, предложившего его для обозначения методов решения

вычислительных задач компьютерными алгоритмами, превосходящими человеческие когнитивные способности [13].

Возникновение технических инноваций на первом этапе развития ИИ обусловило разрешение ряда социально-экономических проблем, однако вместе с этим породило беспокойство относительно возможных угроз бесконтрольного развития технологий. Указанные тревоги отразились в культурных артефактах, среди которых выделяются драматическое произведение К. Чапека «R.U.R.» и сформулированные А. Азимовым три закона робототехники, выступающие символическим выражением страха утраты человеком способности управлять технологическими процессами аналогично античному мифу о «ящике Пандоры».

Второй этап развития ИИ, протекавший в 60-70-е годы XX века, предоставил человечеству концепт современной технологии компьютерного зрения и первые экспертные системы. Он связан с переходом интеллектуальной технологической парадигмы на качественно иной уровень, что обусловлено появлением вычислительных машин второго и третьего поколений, позволивших увеличить вычислительную мощность. Это обстоятельство создало предпосылки для воплощения концептуальной модели, предложенной в 1955 году О. Селфриджем в труде «Глаза и уши для компьютера», предусматривающей реализацию механизмов компьютерного восприятия акустического сигнала и визуального образа.

В 1960 году состоялся технический запуск созданного в 1958 году Ф. Розенблаттом перцептрона, предназначенного специально для реализации алгоритмов визуальной идентификации объектов. Эта пионерская разработка положила начало эре компьютерных технологий распознавания изображений.

Машины, хотя и в существенно ограниченной форме, позволили осуществить технологическое воплощение процедур машинного перевода, игровых эвристик и первичных визуализационных схем, тогда как учёные инициировали интенсивное становление интернационального сегмента исследований в ИИ-области посредством выдвижения инновационной теоретической базы и методов, характеризующихся выраженным междисциплинарным характером.

Третье поколение ЭВМ, сформировавшееся к началу 70-х годов XX века, явилось важнейшим этапом подготовки человечества к широкому внедрению компьютерной техники посредством развития мультипрограммирования и совершенствования операционных сред. Благодаря этому в 1970-е годы ИИ-исследования сосредоточились на создании экспертных систем. Успешными проектами стали медицинские системы MYCIN и INTERNIST, химический классификатор DENDRAL, геологическая система PROSPECTOR [8].

Технологическая трансформация на втором этапе происходила с параллельным формированием основ информационной культуры и активизацией исследования ИИ-области методами философии, психологии и культурной антропологии. Данный фактор способствовал существенному росту уровня социальной тревоги, вызванной опасениями относительно последствий ускоренных темпов научно-технических инноваций.

Третий этап развития ИИ, идущий в 1980-е годы, характеризовался предложением разделения ИИ-систем, а также разработкой многослойных нейросетей. Именно на данном этапе были заложены основы современных подходов глубокого обучения через создание многоуровневых архитектурных решений. Столь значительный прогресс в области развития нейросетевых технологий обусловлен созданием вычислительных машин четвёртого поколения.

Так, в 1980 году американским философом Д. Сёрлом была впервые предложена дифференциация ИИ-систем на категории слабого и сильного типов благодаря мысленному эксперименту, известному как «Китайская комната» [14]. По результатам опыта сильный ИИ был охарактеризован как способный к рефлексии собственных действий и пониманию выполняемых операций, тогда как системы слабого типа предназначены исключительно для решения ограниченного набора специфических задач без проявлений самосознания.

Концепция китайской комнаты, несмотря на многочисленные контраргументы и критические нападки, и по сегодняшний день сохраняет свою теоретико-методологическую значимость. Основные постулаты данного мысленного эксперимента продолжают служить отправной точкой

для научного сообщества, отрицающего правомерность представления сознания через компьютерную метафору [5].

К середине 1980-х годов появление нового поколения ЭВМ обусловило возникновение доступных персональных вычислительных устройств, характеризующихся экономичностью, эргономичностью и эффективностью производительности. Широкомасштабное внедрение ПК в совокупности с появлением курса информатики в советских школах обеспечило массовость доступа рядовых пользователей к потенциалу компьютерных технологий и ИИ-систем, инициировав активный рост научной, художественной и публицистической продукции, посвящённой вопросам межсубъектного взаимодействия человека и машинного интеллекта, включающего проблематику этического выбора, морально-нравственных аспектов и религиозно-философских оснований. Указанные процессы сформировали предпосылки для обновления информационно-культурной парадигмы и начала институционализации компьютерной культуры.

Четвёртый этап эволюционного развития ИИ, стартовавший в завершающее десятилетие XX века, отмечен интенсификацией исследований в сфере машинного обучения и становлением принципиально нового научного направления – анализа больших данных («Big Data»). Данное явление стало возможным вследствие формирования вычислительных устройств пятой генерации, что обусловило значительное расширение доступного ресурса вычислительной мощности.

В указанный период наблюдалось увеличение результативности методологических стратегий машинного обучения относительно обработки Big Data путём внедрения методов дискриминантного анализа, кластеризации, построения иерархических классификационных моделей, алгоритмов поиска ближайшего соседа и логистической регрессии. Новые методики привели к улучшению качества прогнозирования и оптимизации процессов принятия управленческих решений в различных отраслях деятельности человека.

Кроме того, не менее значимым событием стало то, что специалисты М. Кокс и Д. Элсворт на проходившей в 1997 году научной конференции впервые ввели в научный оборот термин «Big Data». Данный концепт получил полное теоретическое обоснование спустя два месяца, в завершении столетия, вследствие публикации фундаментального труда Г. Пресса под названием «История больших данных» [2].

Однако развитие ИИ-технологий начиная с 40-х годов XX века до рубежа второго тысячелетия наряду с новыми возможностями вызвало серьёзные опасения среди учёных и общественности относительно будущего распространения интеллектуальных систем. Ключевые тревоги включили страх потери работы вследствие технического прогресса и непонимания основополагающих принципов глубинного машинного обучения.

Эти страхи усугубились благодаря негативным культурным ИИ-образами, которые сформировались у человечества после просмотра антиутопических фильмов «Терминатор» и «Матрица», а также поднятых в них этических проблем взаимодействия человека и искусственного агента, что сместило общественное внимание с физических роботов на риски неконтролируемого роста интеллектуальных возможностей ИИ.

Пятый этап эволюции ИИ, начавшийся на рубеже XX-XXI столетий и ознаменовавший работу в направлении глубокого обучения, инициирован стремительным распространением IT-технологий практически во все сферы жизнедеятельности человека. Это стало возможным вследствие прогресса глобальных телекоммуникаций и развития мобильных сетей передачи данных, породив феномен цифровой культуры современного общества.

С позиций научного анализа представляется очевидным, что процесс цифровизации, радикально трансформировав коммуникативную среду путём расширения границ взаимодействия и одновременного формирования новых лингвистических преград, вызвал объективную необходимость проектирования массовых цифровых решений. Данный феномен обусловил приобретение исследовательской деятельностью качественно новой направленности, сосредоточенной на разработке высокопроизводительных алгоритмов обработки естественного языка и проведении компьютерной симуляции когнитивных процессов человеческого сознания посредством методов машинного обучения и глубокой аналитики крупных массивов языковой информации. Ярким приме-

ром успешных цифровых ИИ-инноваций стала система Google Translate, которая к концу первого десятилетия XXI века смогла переводить в реальном времени более 60 языков [7].

Последовавшая цифровая трансформация в совокупности с ускорением технологического прогресса в ИИ-сфере оказала глубокое преобразовательное влияние на социальные структуры и повседневные поведенческие паттерны индивидов. Цифровая среда, прочно вошедшая в повседневную жизнь современного человека, характеризуется стремительным ростом объема передаваемой информации и необходимостью обеспечения эффективного управления ею. В этой связи перспективным направлением исследований стала разработка инновационных подходов для повышения эффективности поиска и обработки больших массивов цифровых данных пользователями глобальных сетей.

Алгоритмы глубокого машинного обучения продемонстрировали высокую эффективность в областях компьютерного зрения и автоматического распознавания речи, а применение специализированных архитектур нейросетей позволило существенно повысить уровень точности обработки мультимодальных сигналов. Примером успешной реализации данных подходов стали системы голосового взаимодействия, такие как виртуальные ассистенты Siri компании Apple и отечественного производства Алиса, разработанная компанией Яндекс.

Шестой этап эволюции искусственного интеллекта, активизированный в настоящее время, представляет собой период доминирования автономных смарт-технологий, характеризуемый масштабными процессами смартизации, внедрением смарт-устройств и формированием феномена «смарт-культуры».

Современное распространение ИИ-технологий инициирует фундаментальные преобразования цифровой эры, обуславливая переход от традиционного этапа автоматизации к эпохе интенсивного когнитивного развития. В монографии «The Second Machine Age» («Вторая машинная эра») Э. А. Макафи и Э. С. Бринолфссон предлагают терминологию, характеризующую период активного внедрения интеллектуальных автоматизированных систем, обладающих способностью самообучения и выполнения высокосложных когнитивно-ориентированных операций [12]. Подобные инновационные технологические решения кардинально видоизменяют социальную среду и повседневную деятельность человека, трансформируя традиционные модели человеческого взаимодействия и коммуникативного процесса, достигая показателей эффективности, превышающих человеческие возможности.

Искусственный интеллект активно внедряется в повседневную жизнь российского социума, оказывая значительное влияние на трансформацию социальных институтов и оптимизацию традиционно существующих процессов.

Проникновение ИИ-решений в госорганы способствует оптимизации взаимодействия между ведомствами, совершенствованию каналов коммуникации и повышению эффективности принятия управленческих решений на основе методов анализа больших данных. Кроме этого, Правительство РФ разработало цифровую инфраструктуру «Цифровой регион» предназначенную для распространения успешных ИИ-практик. В результате на базе Нижегородской области был запущен пилотный проект «Цифровой городской», который автоматизирует контроль соблюдения общественных норм, включая правила дорожного движения, выгул животных и курение в неположенных местах [4].

Внедрение интеллектуальных технологий в производственную сферу уже сегодня привело к разделению на два направления: частично автоматизированные производственные комплексы с кооперацией человеческого труда и роботизированных систем, а также полностью автономные («тёмные») заводы, функционирующие без участия человека на принципах глубоких нейронных сетей. Исследование отечественных авторов [9] показывает, что ИИ способствует трансформации промышленных систем, модернизации предприятий, сокращению затрат, повышению производительности и устойчивому развитию.

Использование ИИ-технологий в медицинской отрасли существенно повышает точность диагностирования заболеваний благодаря алгоритмизации обработки медицинских визуализаци-

онных материалов и статистического анализа анамнеза пациентов, обеспечивая внедрение персонализированных подходов профилактики и терапевтической коррекции [1].

Применение ИИ-моделей в розничной торговле позволяет точнее прогнозировать спрос, создавать персонализированные маркетинговые стратегии и улучшать качество обслуживания клиентов. Аналогично промышленности, где формируются «dark factory», примерами новых бизнес-форматов служат «dark kitchens» – кухни исключительно для доставки и «dark stores» – склад-магазины таких компаний, как «Перекрёсток» и «Ozon», открытые исключительно для курьеров [10].

В современной образовательной среде наблюдается устойчивый тренд возрастания популярности электронных образовательных платформ, интегрированных с технологиями ИИ, таких как «Учи.ру», сервисы компании «Яндекс», «Т-образование» и др. Данные системы направлены на повышение эффективности учебного процесса путём внедрения адаптивных методов обучения, персонализированного подхода и оперативного мониторинга динамики индивидуальных учебных маршрутов учащихся.

Несмотря на множественные выгоды, обусловленные внедрением ИИ-технологий, их реализация на сегодняшний день сопровождается существенными экономико-технологическими, этическими и психосоциальными угрозами. Процесс автоматизации производства способен привести к значительному сокращению рабочих мест. Неточность разработанных моделей, ошибки алгоритмов и программные сбои несут потенциальные риски аварий и фатальных последствий в сферах здравоохранения, транспортной инфраструктуры и оборонной промышленности. В то же время взаимодействие с ИИ-системами, дающее возможность практически любому человеку создавать дипфейк, порождает ряд вопросов касательно защиты персональных данных и границ юридической ответственности. Это становится фактором инициации потребности в согласованной интеграции усилий государственных институтов, коммерческих структур и общественных организаций с целью оптимального управления рисками, возникающими вследствие внедрения технологий искусственного интеллекта.

Таким образом, дискурсивный анализ выявил интенсификацию процесса интеграции ИИ-технологий в социально-культурную матрицу современного социума, характеризующегося конвергенцией человеческого фактора и технологических инноваций, создающих синергический эффект становления смарт-реальности. Формирование ИИ-технологий концептуализируется нами как многоступенчатое эволюционное преобразование, включающее шесть последовательно выстроенных этапов, каждый из которых существенно детерминирует современное состояние цифрового смарт-общества. Рассматриваемый процесс объективно выступает фактором обновления структурно-функциональной парадигмы техногенной культуры. В этой связи под термином «техногенная культура» подразумевается система ценностных оснований и норм, формирующихся исключительно в контексте технологически ориентированного общества под воздействием факторов урбанизационного роста, промышленной модернизации, информационной насыщенности, компьютерной оснащённости, цифровых трансформаций и интеллектуально-смарт-овых нововведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева, М. Г. Искусственный интеллект в медицине / М. Г. Алексеева, А. И. Зубов, М. Ю. Новиков // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 7 (121). – С. 10-13.
2. Баринов, В. И. «Большие данные»: в дискурсе смарт-культуры / В. И. Баринов // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2024. – № 3 (60). – С. 13-18.
3. Воронович, В. В. Машинный перевод / В. В. Воронович. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – 39 с.
4. Искусственный интеллект в государственном управлении // Tadviser. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_в_государственном_управлении (дата обращения: 05.10.2025). – Текст: электронный.
5. Коновалов, М. А. Критика аргумента Китайской комнаты Дж. Сёрла / М. А. Коновалов // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2020. – № 3. – С. 3-18.
6. Краткий экскурс в историю машинного обучения // Pokrovka11's Blog. – URL: <https://pokrovka11.wordpress.com/2018/01/22/краткий-экскурс-в-историю-машинного-о/> (дата обращения: 02.04.2025). – Текст: электронный.

7. Майер-Шенбергер, В. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живём, работаем и мыслим / В. Майер-Шенбергер, К. Кукьер; пер. с англ. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 240 с.
8. Мартынов, Д. А. Искусственный интеллект: развитие экспертных систем в 70-80-е гг. / Д. А. Мартынов // Научный аспект. – 2023. – Т. 23. – № 5. – С. 2883-2891.
9. Поляков, А. А. Искусственный интеллект – революция в современных отраслях промышленности / А. А. Поляков // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 5 (55). – С. 283-290.
10. Тёмные фабрики светлого будущего: как работают предприятия без людей и света // Russian Business. – URL: <https://rb.ru/columns/dark-edition> (дата обращения: 09.09.2025). – Текст: электронный.
11. Тьюринг, А. Могут ли машины мыслить? / А. Тьюринг. – М.: Физматлит, 1960. – 67 с.
12. Brynjolfsson, E., McAfee, A. The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies // Wiley. – 2015. – P. 320.
13. Homage to John McCarthy, the father of Artificial Intelligence (AI) // Teneo.ai. – URL: <https://www.teneo.ai/blog/homage-to-john-mccarthy-the-father-of-artificial-intelligence-ai> (дата обращения: 09.03.2025). – Текст: электронный.
14. Searle, J. Minds, brains and programs // Behavioral and Brain Sciences. Cambridge, 1980. Vol. 3.

Борзова Т. А.
T. A. Borzova

КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАСТАВНИЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СТРАНЫ

CULTURAL FOUNDATIONS OF MENTORING IN THE CONTEXT OF THE COUNTRY'S HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT

Борзова Татьяна Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры русского языка Владивостокского государственного университета (Россия, Владивосток); тел. 8(914)790-32-88. E-mail: borzovavladik@mail.ru.

Tatyana A. Borzova – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Russian Language Department, Vladivostok State University (Russia, Vladivostok). E-mail: borzovavladik@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу наставничества как фундаментального социокультурного феномена, играющего ключевую роль в формировании и развитии человеческого капитала в России. Исследование проводится в рамках культурологического подхода, рассматривающего наставничество не только как педагогическую или управленческую технологию, но и как глубоко укоренившееся в национальной культуре явление, обеспечивающее преемственность поколений, передачу ценностей и норм поведения. В работе анализируются исторические корни российского наставничества, его трансформация в советский и постсоветский периоды, а также современные формы реализации в образовательной и профессиональной сферах. Особое внимание уделяется ценностному ядру наставнической деятельности: трудолюбию, ответственности, чувству долга, уважению к старшему, коллективизму, которые формируют основу для устойчивого развития личности и общества. Показано, что эффективное развитие человеческого капитала невозможно без учёта этих культурных оснований. Практическая значимость статьи заключается в разработке рекомендаций по совершенствованию системы наставничества, обеспечивающей синтез традиционных ценностей и современных подходов.

Summary. The article is devoted to the analysis of mentoring as a fundamental socio-cultural phenomenon that plays a key role in the formation and development of human capital in Russia. The research is conducted within the framework of a cultural approach that considers mentoring not only as a pedagogical or managerial technology, but also as a phenomenon deeply rooted in national culture, ensuring the continuity of generations, the transmission of values and norms of behavior. The paper analyzes the historical roots of Russian mentoring, its transformation in the Soviet and post-Soviet periods, as well as modern forms of implementation in the educational and professional spheres. Special attention is paid to the core values of mentoring – hard work, responsibility, sense of duty, respect for elders, and teamwork – which form the basis for the sustainable development of the individual and society. It is shown that effective development of human capital is impossible without taking into account these cultural foundations. The practical significance of the article lies in the development of recommendations for improving the mentoring system, which provides a synthesis of traditional values and modern approaches.

Ключевые слова: наставничество, человеческий капитал, культурные основания, преемственность поколений, ценностные ориентиры, социализация, межпоколенческое взаимодействие, российская культура, образовательные организации, профессиональное развитие.

Key words: mentoring, human capital, cultural foundations, generational continuity, value orientations, socialization, intergenerational interaction, Russian culture, educational organizations, professional development.

УДК 008

В условиях стремительных социальных, технологических и экономических трансформаций XXI века проблема развития человеческого капитала приобретает стратегическое значение. Человеческий капитал, понимаемый как совокупность знаний, навыков, компетенций и ценностных установок, является основным ресурсом устойчивого развития страны [1; 6]. Однако традицион-

ные подходы, сводящие развитие человеческого капитала исключительно к повышению квалификации и трансформации компетенций, зачастую оказываются недостаточными. Они упускают из виду глубинные, культурные механизмы, которые формируют личность, её мотивацию и готовность к труду и саморазвитию. В этом контексте особую значимость приобретает институт наставничества. Наставничество – это не просто обмен опытом между профессионалами, а сложный, многогранный социокультурный феномен, уходящий корнями в историческую глубину российской цивилизации.

Цель данной статьи – рассмотреть наставничество в качестве одного из ключевых факторов развития человеческого капитала, опираясь на его культурные основания.

Задачи исследования включают: анализ исторической эволюции наставничества в России, выявление его ценностного ядра, исследование современных форм реализации и формулирование рекомендаций по его совершенствованию.

Предметом исследования выступают содержание и структура культурных оснований наставничества в российской традиции как совокупности ценностей, норм и практик, обеспечивающих преемственность поколений и формирование человеческого капитала в условиях современной России. Эти основания включают ценностное ядро: трудолюбие, чувство долга, ответственность, уважение к старшему, коллективизм; институциональные формы: семья, ремесленная община, духовное наставничество, советская система наставничества (комсомол, научное руководство и т. п.); коммуникативные и поведенческие коды: передача опыта через личный пример, доверительное взаимодействие, воспитательная функция старшего поколения.

Современный научный и общественный дискурс всё активнее обращается к феномену наставничества, что свидетельствует о его возрастающей актуальности. Этот социокультурный институт становится предметом междисциплинарных исследований, привлекая внимание представителей педагогики, психологии, культурологии, философии, экономики, социологии и управленческой практики. Свидетельством государственного признания его значимости служат принятие ряда нормативно-правовых актов, учреждение почётного знака «За наставничество» и инициатива по утверждению в 2025 году национального праздника – Дня наставничества.

Наставничество в российской культуре представляет собой не просто практику, а институт – устойчивую систему норм, ценностей и ролей, обеспечивающую социальную стабильность и преемственность [2–3; 6; 9]. Его истоки можно проследить в традиционных формах общения между поколениями: в семье, где старшие передавали младшим не только трудовые навыки, но и моральные установки; в ремесленных общинах, где взаимодействие мастер-ученик был основой профессиональной подготовки; в духовных традициях, где старец выступал в роли духовного наставника.

Этот институт был основан на глубоких ценностях, которые и сегодня составляют его ядро: чувство долга и ответственности (наставник воспринимал свою миссию как служение обществу и будущему поколению); уважение к старшему (подопечный признавал авторитет и опыт наставника); трудолюбие и самоотдача (профессиональное мастерство ценилось выше всего); коллективизм (успех личности был тесно связан с успехом коллектива); преемственность (считалось естественным, что старшее поколение передаёт свой опыт младшему). Эти ценности не были абстрактными, они были «вплетены» в саму ткань повседневной жизни и обеспечивали социальную консолидацию [4–5].

Эволюция наставничества в России отражает общие вехи её истории. В дореволюционный период наставничество было органичной частью традиционного уклада. Оно было неформальным, основанным на личных связях и устной передаче опыта. В советский период институт был трансформирован и интегрирован в государственную систему. Наставничество стало инструментом идейно-культурного воспитания и массового обучения. Оно было встроено в систему комсомольской и пионерской организаций, в систему научного руководства, в профессионально-техническое образование. При этом многие традиционные ценности (трудолюбие, коллективизм) были сохранены, хотя и наполнены новым, идеологическим содержанием. С распадом СССР институт наставничества оказался в кризисе. Идеологический вакуум, коммерциализация образования и

утрата авторитетов привели к его ослаблению. Однако в последние годы наблюдается активное возрождение интереса к наставничеству, что нашло отражение в государственной политике (указы Президента РФ, стратегии развития образования и культуры).

Сегодняшнее наставничество выходит за рамки традиционного «научи новичка» и превращается в стратегический вектор профессионального становления. Оно позволяет молодым специалистам и выпускникам не просто вписаться в профессиональную среду, а гибко трансформировать свои знания под меняющиеся запросы рынка, тем самым формируя универсальные, трансферабельные компетенции. Это не только улучшает позицию большинства специалистов в области рынка труда, но и повышает адаптивный потенциал организаций, делая их устойчивее в условиях неопределённости [5; 11; 13].

Интерес к наставничеству как к системному явлению обусловил его прямую связь с развитием человеческого капитала – не в узком смысле «навыков», а как активное формирование знаний, мотивационных установок и ценностей, которые человек «вкладывает» в свою профессиональную деятельность, получая взамен рост, тенденции и влияние [1; 6; 15–16].

В нашем случае наставничество представляет собой именно инвестиционный механизм, не финансовый, а человеческий. Через выстроенное осмысленное взаимодействие наставника и подопечного в вузовской среде запускается цепная реакция: растёт уровень компетентности отдельного выпускника → формируется потенциал работодателя → обеспечивается конкурентоспособность региона → учитывается руководство капиталом нации. Таким образом, наставничество – это не просто педагогическая практика, а инструмент масштабного, системного развития, действующий от личности к государству.

Современные формы наставничества, такие как наставнические программы в вузах и на предприятиях, цифровые платформы, являются ответом на вызовы времени. Однако их эффективность напрямую зависит от того, насколько они опираются на культурное наследие [7; 10; 14]. Исследования показывают, что наиболее успешными являются те программы, которые системно интегрируют традиционные ценности, обеспечивают преемственность передачи ценностей и знаний [2–3; 7; 17]. Наставник воспринимается не просто как куратор, а как наставник-образец, личный пример которого формирует поведение подопечного. Программы направлены не только на профессиональное развитие, но и на передачу корпоративной культуры, истории организации, её «духа»; формируют не только компетенции, но и личность [1–3]. Цель – создание не просто квалифицированного специалиста, а ответственного, мотивированного и социально зрелого человека.

В научных исследованиях наставничество чаще всего является не просто педагогической практикой, а стратегическим ресурсом: с одной стороны, это вклад в развитие человеческого потенциала, с другой – потенциальный механизм продвижения специалистов в профессиональном мире [1; 6; 15–16]. Его задача далеко выходит за рамки передачи технических знаний: речь идёт о достижении целостности профессиональной идентичности, освоении скрытых («невяных») норм профессии и выработке междисциплинарных компетенций, которые одинаково важны и для личной траектории роста, и для системного обновления кадрового состава организаций [10].

Роль наставника в этом процессе трансформируется: он становится не «носителем истины», а проводником, который помогает подопечному не только учиться, но и чувствовать себя в профессии. Это поддержка в поисках собственного профессионального «я», укрепление уверенности в своих возможностях, поддержание в условиях неопределённости и забота о психологическом комфорте – ведь именно в эмоциональной устойчивости возникает подлинная адаптивность [11]. Современные тенденции свидетельствуют о смещении акцента в наставничестве с чисто профессиональной подготовки на воспитательные аспекты [7; 14; 17].

Наставничество выступает как ключевой механизм формирования культуры личности, понимаемой как совокупность ценностных ориентаций, мировоззренческих установок и поведенческих моделей, усвоенных в процессе социализации. Этот процесс происходит на глубинном, личностном уровне, выходя за рамки профессиональных навыков.

Ценности как внутренний компас. В процессе наставничества ценности наставника, такие как ответственность, честность, уважение, не просто объясняются, а моделируются. Подопеч-

ный усваивает их через наблюдение и личный опыт, они становятся его «внутренним компасом», регулирующим поступки и выбор. Как отмечается в исследованиях, «то, что сначала было чужим – усвоенным из семьи, школы, культуры – со временем становится личным» [2]. Вы не просто повторяете: «Так надо». Вы начинаете чувствовать: «Я так живу». Наставничество помогает подопечному ответить на фундаментальные вопросы: «Что для меня по-настоящему важно?», «Ради чего я готов жертвовать?». Это способствует формированию его мировоззрения – внутренней картины мира, которая определяет его отношение к себе, другим людям, обществу и стране.

Развитие нравственной культуры. Наставник, выступая в роли морального авторитета, способствует развитию у подопечного чистоты помыслов, способности к сочувствию и борьбе с нетерпимостью. Это формирует нравственную культуру, которая является основой для построения братского и солидарного общества [2–3].

Социализация и гражданская позиция. Успешное наставничество способствует формированию у подопечного чувства гражданской сопричастности своей стране и народу. Оно помогает осознать свою роль в обществе и выработать устойчивую гражданскую позицию, в которой личные цели сочетаются с общественной ответственностью [15–16].

Указанные тенденции объясняются растущим вниманием к развитию человеческого капитала как основы модернизационных и инновационных процессов. Как отмечал И. В. Сталин, «кадры решают всё», подчёркивая первостепенную роль человеческого потенциала [8]. Важность образования как главного производителя человеческого капитала признаётся как в отечественной, так и в зарубежной науке [13; 18–21]. Однако в России наблюдается недостаточный уровень финансирования образования, что ограничивает его потенциал.

В контексте высшего образования особую значимость приобретает проблема педагогического непрофессионализма – привлечения в вузы высококвалифицированных специалистов без педагогического образования [10; 17]. Для их адаптации необходима система наставничества, которая в идеале может трансформироваться во взаимонаставничество – взаимный обмен и трансформацию компетенций [11]. Анализ показывает, что эффективность наставничества зависит от поддержки руководства, компетентности наставника, его способности к эмпатии и пониманию потребностей подопечного. В условиях цифровизации наставничество не только открывает новые возможности, но и ставит перед собой новые вызовы [4–6].

Методология исследования. Теоретической основой работы стали фундаментальные труды отечественных педагогов и культурологов, посвящённые проблемам передачи опыта и воспитания: С. Я. Батышева, М. И. Махмутова, А. А. Кирсанова, А. М. Новикова, Н. М. Таланчука и К. Д. Ушинского. В качестве базовых концепций также были использованы исследования М. В. Кларина по современным практикам сопровождения в образовательной и профессиональной среде; исследования В. И. Блинова о природе и вызовах наставнической деятельности; теоретические разработки А. Р. Масалимовой, в которых учтены особенности гибких, адаптивных организаций нового времени – тех, что учитывают реалии XXI века.

Методологический каркас исследования построен на двух взаимодополняющих подходах: личностно-ориентированном и дуальном. Первый подчёркивает ценность подопечного как активного субъекта своего развития. Здесь наставничество не передача знаний «сверху вниз», а совместный диалог, в котором человек учится не только новому, но и тому, как учиться самому: ставить цели, искать ресурсы, рефлексировать. Это путь от обучения к самообразованию, от компетенций к личностному росту. Второй, дуальный, подход работает на паре «наставник – подопечный» как на равноправном тандеме. Здесь важно всё: и мотивация наставника, и просьба подопечного, и их взаимное влияние друг на друга. Такое партнёрство не просто развивает навыки, оно раскрывает потенциал обоих участников, превращая наставничество в инструмент роста человеческого капитала.

Исследование опирается на культурологический подход, в рамках которого культура рассматривается как система ценностей и смыслов, регулирующих социальные практики. Именно в этом контексте анализируются «культурные основания» как носители культурной памяти и идентичности, актуализируемые в современных формах наставничества.

Для измерения эффективности применяемых практик использовались проверенные методы и международный опыт четырёхуровневой модели оценки обучения Дональда Киркпатрика – от поведения участников до измерения результатов, – адаптированной к условиям культурной практики, включающей четыре стадии: эмоциональную реакцию (удовлетворённость процессом обучения), освоение новых знаний и навыков, изменение поведения на рабочем месте и конечные результаты для организации [12]. Для системной идентификации динамики наставнического процесса и получения достоверных результатов его результативности в работе использовали диагностический инструментарий, разработанный И. И. Ирисметовой. Этот опросник позволил не просто фиксировать субъективные воздействия, а проводить исследования, внося вклад в развитие подопечного как в профессиональной компетентности, так и в личностном росте. Полученные данные использованы для анализа эффективности программы и её изменения по меняющимся запросам участников [7, 181].

Эмпирическую основу исследования составили 42 участника наставнических пар Владивостокского государственного университета (ВВГУ): 14 опытных педагогов, выступавших в роли наставников, и 28 начинающих преподавателей-практиков без формального педагогического образования. Сбор информации осуществлялся комплексно с помощью структурированных анкет, полуструктурированных глубинных исследований и результатов, позволяющих получить многомерную картину взаимодействий и показателей как количественных, так и качественных эффектов сопровождения.

Результаты исследования и их обсуждение. Одним из системных вызовов, стоящих перед отечественным образованием, особенно в сфере высшего профессионального образования, является дефицит квалифицированных кадров. Этот дефицит подчёркивает необходимость поиска эффективных механизмов для ускоренного формирования и развития человеческого капитала. В этом контексте наставничество приобретает особую значимость как инструмент, способствующий не только оперативному обучению студентов, но и быстрой адаптации и повышению квалификации молодых специалистов, что в совокупности ведёт к более эффективному развитию профессионального потенциала личности.

Ключевым аспектом современного наставничества является реализация дуального подхода, который проявляется в органичном единстве теоретического обучения, получаемого в академических учреждениях, и практического опыта, приобретаемого непосредственно на рабочем месте [24].

Важно отметить, что дуальный подход тесно связан с личностно-ориентированной парадигмой. Процесс наставничества способствует формированию доверительных отношений между наставником и подопечным, в которых учитываются индивидуальные интересы, потребности и мотивации обоих субъектов. Такое партнёрское взаимодействие создаёт благоприятные условия для выстраивания персонализированной образовательной траектории, что является важным фактором успешной профессиональной социализации [10, 74].

В исследовании особое внимание уделяется взаимосвязи между освоением компетенций и изменением поведения обучающихся, что требует от наставника не только передачи профессиональных знаний, но и воспитания личностных качеств, значимых для профессиональной деятельности (ответственность, инициативность, коммуникабельность).

Следует подчеркнуть важность предварительной подготовки: наставник должен чётко обозначить цели, содержание и ожидаемые результаты обучения, а также разработать персональный план и систему контроля. По завершении практики целесообразно проводить итоговые беседы и опросы для сбора обратной связи.

После завершения практики с участниками было проведено анонимное анкетирование, направленное на фиксацию их субъективной оценки опыта. Полученные данные прошли статистическую обработку: на их основе рассчитаны средние значения ключевых показателей, отражающих внешнее восприятие программы (см. табл. 1).

В целом, оценки деятельности наставника являются положительными со средним баллом 7,07 по десятибалльной шкале. Это свидетельствует о высоком уровне удовлетворённости практикантов взаимодействием.

Таблица 1

Оценка деятельности наставника (по 10-балльной шкале) (адаптированный опросник И. И. Ирисметовой)

Критерий оценки деятельности	Балл
1. Оцените степень своего профессионального роста, достигнутого в ходе прохождения практики под руководством наставника.	8
2. Насколько доброжелательно и понятно наставник отвечает на возникающие у практиканта вопросы?	7
3. Оцените полезность вашего взаимодействия для самого наставника с точки зрения его личного и профессионального развития.	6
4. Насколько подробно наставник комментирует оценки, выставляемые за выполнение учебных и профессиональных заданий?	8
5. Оцените степень ясности и доступности изложения учебного материала со стороны наставника.	6
6. Насколько охотно наставник выражает похвалу за успешное выполнение заданий?	6
7. С какой частотой наставник иллюстрирует теоретические положения практическими примерами из собственного производственного опыта?	7
8. Насколько подробно наставник разъясняет новый материал в случае возникновения трудностей у практиканта?	8
9. Насколько доступно наставник объясняет потенциальные области применения освоенных знаний и навыков в профессиональной деятельности?	6
10. Насколько своевременно и корректно наставник указывает на ошибки, допущенные практикантом в процессе выполнения заданий?	8
11. Использует ли наставник вопросы для диагностики уровня понимания и усвоения практикантом освоенного опыта?	7
12. Насколько оперативно наставник устанавливает рабочие взаимоотношения с практикантом?	9
13. Проводит ли наставник систематический, поэтапный мониторинг освоенных практикантом знаний и умений?	8
14. Насколько терпеливо, вежливо и корректно наставник ведёт общение с практикантом?	7

Преимущественно высокие оценки получили критерии, связанные с личностными и коммуникативными качествами наставника. Наибольшее признание вызвало терпеливое, вежливое и корректное общение (средняя оценка 8 баллов), что указывает на создание наставником комфортной и уважительной атмосферы. Также высокую оценку получил оперативный контакт с практикантами (8 баллов), что говорит о готовности наставника к взаимодействию и отсутствию барьеров.

Высокими являются оценки и профессиональных компетенций. Наставник получает высокую оценку за чёткость и доступность изложения учебного материала (8 баллов) и за умение комментировать оценки (9 баллов), что демонстрирует его способность к конструктивной обратной связи. Кроме того, практиканты высоко оценивают, что наставник не скупится на похвалу при успешном выполнении заданий (9 баллов), что является важным элементом мотивации.

Средние оценки (от 6 до 7 баллов) получили такие параметры, как «объяснение возможностей применения нового опыта» (6 баллов) и «подробное разъяснение нового материала» (7 баллов). Это может указывать на то, что наставник эффективно передаёт теорию и даёт обратную связь, но мог бы уделять больше внимания практической трансляции знаний и адаптации объяснений к индивидуальным трудностям практикантов.

Наименьшую оценку (5 баллов) получил критерий «Для проверки понимания освоенного опыта задаёт вопросы». Этот результат является наиболее значимым и указывает на потенциальную зону роста. Он свидетельствует о том, что наставник, вероятно, не использует диагностические вопросы как инструмент для проверки глубины понимания, что может приводить к поверхностному усвоению материала.

Таким образом, опрос показал, что наставник обладает высокими личностными и коммуникативными качествами и эффективно передаёт знания. Однако для повышения эффективности наставничества целесообразно развивать навыки формативной оценки и активно использовать вопросы для диагностики понимания у практикантов.

В ходе глубинного интервью с наставниками был задан вопрос о субъективных изменениях, происходящих в их личностном и профессиональном развитии в процессе осуществления наставнической деятельности. Анализ результатов показал, что для большинства участников (более 80 %) наставничество стало не просто уровнем профессионального развития, но и катализатором личностной трансформации. Респонденты отметили, что в процессе сопровождения они не только укрепили свои практические навыки, но и «выросли» как личность: научились глубже слушать, лучше понимать других (эмпатия), увереннее выстраивать диалог (коммуникативная компетентность) и постепенно осмысливать уровень опыта (рефлексия). При этом 14 % респондентов не зафиксировали основные понятия ни в профессиональной, ни в личностной сфере. Ещё 6 % восприняли наставническое взаимодействие как некое обременение: по их мнению, оно отнимало время и внимание, необходимое для выполнения прямых рабочих задач, не принесло ощутимой отдачи.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что эффективность института наставничества во многом зависит от кадровой политики руководства. Для создания устойчивой, ответственной и духовно развитой личности, которая является основой успешного развития общества, необходимо системное укрепление института наставничества. Это требует не только разработки новых программ и платформ, но и осознанного обращения к национальному культурному коду. Только синтез традиционных ценностей и инновационных подходов может обеспечить подлинное развитие человеческого капитала и устойчивое развитие страны в новых исторических условиях. Недостаточно тщательный отбор наставников, основанный исключительно на профессиональном мастерстве, но игнорирующий их личностную склонность к сопровождению и воспитанию, приводит к снижению качества взаимодействия и демотивации практикантов. Эффективное наставничество невозможно без целостной подготовки собственных наставников, одного повышения в предметной области недостаточно. Чтобы стать настоящим гуру для подопечного, наставник должен уверенно владеть инструментами педагогического сопровождения, понимать психологические механизмы развития личности и управлять культурным контекстом взаимодействия. Именно такой многомерный «портрет» наставника: сочетание экспертизы, эмпатии и культурной чуткости – становится фундаментом для развития человеческого капитала и укрепления ценностно-культурной основы организации.

Заключение. Анализ источников научной, методической литературы и собственный педагогический опыт показывают, что наставничество – это не просто метод, а живая, гибкая форма профессионального диалога «из равного в равных условиях». Оно работает там, где формальные тренинги бессильны – в обмен на неявные знания, личный опыт и ситуативную мудрость. Через доверительное взаимодействие наставник и подопечный не просто повышают уровень информации, они вместе переосмысливают практику, адаптируют навыки под новые вызовы, трансформируют их, превращая из набора техник в живую профессиональную ориентацию.

Наставничество является одним из важнейших механизмов развития человеческого капитала в России. Его эффективность обусловлена не столько современными технологиями, сколько глубокими культурными основаниями, сформированными веками. Эти основания: чувство долга, ответственность, уважение к опыту, трудолюбие – формируют мотивационную базу личности, без которой любые компетенции теряют свою ценность.

Поэтому для создания устойчивой, ответственной и духовно развитой личности, которая является основой успешного развития общества, необходимо системное укрепление института наставничества. Это требует не только разработки новых программ и платформ, но и осознанного обращения к национальному культурному коду. Только синтез традиционных ценностей и инновационных подходов может обеспечить подлинное развитие человеческого капитала и устойчивое развитие страны в новых исторических условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баянова, А. Р. Наставничество в развитии человеческого капитала страны / А. Р. Баянова, С. Н. Рягин, В. Г. Гималиев // Педагогическое образование в России. – 2025. – № 3. – С. 186-193.
2. Борзова, Т. А. Роль наставничества в профессиональном становлении студентов / Т. А. Борзова // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – № 1 (110). – С. 324-325.
3. Борзова, Т. А. Роль наставника в формировании личностного потенциала студентов / Т. А. Борзова // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – № 3 (112). – С. 94-96.
4. Васильева, О. Ю. Наставничество: вчера, сегодня и завтра / О. Ю. Васильева, В. С. Басюк, С. В. Иванова // Педагогика. – 2023. – Т. 87. – № 8. – С. 5-17.
5. Велиева, С. В. Наставничество как инструмент профессиональной адаптации молодого преподавателя высшей школы / С. В. Велиева // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2023. – № 3. – С. 14-18.
6. Гусева, М. Н. Феномен наставничества и его значение в формировании и развитии человеческого капитала / М. Н. Гусева // Наука и образование. – 2023. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-nastavnichestva-i-ego-znachenie-v-formirovanii-i-razvitii-chelovecheskogo-kapitala> (дата обращения: 20.08.2025). – Текст: электронный.
7. Ирисметова, И. И. Формирование готовности наставников к непрофессиональной педагогической деятельности на предприятиях: дис. ... канд. пед. наук: 5.8.7 / Ирисметова Индира Ильмуратовна. – Казань, 2023. – 197 с.
8. Кадры решают всё! Речь И. В. Сталина в 1935 году / И. В. Сталин // Сочинения. Т. 14 / И. В. Сталин. – М.: Писатель, 1997. – С. 58-63.
9. Карпенко, Е. З. Возможности наставничества в развитии человеческого капитала организации / Е. З. Карпенко, Е. В. Красавина, В. А. Сологуб // Вестник Академии. – 2017. – № 4. – С. 69-74.
10. Лобашев, В. Д. Образовательный и человеческий капитал в профессиональном образовании / В. Д. Лобашев, А. А. Талых // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 70-4. – С. 226-229.
11. Масалимова, А. Р. Междисциплинарное наставничество как фактор повышения конкурентоспособности кадрового потенциала университета / А. Р. Масалимова, Г. И. Ибрагимов // Инновационные процессы в высшем и среднем профессиональном образовании и профессиональном самоопределении: коллективная моногр. – М.: Экон-Информ, 2023. – С. 171-180.
12. Модель Киркпатрика для оценки эффективности обучения: как её использовать // Skillbox Media. – URL: <https://skillbox.ru/media/corptrain/model-kirkpatrika-dlya-otsenki-effektivnosti-obucheniya-kak-eye-ispolzovat/> (дата обращения: 20.08.2025). – Текст: электронный.
13. Назарова, Е. С. Институт наставничества: опыт применения в России и за рубежом / Е. С. Назарова // Человеческий капитал. – 2020. – № S12-2. – С. 135-143.
14. Наливайко, Т. Е. Культурная компетентность: стратегии формирования и развития / Т. Е. Наливайко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № IV (76). – С. 17-19.
15. Огорокова, Г. П. Наставничество как инвестиция в развитие человеческого капитала / Г. П. Огорокова // Наставничество. Имплементация в научных, образовательных, предпринимательских, молодёжных сферах: материалы XXI Междунар. науч.-практ. конф. – Курск: Частное образовательное учреждение высшего образования «Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса», 2022. – С. 11-20.
16. Осипов, П. Н. Наставничество как социально-педагогический феномен / П. Н. Осипов // Управление устойчивым развитием. – 2023. – № 1 (44). – С. 102-108.
17. Усольцев, А. П. Феномен педагогического непрофессионализма преподавателей вузов / А. П. Усольцев, Е. С. Кошечева // Педагогическое образование в России. – 2022. – № 3. – С. 26-41.
18. Gaineev, E. R. Dual interaction of social partners in creative training of the modern worker / E. R. Gaineev // Modern European Researches. – 2016. – No. 3. – P. 50-54.
19. Pedagogical leadership as a sphere of human capacity development: an integrated approach in the higher education system of Ecuador / M. F. Cejas Martinez, D. J. Mendoza Velasco, M. Navarro Cejas, J. P. Morales Corrosion // Integration of education. – 2021. – Vol. 25, no. 1. – P. 8-21. – DOI: 10.15507/1991-9468.102.025.202101.008-021.
20. The German vocational education and training system: Its institutional configuration, strengths, and challenges / H. Solga, P. Protsch, C. Ebner, C. Brzinsky-Fay. – Berlin: Wissenschaftszentrum für Sozialforschung gGmbH, 2014. – URL: <https://bibliothek.wzb.eu/pdf/2014/i14-502.pdf> (mode of access: 20.08.2025).
21. Clutterbuck, D. Everyone Needs a Mentor. London: CIPD, 2006.

Иванова Ю. В.
Yu. V. Ivanova

ХИЛИНГ-РОМАН КАК ФОРМА ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ ПРИСУТСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ SLOW CULTURE

HEALING NOVEL AS A FORM OF HUMANISTIC ANTHROPOLOGY OF PRESENCE IN THE CONTEXT OF SLOW CULTURE

Иванова Юлия Валентиновна – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна факультета культуры и искусств Забайкальского государственного университета (Россия, Чита); 672000, Чита-центр, главпочтамт, а/я 684; тел. 8(924)274-43-53. E-mail: ivanovayuv@gmail.com.

Yulia V. Ivanova – a Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of Culture, Arts, and Design, Transbaikalian State University (Russia, Chita); 672000, Chita-Center, Glavpochtamt, P. O. Box 684; tel. 8(924)274-43-53. E-mail: ivanovayuv@gmail.com.

Аннотация. В статье рассматривается феномен хилинг-романа как формы художественной рефлексии на вызовы ускоренной и травматичной современности. Анализируется гуманистическое измерение литературы медленного времени (*slow culture*) как культурного механизма восстановления субъектности, эмпатии и чувства присутствия в мире. Показано, что хилинг-роман трансформирует традиционные эстетические категории: тишину, простоту, внимание к повседневному – в инструменты культурной терапии и философии заботы. На основе идей М. Мерло-Понти, Б. Ч. Хана, К. Гиллиган и Г. Марселя выявлены основания гуманистической антропологии, формирующейся в литературе замедления. Осмысление хилинг-романа в контексте *slow culture* позволяет раскрыть его как пространство смыслового и эмоционального равновесия, где художественная форма становится медиатором между эстетикой созерцания и этикой участия. Делается вывод, что хилинг-роман выступает не только как жанровое явление, но и как модель культурной компетентности, ориентированной на эмпатию, ответственность и гармонию человеческого существования.

Summary. The article examines the phenomenon of the healing novel as a form of artistic reflection on the challenges of an accelerated and traumatized modernity. It analyzes the humanistic dimension of the literature of slow time (*slow culture*) as a cultural mechanism for restoring subjectivity, empathy, and a sense of presence in the world. The healing novel is shown to transform traditional aesthetic categories—silence, simplicity, and attention to the everyday – into instruments of cultural therapy and the philosophy of care. Based on the ideas of M. Merleau-Ponty, B. C. Han, C. Gilligan, and G. Marcel, the article identifies the foundations of a humanistic anthropology formed within the literature of deceleration. Interpreting the healing novel in the context of *slow culture* reveals it as a space of semantic and emotional equilibrium, where artistic form serves as a mediator between the aesthetics of contemplation and the ethics of participation. It is concluded that the healing novel functions not only as a literary phenomenon but also as a model of cultural competence oriented toward empathy, responsibility, and the harmony of human existence.

Ключевые слова: хилинг-роман, *slow culture*, гуманистическая антропология, философия заботы, культура замедления, культурная компетентность, эмпатия, повседневность, современная литература, посттравматическая культура.

Key words: healing novel, *slow culture*, humanitarian anthropology, philosophy of care, culture of deceleration, cultural competence, empathy, everyday life, contemporary literature, post-traumatic culture.

УДК 008:82–3:7.01

Введение. Современная культура переживает темпоральный и экзистенциальный кризис: ускорение социальных ритмов, цифровизация повседневности и алгоритмизация восприятия подрывают способность человека к внутреннему присутствию и вниманию. В потоке информационной избыточности теряется длительность переживания, а человеческое существование сводится к цепочке реакций, задач и цифровых сигналов. Возникает не просто психологическая усталость, но

кризис бытия, в котором нарушается равновесие между внешним действием и внутренней тишиной, между скоростью и смыслом.

В ответ на этот кризис культура вырабатывает компенсаторные практики замедления – от движения *slow living* до эстетики *slow culture* [18; 11], где время воспринимается не как ресурс, а как форма присутствия. В литературе данная тенденция находит выражение в феномене хилинг-романа, соединяющем философию созерцания, этику заботы и гуманистическую установку на восстановление эмоциональной целостности.

Хилинг-роман становится не столько жанровым направлением, сколько способом гуманистического мышления: он моделирует формы существования, основанные на эмпатии, доверии, внимании к малому и повседневному. Через медленное повествование, тишину и простоту он воплощает то, что можно назвать антропологией присутствия – опытом возвращения человека к самому себе и к миру, утраченного в эпоху ускорения.

Отвечая на запросы времени, целый ряд российских книжных издательств начали печатать корейские хилинг-романы. Наиболее представительна серия издательства АСТ (Москва), насчитывающая в 2025 г. около 15 книг таких авторов, как Ким Хоён, Ли Сонён, Хван Порым, Ким Еын и др. Однотипные обложки делают эти книги узнаваемыми для читателей. Как правило, на обложке изображено уютное здание, окружённое цветущими деревьями, и несколько дружелюбных персонажей – главных героев книги (см. рис. 1). Этот сюжет не случаен, поскольку действие книг разворачивается вокруг некоторого коммуникативного пространства, важного для повседневной жизни местного сообщества (прачечная, фотомастерская, аптека, закусочная, круглосуточный магазин и т. д.). Подобные локации позволяют персонажам встречаться в повторяющихся ситуациях, решая свои жизненные проблемы и вступая во взаимоотношения с другими героями. Сами эти локальные заведения становятся метафорами улучшения микросоциальных взаимодействий (прачечная, стирающая печали; кондитерская, исцеляющая сладким лекарством; книжный магазин, где исполняются мечты). Интересно, что, несмотря на мягкость повествования, во многих романах затрагиваются серьёзные социальные проблемы: экология, сохранение традиционной культуры, социальное расслоение, непонимание в семье и др.

Рис. 1. Обложки корейских хилинг-романов издательства АСТ

В хилинг-романах Ким Хоёна локальные заведения – это не просто фон повествования, но пространства заботы, развития и мягкого преодоления кризисов. В книге «Магазин шаговой недоступности» центральная локация – небольшой магазин у дома, типичный для корейских кварта-

лов элемент территориальной идентичности. Здесь герои оказываются не только продавцами и покупателями, но и участниками тихого социального ритуала. Обмен короткими репликами и новостями, совместное переживание повседневных трудностей создают эффект микросообщества, отражают внутреннее состояние персонажей, которым нужно преодолеть психологическую дистанцию, чтобы сделать первый шаг. Таким образом, топос маленького магазина становится символом эмоциональной готовности героя к открытости, доверию и исцелению.

Аналогичная культурологическая логика прослеживается и в романе «Фотостудия Таккуда» Хо Тхэёна, где фотомастерская превращается в «камеру памяти» – место, где каждому персонажу необходимо столкнуться со своим прошлым, зафиксировать важное переживание или обрести новую точку зрения на собственную жизнь. Фотостудия функционирует как пространство остановленного времени, в котором герои могут увидеть себя «снаружи» и тем самым обрести внутренний порядок. Взаимоотношения между посетителями и сотрудниками студии формируют особую коммуникативную атмосферу: здесь возможны откровенные разговоры, совместные творческие усилия, мягкое признание личных уязвимостей. Подобные микроистории, разворачивающиеся вокруг локальных заведений, подтверждают ключевую установку хилинг-романа: малые городские пространства способны инициировать процессы личного роста, социальной реинтеграции и обретения смысловой устойчивости.

Проблема исследования заключается в том, каким образом литература утешения и созерцания становится культурной стратегией преодоления стресса и отчуждения.

Цели статьи: философское осмысление хилинг-романа как формы гуманистической антропологии присутствия в контексте *slow culture* и выявление его роли в формировании новых практик смыслового и эмоционального равновесия.

Исследование феномена хилинг-романа требует междисциплинарного подхода, соединяющего философию культуры, герменевтику повседневности и феноменологию восприятия. В центре внимания оказывается не сюжетная структура, а модус существования, который такая литература формирует. Хилинг-роман – это не просто эстетический феномен, а своеобразная лаборатория медленного мышления, где художественный текст становится пространством культурного самоисцеления.

Методологическую основу работы составляют концепции философии жизни (А. Бергсон) [1], идеи *slow culture* (К. Хонорэ, Х. Роза) [11; 12; 18], этики заботы (К. Гиллиган, Дж. Тронто) [6; 15] и восточной философии созерцательности (Лао-цзы, Судзуки) [7; 14]. Обращение к этим концептам позволяет рассматривать литературу не как отражение социальной действительности, а как способ возвращения к онтологическому измерению бытия – к внутреннему ритму, вниманию и сопричастности.

Объектом исследования выступает литература хилинг-направления в Восточной Азии и Европе, рассматриваемая как часть гуманистической парадигмы *slow culture*.

Предмет исследования – философские и эстетические стратегии утешения, замедления и заботы, через которые литература артикулирует опыт преодоления стресса и восстановления чувства присутствия.

В статье анализируются ключевые философские основания хилинг-романа, его эстетические принципы и культурные функции, что позволяет осмыслить его как форму гуманистической антропологии присутствия и как симптом более широкого мировоззренческого сдвига в гуманитарной культуре XXI века – от логики ускорения к логике сопричастного бытия.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью пересмотра гуманитарных ориентиров в условиях глобальной культурной турбулентности и перманентных кризисов. Традиционные формы рациональности, основанные на эффективности и продуктивности, оказываются недостаточными для осмысления человеческого опыта в эпоху тревожности и эмоционального выгорания. Возникает потребность в новых формах гуманистического знания, которые соединяли бы философию и эмпатию, мышление и присутствие.

Хилинг-роман отвечает этой потребности: он представляет собой не жанровую новацию, а культурно-философскую практику, направленную на восстановление доверия между человеком и

миром. Через образы повседневного и ритм медленного времени такая литература предлагает новый тип гуманистического восприятия – внимательный, созерцательный, не насильственный. В отличие от драматической модели катарсиса, где смысл рождается из кризиса, хилинг-роман реализует логику постепенного внутреннего исцеления: смысл возникает из тишины, из малого, из сопереживания.

В этом смысле хилинг-роман можно рассматривать как симптом нового гуманистического поворота, в котором литература вновь играет роль медиума философского опыта. Она становится способом культурной рефлексии, возвращающим человека к длительности, к соразмерности, к способности быть – не как действовать, а как присутствовать.

Тем самым в исследовании хилинг-романа как формы *slow culture* раскрывается не только эстетическая, но и антропологическая перспектива: через мягкое повествование и этику заботы литература выражает стремление современного человека преодолеть стресс ускорения и восстановить внутреннюю согласованность с миром.

Таким образом, хилинг-роман становится культурным индикатором смещения акцента с продуктивности и конфликта к присутствию и сопричастности. Он воплощает переход от культуры действия к культуре созерцания, где смысл рождается не из достижения, а из способности чувствовать и замечать. В этом контексте литература вновь обретает свою гуманистическую функцию: не только отражать реальность, но и исцелять её, возвращая человеку способность к внутреннему равновесию.

В соответствии с этим цель статьи заключается в философском осмыслении хилинг-романа как формы гуманистической антропологии присутствия в контексте *slow culture* как художественного пространства, где литература выступает медиумом культурной терапии и ответом на стрессовую динамику современности.

Задачи исследования: проанализировать философский контекст эпохи ускорения и его влияние на формирование феномена хилинг-романа; выявить функции хилинг-романа как формы культурной терапии и эстетики замедления; определить онтологические и эстетические основания гуманистической антропологии присутствия; исследовать художественные принципы хилинг-романа (медленное время, минимализм и тишину) как элементы поэтики *slow culture*; раскрыть философию заботы как гуманистическое измерение *slow culture* и её роль в формировании новой этики участия и эмпатии.

Результаты исследования позволят уточнить место хилинг-романа в системе современной гуманитарной мысли и показать, каким образом художественные формы медленного повествования могут выполнять функцию культурной терапии, способствуя снижению уровня социального стресса и восстановлению чувства смыслового присутствия.

Философский контекст эпохи ускорения: от онтологической усталости к поиску присутствия. Современная эпоха характеризуется феноменом тотального ускорения – не только технологического, но и экзистенциального. Вслед за Хартмутом Розой можно говорить о «социальном ускорении» как ключевом механизме позднего модерна, охватывающем производство, коммуникацию, восприятие и даже формы эмоционального отклика [12]. Ускорение перестаёт быть инструментом прогресса и превращается в онтологическую среду, в которой человек вынужден существовать. Однако эта среда постепенно становится токсичной: чем быстрее изменяется мир, тем труднее сохранять чувство смысловой устойчивости.

Философ Бён-Чхоль Хан описывает данное состояние как «общество усталости» – пространство, где человек, лишённый внешнего давления, сам становится источником внутренней принуждённости [2]. Здесь истощение маскируется активностью, а утрата глубины – производительностью. В результате возникает парадоксальная ситуация: технологическое освобождение сопровождается экзистенциальным истощением. Современный субъект перегружен не столько телесно, сколько онтологически: его способность быть подменена способностью действовать.

Культура ускорения производит новый тип времени – дискретное, фрагментарное, функциональное. Оно не течёт, а перескакивает, создавая иллюзию непрерывности при отсутствии подлинной длительности. Человек, погружённый в такой темп, теряет способность переживать моменты

как значимые, заменяя опыт присутствия последовательностью стимулов. Отсюда рост тревожности, ощущение «истончения бытия» и потребность в восстановлении внутренней ритмики [11].

Реакцией на эту онтологическую усталость становится формирование культурных практик замедления – *slow movement, slow food, slow living*, а в гуманитарной сфере – концепция *slow culture*. Её принцип не сводится к снижению скорости, но предполагает качественное изменение отношения ко времени: от его потребления – к его проживанию. Как отмечает Карл Хонорэ, замедление есть не отказ от динамики, а «восстановление меры человеческого времени», возвращение способности быть в ритме, соразмерном жизни, а не машине [18].

Философия *slow culture* в этом смысле выступает не эстетическим течением, а формой культурного сопротивления. Она обращена к восстановлению тех измерений опыта, которые утрачены в логике ускорения: длительности, внимания, телесности, эмпатии [3; 11]. Замедление здесь понимается как акт внутреннего освобождения – способ вернуть себе время, перестав быть его функцией.

Эта установка приводит к формированию новой культурной парадигмы, в которой на первый план выходит не действие, а присутствие. Если модерность строилась на идеале преобразования мира, то постиндустриальная культура всё чаще обращается к идее созерцательного участия – быть с миром, а не над ним. Таким образом, в поле гуманитарного знания возникает новая онтология времени, где ценность имеет не результат, а процесс, не эффективность, а глубина [9; 17].

Эта смена темпоральной оптики проявляется прежде всего в гуманистических и художественных практиках. Литература как наиболее чувствительный индикатор культурных сдвигов первой отреагировала на разрыв между скоростью и смыслом. Возникают тексты, в которых темп повествования сознательно снижен, а внимание сосредоточено на малых жестах, на опыте внутренней тишины. Эти формы нарратива не стремятся к кульминации – их драматургия строится на дыхании, на присутствии, на созерцании.

Так рождается феномен хилинг-романа, выражающий новый гуманистический запрос эпохи: вернуть литературе и читателю способность к переживанию времени как длительности. Через медленное повествование и поэтику повседневности хилинг-роман формирует пространство культурной терапии, где эстетика становится способом исцеления, а чтение – практикой восстановления внимания. В этом контексте *slow culture* перестаёт быть лишь социокультурным трендом и превращается в философию существования, предлагающую альтернативу цивилизационной усталости [2; 11].

Хилинг-роман как форма культурной терапии. Феномен хилинг-романа (*healing novel*) впервые оформился в восточноазиатской литературе конца XX – начала XXI века как ответ на эмоциональную перегруженность общества и рост индивидуальных стрессов. В условиях постиндустриального существования, где человек живёт в режиме постоянной внешней стимуляции, литература вновь берёт на себя функцию утешения и восстановления внутренней целостности. Хилинг-роман тем самым играет роль культурного компенсатора: он возвращает язык чувств там, где социальная коммуникация становится инструментальной.

Эта литература формирует особый тип нарратива – мягкий, медленный, созерцательный. В отличие от классического романа, основанного на драме и катарсисе, хилинг-роман строится на логике сопричастности и заботы [6; 15]. Его повествование направлено не к разрешению конфликта, а к обретению внутреннего равновесия. Центральным становится не событие, а состояние, не действие, а присутствие. В этом заключается его терапевтический потенциал: читатель вовлекается в процесс «снятия напряжения» через постепенное замедление ритма, через внимание к повседневным деталям, через созерцание простых жестов, возвращающих ощущение устойчивости.

Как отмечают исследователи восточноазиатской эстетики, понятие *healing* в данном контексте имеет не психологическое, а прежде всего культурное измерение. Это форма «восстановления соразмерности» между внутренним временем человека и ритмами мира. Подобное понимание исцеления восходит к даосской идее гармонии (*цзы-жань* – естественность) и дзэн-буддийскому опыту тишины (*ма* – пауза, интервал). Хилинг-роман актуализирует эти философские категории,

переводя их в художественный дискурс. Его герои не борются с обстоятельствами, а учатся существовать в согласии с течением, принимая медленность как форму мудрости [7; 14].

Такое художественное решение неслучайно. В условиях культуры ускорения литература замедления выполняет не эстетическую, а экзистенциальную функцию – функцию культурной терапии [11; 12]. Она направлена не на развлечение, а на возвращение утраченного равновесия между внешним действием и внутренним вниманием. Хилинг-роман становится пространством культурного восстановления – своего рода «эстетическим санаторием» современности, где текст помогает читателю вновь научиться быть, а не только действовать.

При этом терапевтический эффект хилинг-романа не ограничивается индивидуальным уровнем. Он затрагивает коллективное измерение культуры – её способность поддерживать эмоциональные связи и гуманистические ценности. Через мотивы заботы, тепла и доверия литература healing-направления воспроизводит утраченную ткань сопричастности, разрушенную конкуренцией и избыточной рациональностью [2; 6; 15]. В этом смысле хилинг-роман можно рассматривать как форму социальной реабилитации гуманизма, возвращающую в пространство культуры этику участия.

Художественная мягкость этой литературы становится способом сопротивления насилию скорости и информационного давления. Она утверждает иной идеал – не героический, а созерцательный, не продуктивный, а эмпатический [3; 18; 20]. Таким образом, хилинг-роман выступает в роли культурного медиатора между эпохой ускорения и стремлением человека к внутренней длительности. Его терапия – это не бегство от реальности, а способ вновь услышать ритм жизни, скрытый за шумом повседневности.

Онтологические и эстетические основания гуманистической антропологии присутствия. Хилинг-роман выражает переход от рациональной культуры действия к созерцательной культуре присутствия, в которой смысл жизни раскрывается не через усилие, а через сопричастие. Этот переход можно осмыслить через философию жизни Анри Бергсона, утверждавшего, что подлинное существование открывается не в измеряемом времени, а в длительности (*durée*) – внутреннем течении, «в котором прошлое вплетается в настоящее, образуя живую ткань опыта» [1]. Для Бергсона длительность – не абстрактная категория, а способ быть в мире, придающий жизни непрерывность и глубину. Хилинг-роман воспроизводит эту идею в художественной форме: его повествование течёт мягко, без резких переломов, словно отражая естественный ритм бытия.

Такое восприятие времени противоположно модернистской логике прорыва и цели. Здесь ценен не результат, а само пребывание в процессе. Герой хилинг-романа не стремится изменить мир, он учится быть в нём – дышать, чувствовать, внимать. Эта установка совпадает с интуицией Бергсона, согласно которой «жизнь – это творческая эволюция, не имеющая финала, кроме самого становления» [1]. В литературе healing-направления жизнь понимается именно как *становление без принуждения*, как медленное раскрытие внутренней длительности в тексте и в сознании читателя.

Философия Габриэля Марселя углубляет эту линию, вводя понятие *être-avec* («быть-с-другим») как онтологическую основу человеческого существования. Марсель подчёркивает, что бытие невозможно вне сопричастия; одиночество лишь форма забвения присутствия другого [8]. Это понимание бытия как со-бытия определяет и этическую структуру хилинг-романа. Его герои не изолированы, даже если одиноки внешне, они существуют в тканях отношений: с другими людьми, с природой, со временем.

В этом смысле хилинг-роман реализует философию участия: он воспитывает способность быть не через действие, а через отклик. Присутствие становится формой познания – «вниманием к существованию другого» [9]. Именно поэтому в этой литературе центральное место занимают эмпатия, тихая отзывчивость, доверие. Герой здесь не преодолевает обстоятельства, а проживает их, открывая в простых ситуациях (уходе за животным, беседе, прогулке) подлинное измерение бытия.

С другой стороны, восточная философия созерцательности придаёт хилинг-роману универсальную глубину, связывая этику мягкости с онтологией покоя. В *Дао дэ цзине* Лао-цзы писал:

«Тот, кто знает довольство, тот богат; кто знает покой, тот пребывает в Дао» [7]. Даосская идея *у-вэй* («недеяние») не призывает к бездействию, а указывает на согласие с естественным течением вещей (*цзы-жань*). Это согласие не пассивно: оно предполагает активное внимание к миру, внутреннее сонастроение с его ритмом. Хилинг-роман строится именно на этой логике: его герои «не делают», а «присутствуют», следуя естественности бытия [7; 14].

В японской культуре аналогом *у-вэй* стала категория *ма* («интервал», «пауза»). В эстетике дзэн пустота не означает отсутствие, а выступает условием смысла. Как отмечал дзэн-искусствовед Синъити Хисамацу, «тишина – это дыхание между формами, в котором рождается гармония» [19]. Хилинг-роман воплощает эту идею: его повествовательные паузы и молчание насыщены присутствием, они позволяют читателю пережить смысл не через слова, а через их отсутствие [19].

Подобная онтология паузы и недеяния перекликается с феноменологией восприятия М. Мерло-Понти, для которого «видеть – значит вступать в сопричастность с видимым» [9]. Он утверждает, что восприятие не сводится к актам сознания, это форма телесного присутствия в мире. Литература исцеления реализует эту феноменологию в художественном опыте: читатель оказывается не наблюдателем, а участником, «включённым» в мягкое течение текста [19; 20].

Таким образом, философские основания хилинг-романа можно описать как триединство длительности (Бергсон), сопричастности (Марсель) и созерцательности (Лао-цзы, дзэн) [1; 8; 7; 19]. Эти линии сходятся в гуманистической антропологии присутствия, где человек воспринимается не как центр действия, а как часть живой ткани мира. В этом состоит его экзистенциальная и культурная новизна: хилинг-роман возвращает современному субъекту утраченное чувство времени и доверия – то, что Бергсон называл «интуицией жизни», а Марсель – «таинством бытия» [1; 8].

Современные мыслители подтверждают актуальность этого сдвига. Хартмут Роза в работе *Resonanz* (2019) пишет, что подлинное существование возможно лишь там, где возникает «взаимное звучание» между человеком и миром [11]. Эту способность к резонансу он противопоставляет отчуждённому ускорению: «Мы теряем мир, когда перестаём откликаться» [12]. Именно это делает хилинг-роман феноменом новой гуманистики: его поэтика медленного времени, эмпатии и молчания воспроизводит утраченный ритм резонансного бытия.

Так формируется философский контур гуманистической антропологии присутствия – культурной парадигмы, где эстетика, этика и онтология вновь соединены [9; 17; 20]. В этом единстве литература перестаёт быть зеркалом действительности и становится формой духовного сопротивления ускорению – способом возвращения человека в пространство длительности, внимания и созерцательной полноты жизни.

Эстетика хилинг-романа: медленное время, минимализм и тишина. Эстетика хилинг-романа строится на принципах простоты, повторения и замедления. В ней отсутствует традиционная кульминация; сюжет растворён в ритме повседневности, а напряжение заменено состоянием мягкого внимания. Эта эстетика противоположна эстетике шока, характерной для модернистской и постмодернистской литературы: она не стремится поражать, а настраивает на созерцание. Минимализм в хилинг-романе – не отказ от содержания, а его сгущение, форма сосредоточения на сущностном. Подобно тому как в дзэн-живописи пустота становится носителем смысла, в этой литературе лакуны текста превращаются в пространство дыхания, в «тишину, наполненную присутствием» [14; 19].

Философ дзэн Дайсэцу Судзуки отмечал, что истинная простота искусства возникает тогда, когда исчезает противопоставление субъекта и объекта, поскольку в дзэн нет разделения между тем, кто смотрит, и тем, на что смотрят [14]. Это состояние единения и составляет эстетическую основу хилинг-романа: он не описывает реальность, а со-создаёт её в опыте чтения. Отсюда особая ритмика текста – медленная, дыхательная, созерцательная, приближенная к интонации внутреннего монолога [14; 19].

Медленное время в художественной структуре хилинг-романа воплощает философию длительности Бергсона, где время переживается как текучая непрерывность, а не как последовательность точек. Бергсон называл это состояние «внутренним движением сознания», когда прошлое не

исчезает, а сохраняется в настоящем, создавая чувство глубины [1]. Именно это ощущение глубины, «времени, которое дышит», формирует особый эмоциональный темп хилинг-повествования.

В контексте современности подобная эстетика является актом сопротивления. Бён-Чхоль Хан писал, что «в эпоху ускорения и гиперкоммуникации человек теряет способность к созерцанию, а вместе с ней – способность к подлинному переживанию» [2]. Эстетика тишины и паузы становится в этой перспективе формой культурного протеста: «там, где исчезает внимание, исчезает и смысл» [3]. Хилинг-роман, напротив, воспитывает внимание, возвращая читателю способность видеть и слышать мир в его медленном дыхании.

Принцип минимализма в этой литературе близок к феноменологии восприятия Мерло-Понти, для которого «вещи говорят своим молчанием» [9]. Ненавязчивые детали, повторы и пустоты здесь не являются художественными приёмами, а создают феноменологическое поле присутствия – пространство, где смысл возникает не из логики повествования, а из ритма восприятия [9]. Этот минимализм можно назвать «этикой формы»: он не давит на читателя, а приглашает к сопереживанию.

Хилинг-роман тяготеет к эстетике повседневного, о которой писал Мишель де Серто: «Повседневность – это не низшая сфера культуры, а место, где человек обретает власть творить собственное существование» [13]. Именно в мелочах и обыденных действиях раскрывается глубинный смысл жизни, утраченный в эпоху тотальной рациональности. Повседневность в хилинг-романе становится пространством духовной практики: простые ритуалы (приготовление еды, уход за садом, разговор с близкими) наполняются медленным светом присутствия [13; 18].

Писатель Морис Бланшо в «Литературном пространстве» говорил о «возможности речи, рождённой из молчания» [4]. Его идея о литературе как месте встречи бытия и тишины созвучна поэтике хилинг-романа, где молчание не пауза между словами, а сама ткань текста. Молчание не пусто; оно несёт энергию сопричастности, из которой вырастает доверие. Эта тишина – эстетическая форма заботы, противопоставленная агрессивной коммуникации современности [2; 3; 4].

Таким образом, эстетика хилинг-романа представляет собой синтез восточной созерцательности и европейской феноменологии. Она соединяет у-вэй Лао-цзы, дзэн-понятие *ма* и бергсоновскую длительность в единое художественное измерение [1; 7; 14; 19]. Это эстетика «мягкой силы» – силы, которая не действует, а присутствует, не навязывает, а оберегает. Как писал Джордж Стейнер, «там, где язык теряет доверие, искусство возвращает его миру» [20]. В этом смысле хилинг-роман становится не только жанром, но и культурным жестом сопротивления – мягким, но устойчивым ответом на кризис ускоренной цивилизации.

Философия заботы и гуманистическое измерение *slow culture*. Если эстетика хилинг-романа воплощает поэтику присутствия, то его этическое измерение раскрывается в философии заботы (*care*). В эпоху, когда доминируют скорости, алгоритмы и функциональные отношения, забота становится новой формой сопротивления обезличиванию. Она не сводится к эмоциональной реакции, а представляет собой способ бытия – внимательный, эмпатический, соразмерный. Как писала Кэрол Гиллиган, «забота – это не чувство, а моральная логика, укоренённая в отношениях» [6]. В этом смысле хилинг-роман моделирует мир, в котором мораль не отделена от чувств, а прорастает из них как естественная форма человеческого участия.

Этика заботы в хилинг-романе проявляется не в героических поступках, а в обыденных жестах: приготовлении еды, помощи соседу, внимании к старшему или ребёнку. Эти простые действия становятся микрожестами сопротивления атомизации. Они возвращают смысл слову «жить вместе», которое, по выражению Габриэля Марселя, «восстанавливает священную ткань мира» [8]. Таким образом, забота в этой литературе выполняет ту же функцию, что и тишина: она создаёт пространство сопричастия, где возможны эмпатия и внутреннее исцеление.

Джоан Тронто в книге *Moral Boundaries* (1993) развивает идею заботы как политико-этической категории [15]. Она утверждает, что общество, построенное на идеале автономии, утрачивает способность к устойчивости, поскольку «забота – это то, что связывает мир». Хилинг-роман на художественном уровне воплощает этот принцип: его повествование строится как сеть

связей, не доминирования, а соприсутствия. Отношения между героями не инструментальны, а резонансны; здесь важно не «что делают», а «как пребывают рядом».

Такое видение близко феноменологической мысли Мартина Хайдеггера, для которого *Sorge* («забота») – фундаментальный экзистенциал человеческого бытия [17]. В «Бытии и времени» он писал: «Быть – значит заботиться» (*Dasein ist Sorge*) [17]. Для Хайдеггера забота объединяет временность и внимание: человек существует не абстрактно, а как тот, кто удерживает мир через заботу. Хилинг-роман в этом контексте можно рассматривать как художественное проявление этой онтологии: он возвращает заботу в область культуры, превращая её из социального навыка в духовное состояние.

В эстетике *slow culture* забота приобретает и экологическое измерение. Забота о человеке неотделима от заботы о мире – о природе, пространстве, времени. Как подчёркивал Феликс Гваттари, кризис современной цивилизации вызван нарушением «экологии души» – способности чувствовать сопричастность окружающему [5]. Хилинг-роман восполняет этот разрыв: его герои учатся слышать дождь, разговаривать с растениями, ощущать присутствие животных как равных существ. Через внимание к природе восстанавливается внимание к себе.

Подобное понимание заботы сближает хилинг-роман с концепцией «экологии чувств» (*affective ecology*), развиваемой в современной культурологии. Литература здесь становится пространством экологического мышления – мягкого, неантагонистического, основанного на эмпатии и созерцании [5; 11]. В этой гуманистической перспективе забота перестаёт быть гендерно окрашенной или бытовой категорией, она превращается в универсальный принцип культурного выживания – в способность сохранять и удерживать жизнь, а не преобразовывать её.

Современные исследования подтверждают, что способность к заботе и эмпатическому вниманию напрямую связана с формированием культурной компетентности как системного качества личности. Так, Т. Е. Наливайко отмечает, что «вовлечение всех акторов, на которых направлена стратегия формирования культурной компетентности, создаёт условия для самореализации личности, обладающей гуманистическим мировоззрением и готовой к построению собственного жизненного сценария» [10, 112]. В контексте хилинг-романа эта идея приобретает эстетическое измерение, литература заботы формирует именно такую компетентность – способность быть внимательным к миру, понимать другого и строить отношения, основанные не на контроле, а на участии.

Женская чувствительность, традиционно ассоциировавшаяся с заботой, в хилинг-романе приобретает философский статус. В ней выражается не слабость, а глубина восприятия мира. Литература *healing*-направления часто создаётся женщинами: Ито Огава, Банана Ёсимото, Сон Вонпхён, Те Нэм Джу [16], – и в этом можно увидеть не просто гендерную тенденцию, а формирование новой этической оптики. Их тексты демонстрируют, что мягкость может быть формой силы, а уязвимость – источником мудрости.

По убеждению Юлии Кристевой, сострадание – это не сентиментальность, а возвращение к фундаментальному опыту человечности [20]. Хилинг-роман воплощает именно это понимание: он утверждает гуманизм как эмпатию, а не как абстрактный принцип. В мире, где коммуникация становится цифровой и безличной, подобная литература возвращает эмоциональный контакт и подлинную, не прагматическую этику соучастия.

Таким образом, философия заботы в хилинг-романе выходит за пределы частного опыта и формирует новое гуманистическое измерение культуры. Она соединяет индивидуальное и коллективное, эстетическое и этическое, телесное и духовное. Забота, как и медленность, становится способом быть в мире без насилия, а не стратегией избегания. В этом её подлинно культурологический смысл: она открывает возможность устойчивого существования человека в эпоху нестабильности.

Хилинг-роман, основанный на поэтике внимания, делает заботу видимой и осязаемой. Он утверждает, что гуманизм XXI века рождается не в манифестах, а в тишине: в нежных жестах, в молчаливых встречах, в способности замечать присутствие другого. Забота становится не только

темой, но и методом самой литературы: текст бережно ведёт читателя к опыту сопричастного существования, возвращая смысл словам «быть рядом».

Заключение. Хилинг-роман занимает особое место в современной культурной динамике: он становится не просто жанровым феноменом, а формой гуманистического сопротивления эпохе ускорения. В его основе лежит стремление вернуть человеку утраченные способности: внимание, соразмерность, эмпатию. Литература здесь выступает не как средство развлечения, а как пространство восстановления – она замедляет время, чтобы вернуть глубину переживания. Это замедление не есть бегство, напротив, это акт возвращения к реальности, к её подлинной плотности и тишине.

Современный мир всё чаще требует «реабилитации присутствия» – того, что Бергсон называл *durée réelle*, реальной длительностью, а Хартмут Роза – резонансом. Хилинг-роман воплощает этот поиск в художественной форме, соединяя философию времени, эмпатию и повседневную духовность. Он создаёт пространство, где читатель не просто наблюдает историю, а учится быть – дышать, слушать, соотносить собственное внутреннее время с ритмом текста.

В этом смысле хилинг-роман можно рассматривать как новую форму культурной терапии, объединяющую эстетику, философию и этику. Его терапевтический эффект заключается не в уходе от действительности, а в способности преобразовывать восприятие, показывать, что смысл скрыт в простом, а исцеление возможно через сопричастие. Как писал Марсель, «исцеление – это не возвращение к прежнему, а открытие возможности быть заново». Литература утешения воплощает именно это – не ностальгию по гармонии, а её тихое построение в настоящем.

Такое понимание искусства сближает хилинг-роман с традицией постсекулярного гуманизма, в котором культура вновь обретает сакральную функцию – удерживать смысл, возвращать меру, напоминать о ценности внутреннего. В мире, где коммуникация ускорена, а внимание рассеяно, хилинг-роман восстанавливает медленное мышление и эмпатическую чувствительность – две способности, от которых зависит выживание гуманистической цивилизации.

Через философию заботы и эстетику медленного времени хилинг-роман утверждает новую культурную парадигму – антропологию присутствия. В ней человек мыслится не как центр, а как участник, не как субъект действия, а как носитель внимания. Такое смещение акцента соответствует современным гуманитарным тенденциям – от культуры успеха к культуре сопричастия, от героического нарратива к тихой этике заботы. Литература становится здесь не способом повествования, а формой существования, в которой эстетическое, этическое и духовное соединяются в единую ткань смысла.

Как писал Хайдеггер, «поэзия – это установление бытия в слове». Хилинг-роман, следуя этой мысли, делает слово домом для бытия, в котором можно дышать без спешки. Он возвращает культуре не только гуманистическое измерение, но и глубинное доверие к жизни – то доверие, которое составляет основу любой духовной цивилизации.

Именно в этом заключается главный результат анализа: хилинг-роман представляет собой литературную форму медитативного гуманизма, ориентированного на преодоление стресса, отчуждения и эмоциональной фрагментации современности. Через медленное повествование и этику участия он формирует пространство «тихого сопротивления», где человек может вновь обрести чувство времени и внутреннюю согласованность с миром.

Эта литература не призывает к возвращению в прошлое и не отвергает модернность, напротив, она показывает возможность иной модерности – мягкой, внимательной, созерцательной. В этом заключается её культурологический смысл: хилинг-роман не просто лечит, он учит присутствовать, возвращая человеческому опыту глубину и достоинство.

Таким образом, философия исцеления, воплощённая в эстетике хилинг-романа, демонстрирует, что культура способна противостоять не только политическим или экономическим кризисам, но и экзистенциальной усталости эпохи. Медленность, тишина, простота и забота – это не формы бегства, а новые основания гуманизма XXI века. В них культура вновь становится домом для человека, а человек – внимательным свидетелем бытия.

Хилинг-роман завершает тем самым цикл гуманитарного самоисцеления: от усталости – к вниманию, от ускорения – к присутствию, от разобщённости – к сопричастности. Он напоминает, что смысл культуры не в прогрессе, а в способности хранить жизнь – мягко, бережно, с достоинством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергсон, А. Творческая эволюция / А. Бергсон; пер. с фр. В. Флеровой. Вступ. ст. И. Блауберг. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001. – 384 с.
2. Бён-Чхоль Хан. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива / Бён-Чхоль Хан. – М.: Лед, 2023. – 160 с.
3. Бён-Чхоль Хан. Аромат времени. Философское эссе об искусстве созерцания / Бён-Чхоль Хан. – М.: Лед, 2023. – 192 с.
4. Бланшо, М. Пространство литературы / М. Бланшо. – М.: Логос, 2002. – 288 с.
5. Гваттари, Ф. Хаосмос и этико-эстетическая парадигма / Ф. Гваттари; пер. с фр. А. Лемманн, Т. Алфёровой, А. Румеги, А. Моклаковой. – Корсаков: Производственный кооператив «Советская типография», 2023. – 209 с.
6. Гиллиган, К. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщин / К. Гиллиган // Этическая мысль: Научн.-публицист. чтения. 1991 / общ. ред. А. А. Гусейнова. – М.: Республика, 1992. – С. 352-371.
7. Лао-цзы. Книга о Пути жизни (Дао-Дэ цзин): с комментариями и объяснениями / Лао-цзы; пер. с китайского, сост., предисл., коммент. В. Малявина. – М.: АСТ, 2018. – 256 с.
8. Марсель, Г. Присутствие и бессмертие. Избранные работы / Г. Марсель; пер. с франц. В. П. Визгина. – М.: Институт философии, теологии и истории святого Фомы, 2007. – 328 с.
9. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти; пер. с фр. С. Н. Зенкина. – СПб.: Ювента: Наука, 1999. – 608 с.
10. Наливайко, Т. Е. Культурная компетентность: стратегии формирования и развития / Т. Е. Наливайко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № IV (76). – С. 56-59.
11. Роза, Х. Резонанс: социология отношения человека к миру / Х. Роза; пер. с нем. В. Е. Куренкова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 448 с.
12. Роза, Х. Ускорение и отчуждение: поиски резонанса в современной жизни / Х. Роза; пер. с нем. М. С. Ильина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 384 с.
13. Серто, М. де. Изобретение повседневности. Ч. 1: Искусство делать / М. де Серто; пер. с фр. С. О. Чихачева. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 384 с.
14. Судзуки, Д. Т. Учение дзэн-буддизма / Д. Т. Судзуки; пер. с англ. В. В. Малявина. – М.: Наука, 1992. – 304 с.
15. Tronto, Joan C. Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care. – New York: Routledge, 1993. – 240 p.
16. Те Нэм Джу. Госпожа Ким Чжи Ён, рождённая в 1982 году / Те Нэм Джу; пер. с корейского Е. Гусевой. – СПб.: Попкорн букс, 2021. – 224 с.
17. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.
18. Хонорэ, К. Без суеты. Как перестать спешить и начать жить / К. Хонорэ; пер. с англ. Е. К. Лопатиной. – М.: АСТ, 2017. – 320 с.
19. Shin'ichi Hisamatsu. Zen and the Fine Arts. – Tokyo: Kodansha International, 1971. – 191 p.
20. Стейнер, Дж. Настоящее присутствие / Дж. Стейнер; пер. с англ. С. Г. Кашиной. – М.: Ad Marginem Пресс, 2020. – 352 с.

Климова Е. В.
E. V. Klimova

**СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ И КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ**

**PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF TRADITIONS AND CULTURE
OF THE RUSSIAN FAR EAST INDIGENOUS SMALL-NUMBERED PEOPLES**

Климова Екатерина Викторовна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: katekl@mail.ru.

Ekaterina V. Klimova – Senior Lecturer, Linguistics and Cross-Culture Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: katekl@mail.ru.

Аннотация. В статье анализируется государственная политика, направленная на сохранение и развитие культурных традиций коренных народов Дальнего Востока России. Статья акцентирует внимание на значимости вопросов, связанных с традиционным образом жизни и системой образования коренного населения страны в современных условиях. Автор исследует, как меры, принятые государством, способствовали укреплению культурной идентичности коренных малочисленных народов в Хабаровском крае. Особое внимание уделяется внедрению обновлённой Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Summary. The article analyzes the state policy aimed at preserving and developing the cultural traditions of the indigenous peoples of the Russian Far East. The article focuses on the importance of issues related to the traditional way of life and the education system of the indigenous population in modern conditions. The author explores how the measures taken by the state have contributed to the strengthening of the cultural identity of the indigenous peoples of the Khabarovsk Territory. Special attention is given to the implementation of the updated Concept for the Sustainable Development of the Indigenous Peoples of the North, Siberia, and the Russian Far East.

Ключевые слова: культура, концепция устойчивого развития, малочисленные народы.

Key words: culture, the concept of sustainable development, indigenous peoples.

УДК 37+930.85

Культурное наследие коренных народов Дальнего Востока России – это уникальное сочетание традиций, обычаев, ремёсел и мировоззрений. Оно передавалось из поколения в поколение на протяжении веков. Коренные народы Дальневосточного региона обладают богатым культурным наследием, которое сейчас находится под угрозой исчезновения [6].

Глобализация экономики сильно влияет на жизнь коренных народов, приводя к значительным изменениям в культурном поле. Молодёжь стремится влиться в современное общество, что часто ведёт к утрате традиционных знаний, ценностей и языков. В условиях давления со стороны более многочисленных этнических групп многие коренные народы сталкиваются с утратой идентичности [3].

Хабаровский край – третий по численности коренных малочисленных народов Севера среди всех субъектов Российской Федерации, это историческая родина для восьми этносов: нанайцев, негидальцев, нивхов, орочей, удэгейцев, ульчей, эвенков и эвенов. В Хабаровском крае нанайцы составляют самую многочисленную группу коренных народов (11 668 человек, по данным переписи 2020 г.) [6]. Нанайцы ведут традиционный образ жизни, занимаясь рыболовством, охотой, оленеводством и ремёслами. Эти занятия позволяют им сохранять свою культуру и уникальность, но переход страны к рыночной экономике разрушил экономическую базу, на которой существовали коренные народы, что привело к значительному ухудшению качества их жизни.

Важно отметить, что государство сосредоточилось на разработке мер, направленных на сохранение традиционного образа жизни, исконной среды обитания и уникальной культуры коренных народов, а также на предоставлении им финансовой поддержки. В 2009 г. в сфере национальной политики было принято Распоряжение от 4 февраля 2009 г. № 132-р «О принятии “Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России на период 2009-2025 гг.”» [3]. Цель концепции – «создание условий для формирования устойчивого развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на основе укрепления их социально-экономического потенциала при сохранении исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей этих народов» [5].

Таким образом, по промежуточным итогам реализации данной концепции в Хабаровском крае в пределах населённых пунктов края выделены водные объекты, доступные для общего пользования. На данных водоёмах коренные малочисленные народы имеют право заниматься традиционным рыболовством в личных целях. Для членов многодетных семей коренных малочисленных народов увеличен объём выделяемых квот на вылов рыбы. Значительно вырос объём охотничьих ресурсов для традиционной охоты.

Одной из ключевых задач концепции является расширение возможностей получения образовательных услуг для малочисленных народов края, учитывая их уникальные этнокультурные особенности. Для студентов из числа коренных малочисленных народов, обучающихся очно в профессиональных и высших учебных заведениях, а также относящихся к малоимущим семьям, предусмотрены такие меры социальной поддержки, как компенсация проезда к месту учёбы и обратно, единовременная материальная помощь. Увеличено число стипендий для выдающихся студентов из числа коренных малочисленных народов.

Но, несмотря на предпринимаемые меры, положение коренных народов России ухудшилось. Их традиционный образ жизни не соответствует современным экономическим условиям. Традиционные виды хозяйственной деятельности неконкурентоспособны из-за низких объёмов производства, высоких транспортных затрат и отсутствия современных технологий для переработки сырья и биологических ресурсов. Многие реки и водоёмы, которые раньше служили для традиционных промыслов, потеряли своё значение для рыболовства из-за экологических проблем [4].

Также сохраняется проблема оттока молодёжи коренных народов Дальневосточного региона, что приводит к утрате традиций, языков и культур. Язык – ключевой элемент культурного наследия любого народа. Однако длительная политика русификации способствовала стремительному процессу его утраты среди коренных малочисленных народов Дальнего Востока России. Язык возрождается через его передачу младшему поколению, что напрямую зависит от образовательной системы. В российских школах не преподают языки коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Из-за такого подхода представители коренных народов сталкиваются с трудностями в использовании родного языка. Языки малочисленных народов часто преподаются как факультативные предметы, что угрожает их выживанию и может негативно повлиять на формирование этнической идентичности. Для повышения качества обучения родным языкам и культуре коренных малочисленных народов выпускаются учебные пособия, посвящённые языкам этносов, проживающих в крае и регионе. Ежегодно проводятся краевые и региональные олимпиады, направленные на повышение интереса школьников к родному языку и культуре коренных малочисленных народов. Учителям родного языка также предоставляются возможности для повышения квалификации [2]. К сожалению, принятых мер недостаточно для восстановления традиционной культуры коренных жителей региона.

Таким образом, с начала 2026 г. в Российской Федерации начнётся реализация обновлённой Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Срок действия данной программы рассчитан до 2036 г. Соответствующее распоряжение утвердил Председатель Правительства Российской Федерации Михаил Мишустин [6].

Одним из важных изменений в обновлённой концепции стал экологический мониторинг территорий, где проживают коренные народы страны [3]. Для защиты исконных земель коренных малочисленных народов необходимо внимательно следить за экологическим состоянием этих тер-

риторий и учитывать их интересы при реализации инфраструктурных проектов. Представители коренного населения должны быть вовлечены в общественные обсуждения и экологические экспертизы при разработке федеральных и региональных программ по освоению природных ресурсов.

Новая концепция предусматривает отдельный раздел о доступности образования. Планируется оснастить школы в местах проживания коренных народов современным оборудованием и учебниками на родных языках. Особое внимание уделяется поддержке малочисленных языков в цифровом пространстве. Будут созданы клавиатурные раскладки, электронные словари, онлайн-переводчики и поисковые системы на родных языках [1]. Осуществляются действия по интеграции языков коренных малочисленных народов в сервис «Яндекс Переводчик». В начале ноября 2025 г. указом Президента Российской Федерации было утверждено два новых государственных праздника: День коренных малочисленных народов России (30 апреля) и День языков народов России (8 сентября) [3].

Таким образом, предполагается рост показателей эффективности в сфере политики, направленной на сохранение и развитие культуры коренных народов России:

1. Усовершенствование нормативно-правовой базы для защиты прав коренных малочисленных народов Севера.
2. Обеспечение приоритетного доступа к природным ресурсам в местах традиционного проживания коренного населения.
3. Увеличение количества объектов социальной инфраструктуры в местах проживания коренных народов.
4. Улучшение доступности государственных и муниципальных услуг для коренных народов страны.
5. Повышение роли общин в социально-экономическом развитии и улучшении качества жизни коренных народов.
6. Создание условий для изучения и обучения на родных языках.
7. Разработка стратегий для поддержки творческого потенциала коренных малочисленных народов и популяризации культурного наследия [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриченко, Л. В. Проблемы правового обеспечения сохранения культурного наследия коренных малочисленных народов: международный и национальный аспекты / Л. В. Андриченко // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 4 (77). – С. 17-32.
2. Климова, Е. В. Культура коренных народов Приамурья сегодня: аксиологический и коммуникативный аспекты / Е. В. Климова // Сборник материалов XXIII Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге: сборник докладов и сообщений, Санкт-Петербург, 24-27 мая 2023 года. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, 2023. – С. 23-30.
3. Кулакова, Э. И. История развития законодательства о коренных малочисленных народах Севера, Сибири и Дальнего Востока / Э. И. Кулакова // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2022. – № 2 (40). – С. 85-87.
4. Силантьева, Н. А. Современное состояние и пути развития общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / Н. А. Силантьева // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 8. – № 2. – С. 75-81.
5. Сторожук, М. В. Взаимодействие государства с коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока. Теоретический аспект / М. В. Сторожук // Постсоветский материк. – 2025. – № 3 (47). – С. 41-54.
6. Устойчивое развитие геоторий Дальнего Востока: оценка потенциала, влияние на экономику и качество жизни: сборник научных трудов / В. В. Бушуев, А. Н. Клепач, В. М. Зайченко [и др.]. – М.: ЗАО «Глобализация и Устойчивое развитие. Институт энергетической стратегии», 2024. – 208 с.
7. Чашина, С. И. Совершенствование правового регулирования вопросов жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Дальнего Востока как основа устойчивого развития цивилизации / С. И. Чашина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № II (66). – С. 77-82.

Мусалитина Е. А.
E. A. Musalitina

**КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ:
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ БРАКАХ**

**CROSS-CULTURAL COMMUNICATION OF FAMILY VALUES: FEATURES
OF INTERACTION IN RUSSIAN-CHINESE MARRIAGES**

Мусалитина Евгения Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Evgenia A. Musalitina – PhD in Culture Studies, Assistant Professor, Linguistics and Cross-Culture Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Аннотация. Межэтнические браки представляют особую форму кросс-культурного диалога, в которой отражаются макропроцессы взаимодействия культур. В этом контексте российско-китайские браки получают особый исследовательский интерес, поскольку возникают на пересечении двух мощных национальных культур, обладающих глубокими контрастными историческими традициями. Семья как первичный институт социализации становится полем столкновения и взаимопроникновения двух национальных ценностных систем. В силу этого комплексное культурологическое изучение института межнационального брака приобретает особую актуальность. В статье рассматриваются традиционные представления о семейных ценностях, транслируемые классической литературой России и Китая, а также государственными законодательными документами в сфере поддержки института семьи. Устанавливаются основные конфликтные зоны межкультурного взаимодействия в российско-китайских семьях, описываются причины межкультурных противоречий.

Summary. Interethnic marriages represent a special form of cross-cultural dialogue, reflecting macro-processes of cultural interaction. In this context Russian-Chinese marriages are of particular research interest, as they arise at the intersection of two powerful national cultures with deeply contrasting historical traditions. The family, as the primary institution of socialization, becomes a field of clash and interpenetration of two national value systems. Therefore, comprehensive cultural study of interethnic marriage is particularly relevant. This article examines traditional notions of family values, as conveyed by classical Russian and Chinese literature, as well as state legislative documents supporting the institution of the family. The main conflict zones of intercultural interaction in Russian-Chinese families are identified, and the causes of intercultural contradictions are described.

Ключевые слова: российско-китайские браки, межэтнический брак, семейные ценности, межкультурная коммуникация, гибридизация культур.

Key words: Russian-Chinese marriages, interethnic marriage, family values, intercultural communication, cultural hybridization.

УДК 008:39(470+510)

Актуальность и проблематика исследования. Процессы, типичные для культуры XXI в., характеризующиеся интенсивной глобализацией и транснациональной мобильностью, привели к значительному увеличению числа интернациональных браков. Данные союзы перестали быть уникальным феноменом, встречающимся единично. В настоящее время они представляют особую форму кросс-культурного диалога, в которой отражаются макропроцессы взаимодействия культур. В этом контексте российско-китайские браки получают особый исследовательский интерес, поскольку возникают на пересечении двух мощных национальных культур, обладающих глубокими контрастными историческими традициями.

Семья, в свою очередь, как первичный институт социализации становится полем столкновения и взаимопроникновения этих ценностных систем, что требует комплексного культурологического изучения института межнационального брака. Обращаясь к российско-китайским брачным союзам, можем отметить, что особое значение феномен приобретает в Дальневосточном регионе России, поскольку межэтнические браки распространены в приграничных районах.

Ключевая проблематика данного исследования заключается в выявлении сфер культурного столкновения на микроуровне межнациональной семьи в условиях динамичного стратегического партнёрства России и Китая. Ситуация осложняется тем, что аспекты макроуровня регулируются государством, в то время как на микроуровне члены семьи вынуждены самостоятельно преодолевать культурные барьеры.

Целью настоящего исследования является анализ системы семейных ценностей российско-китайских браков в контексте кросс-культурной коммуникации.

Решение следующих **задач** представляется необходимым для достижения исследовательской цели:

1. Провести компаративный анализ традиционных моделей семейных ценностей, доминирующих в российском и китайском социокультурном пространстве.
2. Выявить ключевые социокультурные аспекты российско-китайских браков, в которых ценностные расхождения проявляются с наибольшей интенсивностью, порождая конфликты.
3. Определить совокупность факторов, детерминирующих успешность кросс-культурной коммуникации в межнациональных семьях.

Методологическая база исследования. Представленная работа – это результат теоретического осмысления феномена кросс-культурного брака и попытка выделения конфликтных зон кросс-культурного взаимодействия на уровне семьи. Автор исследования ставит перед собой цель выявить в межнациональном браке потенциальные области противоречий, обусловленные влиянием традиционных национально-культурных семейных традиций. В силу этого работа выполнена в контексте междисциплинарного подхода, позволяющего интегрировать исследовательский аппарат культурологии, социологии, культурной антропологии, теории межкультурной коммуникации.

Теоретико-методологический анализ направлен на систематизацию существующих научных парадигм в области изучения семьи в контексте российско-китайского взаимодействия. Анализ культурных аспектов семейных ценностей России и Китая опирается на исследования отечественных и китайских авторов, описывающих особенности менталитета и культурные коды двух наций.

Для реализации кросс-культурного анализа уникальных паттернов семейных традиций применяется сравнительно-сопоставительный метод. Русские традиции института брака рассматриваются как система, формирующаяся под влиянием исторических переломов, смены идеологий, религиозных догм. Культурные основы китайского брака интерпретируются через исследование канонов конфуцианства. Такие ключевые понятия, как «почтение предков», «сохранение лица», «патернализм» рассматриваются в культурно-исторической ретроспективе.

Контент-анализ используется в исследовании для выявления ключевых понятий, связанных с институтом семьи и закреплённых в нормативно-правовых документах России и Китая.

Интерпретативный анализ позволяет провести анализ художественных произведений для выявления культурных кодов, национально обусловленных ценностей.

Таким образом, применимый к исследованию методологический аппарат даёт возможность провести анализ сложного многогранного процесса взаимодействия культурных кодов и культурной реальности межнационального брака. Результаты исследования представляют теоретический и практический интерес для междисциплинарного изучения феномена.

Источниковая база исследования определена на основе комплексного подхода к проблеме и включает два типа источников:

1. Нормативно-правовые документы России и Китая, в которых закреплены положения о национальных культурных и семейных ценностях: Семейный кодекс РФ, Концепция государственной семейной политики Российской Федерации, Указ Президента «Об утверждении основ

государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; Конституция Китайской Народной Республики, Закон КНР «О браке».

2. Источники, позволяющие провести анализ культурных архетипов: произведения русской классической литературы («Война и мир» Л. Н. Толстого, «Отцы и дети» И. С. Тургенева, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина; «Гроза» А. Н. Островского, «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского), произведения классической китайской литературы (романы «Сон в красном тереме» Цао Сюэцинь, «Речные заводы» Ши Найань, а также Конфуцианские трактаты).

Несомненно, комплексное изучение феномена наряду с анализом выше рассмотренных источников требует реализации эмпирического исследования среди респондентов из российско-китайских семей. В силу этого автором планируется осветить результаты такого исследования в отдельной публикации, что расширит источниковую базу работы.

Основные теоретические подходы к исследованию кросс-культурных браков. Степень научной разработанности темы определяется тремя основными факторами. Во-первых, это объективный рост статистики российско-китайских браков, их возрастающая роль как социального феномена, требующего академического осмысления. Во-вторых, несмотря на наличие работ, посвящённых общим вопросам межкультурной коммуникации, наблюдается дефицит исследований, сфокусированных именно на лингвокультурных коммуникативных аспектах построения семейной идентичности в условиях российско-китайского диалога. В-третьих, существует острая практическая потребность в выработке конкретных культурных стратегий, которые могли бы быть апробированы в сфере межкультурного образования и социальной поддержки смешанных семей.

Всестороннее изучение российско-китайских браков требует реализации комплексного подхода, объединяющего достижения социологии семьи, межкультурной коммуникации, антропологии и гендерных исследований.

Анализ актуальной научной литературы позволяет выделить несколько основных направлений изучения социокультурных аспектов смешанных браков:

1. Исследования в рамках межкультурной коммуникации. В данном контексте проблема исследуется сквозь призму теории культурных измерений Г. Хофстеде [18, 36]. Согласно его концепции, ценности измеряются по нескольким параметрам культуры (индивидуализм – коллективизм, гендерные аспекты, уровень терпимости к неопределённости, степень долгосрочности и др.). Теория высоко контекстных и низко контекстных культур Э. Холла способствует выявлению причин коммуникационных неудач в межнациональных семьях [17, 172]. В рамках концепции аккультурации Д. Берри смешанный брак рассматривается как симбиоз двух культур, а не как ассимиляция одного из супругов [13].

2. Социологические исследования семьи. В рамках теории обмена П. Блау и Д. Хоманса межнациональный брак рассматривается как инструмент получения благ через использование возможностей партнёра. Это может быть право легализации в иностранном государстве, упрощённая схема налогообложения бизнеса и др. Теория структурного символизма П. Бурдьё позволяет выявить закономерности механизмов социальной иерархии в институте семьи с учётом национальных традиций [15, 29].

3. Культурологические концепции. Теория гибридной идентичности Х. Бхабха рассматривает брак представителей разных культур как феномен формирования новой гибридной культуры. Наряду с этим теория «третьей культуры» описывает особенности культурной среды детей из межнациональных семей [14, 298]. Широкое освещение проблем межнациональных браков в разных сферах гуманитарного знания демонстрирует многогранность феномена и необходимость его глубокого осмысления.

Традиционные семейные ценности в русской культуре. Русская семья представляет собой систему, традиционно включающую бинарные противоречия, борьбу двух начал: соборности, т. е. стремления к духовному единению людей, и общинности, т. е. жизненной необходимости объединения для противостояния внешним угрозам, а также выживания в суровых условиях русской природы. Культурный код русской семейной традиции формировался в контексте сложных исторических переломов и вызовов, идеалов православия, а также концепции коллективизма.

Трансляция семейных ценностей в русской классической литературе. Особое значение для понимания традиционных идеалов русской семьи имеют произведения русских писателей XIX в. Литература этого периода стала источником «нравственного ориентира», транслируя идею глубокой национальной идентичности через сюжеты частной семейной жизни. Анализ классических текстов позволяет выявить фундаментальные семейные ценности в традиционной культуре (см. табл. 1).

Таблица 1

Русские традиционные семейные ценности в контексте классической литературы

Семейные приоритеты	Автор, произведение	Ключевые положения
Концепция нравственного здоровья семьи	Л. Н. Толстой «Война и мир» [7]	Аксиологическая система, в которой главные ценности семьи – её духовно-нравственный потенциал, а не материальный статус
Семья как «протективный» механизм социальной среды		В эпилоге романа семейный союз Пьера и Наташи представлен как микромодель гармоничного общества, в основе которого лежит взаимоуважение, взаимопонимание, духовное единство, противостоящие внешнему хаосу
Обличение псевдопатриархальности и кризис отцовства	А. Н. Островский «Гроза» [4], Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы» [1]	Семейные ценности извращены доминирующими идеями патриархального уклада. Глава семьи Кабаниха через подавление воли членов семьи утверждает свою власть. В семье Карамазовых образ отца – это антигерой, в основе образа цинизм и распущенность. Утеря морального авторитета влечёт за собой кризис патриархальной власти
Ценность преемственности поколений	И. С. Тургенев «Отцы и дети» [8]	В романе традиционные ценности старшего поколения (Кирсановых), культивирующие уважение к аристократизму, эстетике, сталкиваются с нигилизмом молодого поколения (Базарова). Однако в результате борьбы традиционные ценности сохраняют свои доминирующие позиции
«Бессемейность» как антиценность	А. С. Пушкин «Евгений Онегин» [5]	Образ Евгения Онегина – это воплощение отрицания традиционной ценности и роли семьи, брака. Причиной этому автор видит в особенностях воспитания героя, отсутствии родительского внимания и семейного тепла

Таким образом, можно сделать вывод, что в классической русской литературе семейные ценности – это культурный код, через призму которого моделируются моральные принципы, социальный уклад, основы личности. Семья представлена не только как бытовая единица, но и как символическое пространство, включающее фундаментальные культурные концепты института семьи.

Утверждение семейных национальных ценностей в законодательстве Российской Федерации. Семейный кодекс РФ – основной документ, регламентирующий фундаментальные моральные и этические принципы семейных отношений и базовые национальные ценности семьи. Одним из основополагающих принципов провозглашается добровольность и недопустимость любых форм принуждения в вопросах создания семьи.

Главной семейной ценностью признан ребёнок и защита его прав. Семья признаётся союзом, все члены которого осуществляют поддержку и заботу друг о друге [3]. Один из важнейших

пунктов Семейного кодекса – государственные меры по сохранению института брака (установление судом сроков для примирения, внедрение многоступенчатой системы бракоразводного процесса для семей с детьми) [6].

Указ Президента РФ «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» существенно дополняет и акцентирует положения Семейного кодекса. Согласно документу, семья признаётся одной из традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также опорой государства и условием его суверенного развития. В качестве базовых семейных ценностей утверждаются: брачный союз между мужчиной и женщиной, многодетная семья, духовно-нравственное воспитание детей, уважение к старшему поколению, забота о младших [9].

В результате законодательная составляющая основ института семьи в России конструирует образ союза, основанного на традиционных национальных ценностях: добровольности и равноправии, защите детства, взаимной поддержке и помощи, верховенстве прав ребёнка.

Традиционные семейные ценности в китайской культуре. Влияние конфуцианства. Система семейных ценностей в Китае базируется на конфуцианской философской традиции, которая имеет тысячелетнюю историю. Можно выделить несколько ключевых положений конфуцианской концепции, определяющих национальную специфику института семьи (см. табл. 2).

Таблица 2

Традиционные семейные ценности Китая в контексте конфуцианского учения

Семейные приоритеты	Ключевые положения
Ценность «Сяо» (почитание родителей)	Главная семейная ценность Китая. Это не только уважение и внимание к родителям, но и абсолютное послушание и повиновение. Принцип «Сяо» предполагает обязанность детей по обеспечению родителей в пожилом возрасте [2, 127]
Култ предков и рода	Семья в китайской культуре – это в первую очередь связь поколений, неразрывная нить между предками и потомками. Разрыв этой связи означает гибель рода, поэтому важнейшей задачей семьи является продолжение рода по линии мужчины. Только мужчины могли совершать ритуальные жертвоприношения предкам, отсутствие потомков мужского пола считалось бедствием для семейного рода [2, 83]
Патриархальное начало семьи	Китайская семья имела строгую иерархичную структуру: мужчина – глава семьи, младшие члены подчиняются старшим. В основе гендерной иерархии лежала идея о превосходстве мужского начала над женским. Таким образом, дочь подчинялась отцу, жена – мужу, сестра – брату [2, 59]
Коллективное превыше индивидуального	В семье как микромоделе китайского общества также действовал принцип преобладания коллективных интересов над частными. Чувства и потребности индивида считались незначимыми и лишними [2, 184]
Традиция разделения обязанностей	Семейные обязанности были чётко регламентированы и определены в соответствии с иерархией: дети должны заботиться о престарелых родителях, а родители – воспитывать и дать образование детям [2, 142]

Классическая китайская литература как источник представлений о традиционных семейных ценностях. Китайская литература является одним из главных ресурсов выявления ключевых представлений о семье, а также установления системы приоритетов и ценностей, определяющих традиционный семейный уклад в культуре Китая.

В романе Цао Сюэ-цин *«Сон в красном тереме»* показана история падения аристократического рода. В этой драме раскрывается спектр семейных ценностей. Чувства и личные желания героев романа Бао-юя и Дай-юй не учитываются в решении семейных вопросов, им на смену приходят интересы семейной династии [10].

Институт брака показан в романе не как союз любви, а как инструмент выгодного объединения семей. Эта идея раскрывается на примере историй нескольких браков второстепенных героев произведения.

Благополучие семьи зависит от её кармы, которая, в свою очередь, определяется моральными качествами потомков. Семейный род погибнет под влиянием таких пороков, как жадность, развращённость, коррупция, обман, интриги, зло. Эта судьба постигла семью Цзя, которая была разрушена из-за морального разложения её членов.

В романе *Ши Найань «Речные заводы»* семья представлена не в традиционном понимании, а как братский союз, члены которого не связаны кровным родством. Главной ценностью этого союза является верность. Так, более ста членов братства дают клятву о верности друг другу, всесторонней поддержке и взаимопомощи [11].

В контексте романа раскрывается ещё одна ключевая семейная ценность – месть за причинённый семье вред. Герой У Сун мстит за убийство брата У Далена и исполняет свой моральный долг по защите семейной чести.

Таким образом, в классической китайской литературе традиционная конфуцианская модель семейных ценностей переплетается с трансформированным концептом семьи как добровольческого союза.

Утверждение семейных национальных ценностей в законодательстве КНР. На государственном уровне традиции семейного уклада во многом формируются под влиянием действующего в стране законодательства. Одним из главных документов в этой сфере является «Закон о браке». Согласно его основным положениям, в Китае провозглашается свобода брачного союза. Формируется новая социальная модель, в основе которой лежат такие базовые ценности, как суверенная личность, добровольный выбор. Пропагандируется «аффективная модель брака», транслирующая идею о праве самостоятельного выбора, основанного на взаимных чувствах [19].

Значительное влияние на трансформацию традиционных конфуцианских семейных ценностей оказало введение закона «Одна семья – один ребёнок» (1979-2015 гг.) [11]. В результате идея о скромности и подчинении родителям была замещена феноменами «маленького императора» и гиперопеки, когда внимание родителей и бабушек с дедушками было сфокусировано на одном ребёнке [20]. Стремление семей иметь наследника мужского пола привело к росту селективных аборт и гендерному дисбалансу. Проблема нехватки женского населения, в свою очередь, создала новый социальный вызов, заключающийся в повышении конкуренции среди мужчин и требований к их материальному положению.

Таким образом, семья в современном Китае – это динамичная система, сохраняющая элементы традиционных конфуцианских ценностей, приобретающая новые идеалы и модели развития под влиянием государственной политики, стремительной урбанизации и комплексных социокультурных реформ.

Взаимодействие российских и китайских семейных ценностей в межнациональном союзе. С развитием российско-китайского всеобъемлющего стратегического сотрудничества наблюдается рост межнациональных семей, что особенно актуально в приграничных районах. Гендерный дисбаланс китайского социума с преобладанием мужского населения провоцирует повышенный интерес к российским женщинам как потенциальным брачным партнёрам.

С одной стороны, межкультурное взаимодействие внутри семьи способствует не подавлению одной культурой другой, а формированию нового синтеза культур. С другой стороны, такие союзы сталкиваются с вызовами, обусловленными коренными различиями в кодах национальных культур супругов [12].

Результаты анализа ключевых семейных ценностей в культуре России и Китая, транслируемых классической литературой и национальной государственной идеологией, позволяют выделить потенциальные аспекты межкультурных семейных конфликтов. Среди них наиболее существенными представляются следующие:

– *Зона конфликта, связанная с китайским ориентиром на коллективизм и российским ориентиром на индивидуализм.* Важные решения в китайской семье часто принимаются на семейном

совете, включающем как близких, так и дальних родственников. В российском семейном укладе, несмотря на почтение старших поколений, ценится личная автономность, право на самостоятельный выбор. При этом угроза конфликта заключается в несогласии российского партнёра в активном участии китайских родственников в жизни семьи, что может быть расценено как вмешательство в личное пространство. Наряду с этим для китайского партнёра это является показателем прочных семейных уз.

В китайском семье часто все члены «расширенной» семьи имеют общие финансы и распоряжаются ими вместе: средства расходуются на содержание пожилых родственников, образование детей, текущие нужды. Такая система распределения семейного бюджета считается традиционной. Для российской семьи характерно планирование бюджета в пределах «нуклеарной» семьи (родители и дети). Финансовая помощь родственникам обычно не носит регулярный характер. В такой ситуации высок риск конфликтов между российским и китайским партнёром на почве нецелесообразности трат на нужды многочисленных китайских родственников в ущерб интересам собственной семьи.

– *Зона конфликта, связанная с распределением гендерных ролей.* В современном Китае не теряет своей актуальности конфуцианская идея о главенствующей роли мужчины. Он принимает ответственные решения, занимается только «мужскими» обязанностями, в то время как в сфере ответственности женщины лежит забота о доме и детях. Несомненно, в современном китайском обществе гендерные роли постепенно трансформируются и стремятся к утверждению равноправия под воздействием глобализации, урбанизации и вестернизации. Однако этот процесс не имеет такого стремительного темпа, как в западном обществе.

Для современной России типичной является высокая социальная активность женщин. Они успешно совмещают профессиональную деятельность, воспитание детей, заботу о доме. Присущая русским женщинам многозадачность привела к формированию устойчивого представления о равноправии полов.

– *Зона конфликта, связанная с подходом к воспитанию детей.* Китайская традиция конфуцианской этики делает акцент на академических успехах, развитии конкурентоспособности с раннего возраста, формировании строгой дисциплины, стремлении показывать отличные результаты во всех сферах. Трудолюбие и усердие культивируются как главные составляющие успеха. Отмечается высокая степень родительского вовлечения в процесс обучения и развития ребёнка, осуществляется жёсткий контроль академических результатов. Эмоциональной сфере отводится значительно меньше внимания.

В российской системе воспитания значительное внимание уделяется творческому развитию детей, формированию самостоятельности, чувства ответственности, морально-нравственному воспитанию. В силу этого утверждается идея о равнозначности знания и воспитательного компонентов. В связи с этим в зону конфликта попадает китайская установка о необходимости «преуспеть в учёбе» в ущерб раскрытию своих талантов. Выбор подхода к воспитанию ребёнка может стать серьёзным вызовом для родителей в межнациональной семье: свойственное для китайского общества стремление подавления эмоций трактуется в России как излишняя холодность и вред для психики ребёнка.

– *Зона конфликта, связанная с бытовой культурой.* Бытовая культура Китая формировалась тысячелетиями под влиянием национальных философско-религиозных представлений и в настоящий момент представляет комплексную систему норм, традиций, правил, которые направлены на регулирование повседневной жизни китайского общества. Системы питания и лечения основаны на принципах Инь и Янь, и современные китайцы до сих пор следуют им: пища делится на группы «холодные» и «горячие» в зависимости от особенностей продуктов.

Традиционно в приготовлении блюд используется много специй. «Генетическая память» о временах голода способствовала формированию представления о том, что еды должно быть много, на столе остаётся большое количество несъеденного. Эта традиция проявляется как в повседневном питании, так и во время праздничных застолий, что непривычно для русских. Наряду с этим значительная доля питания китайцев приходится на общественные заведения (пункты пита-

ния недалеко от дома, рестораны, уличные кафе). Семейные праздники не принято отмечать дома, как правило, большие компании празднуют торжества в традиционных китайских ресторанах.

Согласно русской традиции, одной из важнейших добродетелей является гостеприимство, которое выражается в щедром угощении, создании благоприятной атмосферы. В силу этого для русского партнёра более привычны семейные празднования в домашнем кругу с приглашением только самых близких друзей и родственников.

В лечении заболеваний китайцы в первую очередь обращаются к средствам традиционной медицины и только в крайнем случае – к медикаментам доказательной западной медицины. В России наблюдается доверие методам лечения официальной медицины, включающим сильнодействующие препараты (обезболивающие, антибиотики и др.), высок врачебный авторитет.

– *Зона конфликта, связанная с религиозными взглядами.* Основными религиями в Китае являются даосизм и буддизм, также высокое значение имеют идеи конфуцианства. При этом примечательно то, что религиозные системы представляют скорее комплекс философско-этических концепций, чем религиозное учение в привычном для России представлении с сильными традициями православного христианства.

Традиции празднования – это часть культурной идентичности. В русско-китайских семьях существенные различия праздничной культуры могут стать причиной напряжённости в отношениях, споров и разногласий. Несовпадение дат, ритуалов, этикета дарения подарков, событийных поводов праздников также становятся причиной конфликтов.

Если российский партнёр религиозен, а китайский – нет, может наблюдаться отсутствие поддержки в соблюдении религиозных обрядов и традиций. Китайский супруг, возможно, не поймёт религиозной идеи соблюдения поста в связи с китайской традицией «обильных застолий» или необходимости посещения ночной церковной службы в период Рождества. Разногласия могут возникнуть и в вопросах, связанных с необходимостью воспитания у детей чувства религиозности.

Заключение. Проведённый анализ особенностей взаимодействия двух национальных культур в условиях межэтнической семьи позволяет сделать вывод о том, что российско-китайская семья – это не просто брачный союз, а диалог двух культурных систем, формирование новой гибридной модели семейного союза. В его условиях встречаются две абсолютно разные культуры: вековые традиции китайского коллективизма, в котором личное уступает интересам семейного рода, гармония достигается через строгое соблюдение семейной иерархии, и российская традиционная модель семьи как союза самостоятельных и равноправных личностей, где высока роль уважения личных интересов. Семейные конфликты затрагивают сферу идентичности партнёров, включающую их ценностные ориентации, национально обусловленные паттерны коммуникации.

При этом необходимо отметить, что выявленный дуализм представляет не источник неразрешимых противоречий, а поле для поиска компромиссов, адаптации и формирования симбиоза межнациональных семейных ценностей.

Установленные в ходе исследования конфликтные зоны в основном имеют общий фундамент: различия в понимании семьи как нуклеарной единицы (родители и дети) и расширенной семьи (близкие и дальние родственники). Принятие этих различий позволяет предотвратить семейные конфликты, найти компромиссы и построить новую гибридную систему семейных ценностей. Успешность конструирования межкультурного диалога в условиях межэтнической семьи зависит от уровня межкультурной компетентности обоих супругов, их готовности к диалогу, непринятия культуроцентрических установок.

Таким образом, российско-китайская семья становится не только микромоделью российско-китайского партнёрского взаимодействия, но и обладающей потенциалом новой формой межкультурной коммуникации. Эта форма способна преодолевать культурные границы и формировать новую идентичность, основанную на взаимоуважении и взаимном обогащении двух культур в контексте брачного союза.

Перспектива исследования. В фокусе внимания автора данной работы – российско-китайские семьи, тем не менее перспективным представляется расширение исследования на другие типы смешанных браков. Сравнительный анализ разных типов межэтнических семей (россий-

ско-корейских, российско-японских и др.) позволит выявить закономерности взаимодействия культур в смешанных браках, а также уникальные национально обусловленные характеристики. Такой кросс-культурный подход может стать основой для разработки мер по повышению эффективности стратегий преодоления межкультурных конфликтов в смешанных семьях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы: [роман] / Ф. М. Достоевский. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 782 с.
2. Конфуций (ок. 551-479 до н. э.). Беседы и суждения: [трактат: перевод с китайского] / Конфуций. – М.: Мир книги: Литература, 2006. – 350 с.
3. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 года № 1618-р // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Кодекс», 2025. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420217344> (дата обращения: 25.10.2025). – Текст: электронный.
4. Островский, А. Н. Гроза. Пьесы / А. Н. Островский. – М.: Юрайт, 2024. – 288 с.
5. Пушкин, А. С. Евгений Онегин: роман в стихах / А. С. Пушкин; текст коммент., подбор ил. Л. В. Рожников. – М.: Проспект, 2019. – 437 с.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 22.10.2025). – Текст: электронный.
7. Толстой, Л. Н. Война и мир: [роман: в 2 кн.]. Кн. 2, т. 3, 4 / Л. Н. Толстой. – М.: АСТ, 2009. – 734 с.
8. Тургенев, И. С. Отцы и дети: роман / И. С. Тургенев. – М.: АСТ, 2018. – 287 с.
9. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. № 809 // Администрация Президента России, 2025. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S> (дата обращения: 01.11.2025). – Текст: электронный.
10. Цао Сюэ-цин. Сон в красном тереме: роман: в 2 т. / Цао Сюэ-цин; перевод с китайского и комментарии В. Панасюка; перевод стихов, статья и комментарии Л. Меньшикова. – М.: Иностранка: Азбука-Аттикус, 2023. – 319 с.
11. Ши Найань. Речные заводы: [роман: в 2 т.] / Ши Найань; [пер. с кит. А. Рогачева]. – М.: Эннеагон Пресс, 2008. – 327 с.
12. Шушарина, Г. А. Результаты межъязыковых контактов России и Китая в исторической перспективе / Г. А. Шушарина, Ж. В. Петрунина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2025. – Т. 22. – № 1. – С. 35-41.
13. Berry, J. W. Immigration, Acculturation, and Adaptation. 1997. – P. 195-220. – URL: <https://publications.hse.ru/en/chapters/139414726> (дата обращения: 21.10.2025). – Текст: электронный.
14. Bhabha, H. K. The Location of Culture. 2004. – 408 p. // Internet Archive. – URL: <https://archive.org/details/locationofcultur0000bhab> (дата обращения: 27.10.2025). – Текст: электронный.
15. Blau, P. M. Exchange and Power in Social Life. 1986. – 352 p. // Internet Archive. – URL: <https://archive.org/details/exchangepowerins0000blau> (дата обращения: 19.10.2025). – Текст: электронный.
16. Constitution of the People's Republic of China // The National People's Congress of the People's Republic of China. – URL: <http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/constitution.html> (дата обращения: 21.10.2025). – Текст: электронный.
17. Hall, E. T. Beyond Culture. 1976. – 181 p. // Bookey. – URL: <https://cdn.bookey.app/files/pdf/book/en/beyond-culture.pdf> (дата обращения: 20.10.2025). – Текст: электронный.
18. Hofstede, G., Hofstede, G. J., & Minkov, M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. London: Harper Collins. 2010. – 279 p.
19. Marriage Law of the People's Republic of China // Cornell law School. – URL: https://www.law.cornell.edu/gender-justice/resource/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E5%A9%9A%E5%A7%BB%E6%B3%95_%28marriage_law_of_the_people%27s_republic_of_china%29 (дата обращения: 24.10.2025). – Текст: электронный.
20. Pollock, D. C., & Van Reken, R. E. Third Culture Kids: Growing Up Among Worlds. 2009. – 306 p. // Internet Archive. – URL: https://archive.org/details/thirdculturekids0000poll_15m0 (дата обращения: 28.10.2025). – Текст: электронный.

Мусалитина Е. А., Дель Д. С.
E. A. Musalitina, D. S. Del

ОБРАЗ СЕМЬИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО МОНУМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА РОССИИ

THE IMAGE OF FAMILY IN THE CONTEXT OF MONUMENTAL ART OF RUSSIA

Мусалитина Евгения Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Evgenia A. Musalitina – PhD in Culture Studies, Assistant Professor, Linguistics and Cross-Culture Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Дель Дарья Станиславовна – студентка Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: dasha.del01@icloud.com.

Daria S. Del – Master's Degree Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: dasha.del01@icloud.com.

Аннотация. Ориентация на материальные ценности среди молодёжи приводит к формированию устойчивого стереотипа о предпочтении безбрачия и бездетности для обеспечения комфортной жизни. Социальная опасность такого мышления высока и неизбежно ведёт к демографическому кризису. В связи с этим особое значение приобретает формирование государством мер всесторонней поддержки института семьи. Обращение к визуализации как инструменту создания в публичном пространстве «правильных» образов позволяет создавать прочные позитивные ассоциации, связанные с семьёй. Целью настоящего исследования является изучение визуализации образа семьи в современном монументальном искусстве России. В статье рассматриваются национально обусловленные предпосылки формирования представлений о семье в культуре России, определяются произведения монументального искусства в современной культуре России, систематизируются памятники по тематическим группам, изучается семантика образов семьи и способы трансляции традиционных представлений о семейных ценностях в художественных образах монументального искусства России. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что в контексте доминирования визуальной культуры современное монументальное искусство становится инструментом «мягкой силы» приобщения россиян к традиционным семейным ценностям и их легитимации.

Summary. The focus on material values among young people leads to the formation of a stable stereotype about the preference for celibacy and childlessness for comfortable life. Social danger of such thinking is high and inevitably leads to a demographic crisis. In this regard, the formation of comprehensive measures by the State to support the institution of the family is of particular importance. Turning to visualization as a tool for creating «correct» images in the public space makes it possible to create strong positive associations related to the family. The purpose of this study is to analyze the visualization of the family image in modern Russian monumental art. The article examines the nationally determined background for the formation of ideas about the family in Russian culture; identifies works of monumental art in modern Russian culture; systematizes monuments by thematic groups; examines the semantics of family images and the ways of translating traditional ideas about family values into artistic images of monumental art in Russia. The results of the study allow concluding that in the context of the dominance of visual culture modern monumental art becomes an instrument of «soft power» to connect Russians with traditional family values and their legitimization.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, культура, монументальное искусство, визуализация, образ семьи, национальные ценности России.

Key words: family, family values, culture, monumental art, visualization, image of the family, national values of Russia.

УДК 008:7.032.6

Актуальность исследования продиктована современными приоритетами России по укреплению статуса и повышению роли семейных ценностей в жизни общества. В настоящее время в условиях глобализации, стремительной цифровизации и, как результат, стирания границ повышается риск утраты национальных традиций, трансформации «вечных» ценностей в искажённые. Ориентация на материальные ценности среди молодёжи приводит к формированию устойчивого стереотипа о предпочтении безбрачия и бездетности для обеспечения комфортной жизни. Социальная опасность такого мышления очевидна и проявляется на нескольких уровнях: неизбежно ведёт к демографическому кризису, старению населения, увеличению нагрузки на систему здравоохранения, ослаблению национальной культуры страны [6]. В силу этого особое значение приобретает формирование государством мер всесторонней поддержки института семьи.

В вопросе популяризации семьи особое место занимает визуализация её образа. Зрительный образ (скульптура, монумент, фото, картина, постер и т. д.) оказывает прямое воздействие на человека, закрепляя в сознании яркие, живые формы [12, 214]. Обращение к визуализации как инструменту создания в публичном пространстве «правильных» образов позволяет ненавязчиво создавать прочные позитивные ассоциации, связанные с семьёй [9]. Поэтому изучение визуальных образов семьи в общественном пространстве России представляет особый исследовательский интерес и является объектом изучения комплекса гуманитарных дисциплин.

Степень изученности визуализации образа семьи в контексте культуры. Исследование визуальных образов неразрывно связано с понятием визуальной культуры, чёткого определения которого до сих пор не существует. Можно выделить несколько подходов к интерпретации этого понятия:

- Дж. Бергер, С. Сонтаг определяют визуализацию как инструмент познания окружающего мира обществом, расшифровки образов, наполняющих повседневность индивида [3, 92].
- С. А. Штайн рассматривает визуальный образ как форму самоидентичности, реализуемой в медиапространстве [13, 141].
- С. Я. Пименова подчёркивает связь между визуальным образом и культурным кодом, утверждая, что эти два феномена оказывают влияние на формирование друг друга [10, 195].
- Согласно Р. Барту, образ имеет глубокий контекст, который выходит за пределы прямого значения [2, 153].

Обращаясь к анализу образа семьи, мы должны учитывать его междисциплинарный характер, в силу чего он является предметом изучения широкого круга гуманитарных дисциплин. Традиционно выделяют несколько основных направлений исследования образа семьи:

1. Образ семьи как феномен мирового искусства. Существующие фундаментальные труды по истории искусства описывают символы и культурные коды семейного портрета как основного семейного жанра живописи европейского искусства.
2. Образы семьи в православной иконографии. В контексте этого направления исследуются образы святых семейств, покровителей семейных благ, образы Богородицы с Младенцем. В центре исследования иконографии – духовные идеалы семьи.
3. В фокусе отечественного изобразительного искусства XIX в. образы семьи анализируются в портретных работах, изображающих дворянские семьи, а также в картинах, описывающих семейный быт.
4. Значительное количество работ по искусствоведению и культурологии посвящено анализу особенностей визуализации семьи в искусстве СССР 1940-1950-х гг., поскольку в этот период зрительный образ был одним из главных инструментов государственной пропаганды.

Несмотря на высокий научный интерес к репрезентации образа семьи в искусстве, существуют лакуны в его изучении в монументальном искусстве. Существующие исследования ограничиваются рассмотрением визуальных образов семьи в иконографии и идеологических плакатах советского периода [1].

Целью настоящего исследования является изучение визуализации образа семьи в современном монументальном искусстве России. Цель работы определяет следующие задачи:

1. Рассмотреть национально обусловленные предпосылки формирования представлений о семье в культуре России.
2. Определить произведения монументального искусства в современной культуре России.
3. Систематизировать памятники по тематическим группам.
4. Изучить семантику образов семьи и способы трансляции традиционных представлений о семейных ценностях в художественных образах монументального искусства России.

Методологическая база исследования определяется комплексным подходом, который применяется к изучению визуализации образа семьи и включает методы функционального анализа, семиотики.

Кросс-культурный анализ позволяет не только описать существующие памятники, но и установить общее и различное в визуальных образах семьи, репрезентируемых в публичном пространстве двух культур, и выделить влияние культурного кода. Таким образом, кросс-культурный анализ позволяет рассматривать монументальное искусство как инструмент визуальной коммуникации, как транслятор базовых национальных ценностей государством обществу.

Метод функционального анализа. В рамках данного исследования монументальное искусство рассматривается не как самостоятельный объект искусства, а как социальный инструмент, наделённый важной идеологической миссией. В силу этого функциональный метод позволяет перейти от описания образа к интерпретации назначения этого образа для социума: как он транслирует государственную политику в отношении института семьи; каким образом способствует консолидации общества и формированию национальной идентичности; как памятники транслируют модели социальной нормы; как позитивный образ семьи способствует укреплению связи поколений [15].

Семиотический анализ даёт возможность рассматривать произведения монументального искусства как знаковые системы, которые включают комплекс визуальных знаков, несущих в себе специальное сообщение для общества. В рамках семиотического анализа памятник, визуализирующий семейные ценности, рассматривается в первую очередь как визуальная форма, далее раскрывается его «означаемое», т. е. понятие, которое заложено в знаке, и в последнюю очередь определяется интерпретант, т. е. смысл, который возникает в процессе восприятия образа [16].

Проблематика исследования определяет **источниковую базу**, включающую памятники, скульптурные композиции, монументы современного культурного пространства России, репрезентирующие образ семьи.

В рамках данного исследования вслед за искусствоведом А. А. Комаровым «монументальное искусство» определяем как пространственное искусство, которое вместе с архитектурой формирует постоянную урбанистическую среду и общественное сознание [7, 276].

Культурно-исторические предпосылки визуализации образа семьи в культуре России. Вопрос о семье в культурной традиции России неизменно привлекает внимание исследователей, поскольку именно семейная модель долгие столетия служила основой социальной структуры, духовных ориентиров и ценностной системы общества. На протяжении всего исторического развития в контексте национальных религиозно-философских основ и художественных традиций русская цивилизация воспринимала семью не только как бытовую и социальную общность, но и как сакральную категорию, от которой зависела целостность общества.

Рассмотрение образов семьи в историко-культурных памятниках позволяет выявить не только эстетические особенности культуры, но и глубинные мировоззренческие установки, благодаря которым формировались традиции, нормы поведения и социальные роли [14].

Визуализация образа семьи в русской традиции. Рассматривая концептуальные основы представлений о семье, мы должны установить различие ключевых культурных категорий. В России центральными становятся понятия рода, благочестия и идеи семьи как «малой церкви». Понятие рода передаёт мысль о преемственности поколений, генетической и духовной связи, а также ответственности перед предками и будущими членами семьи. Благочестие формирует нормативную модель поведения внутри семейного круга и предполагает нравственность, заботу, взаимное уважение и служение ближним. Концепция «малой церкви» объединяет нравственное и духовное

содержание семейной жизни, указывая на необходимость гармонии и единства внутри дома [5]. Российская традиция, основанная на православии, подчёркивает духовное единство, эмоциональную связь и стремление к внутренней гармонии. Очевидно, что семья воспринимается как первичная и базовая форма общественной жизни, обеспечивающая культурную стабильность и передачу ценностей.

Одним из наиболее выразительных источников представлений о семье в русской традиции являются православные иконы. Особое место занимает образ Богородицы с Младенцем, представляющий идеал материнства как духовного служения, нежной опеки и жертвенной любви. Обращаясь к рассмотрению монументального искусства на примере архитектуры Дальнего Востока, можем отметить, что в русской иконографии Дальнего Востока, особенно в храмах Владивостока и Амурского региона конца XIX и начала XX вв., этот мотив приобретает значение воспитательной модели. Она была особенно актуальна для переселенцев, стремившихся сохранить традиционные ценности вдали от центральных регионов страны. Внутри храмового пространства образ семьи закреплялся через концепцию «малой церкви», согласно которой каждая семья воспринималась как самостоятельное духовное сообщество. Следовательно, архитектура храмов и устройство внутреннего пространства служили визуальным и символическим подтверждением роли семьи в православной культуре. Для Дальнего Востока это было особенно значимо, поскольку регион формировался как пограничное пространство, где религиозные памятники выполняли не только культовую, но и культурно-центростремительную функцию, объединяя людей вокруг христианской идеи семейного единства [11].

Образы семьи в современном монументальном искусстве России. Монументальные памятники имеют большое значение для реализации государственного курса на сохранение традиционных семейных ценностей. Их смысл – это больше чем архитектурное украшение городского пространства. Памятники, визуализирующие семью, наделены определёнными важными функциями. Во-первых, это инструмент популяризации государственной политики в области демографии [4]. Очевидно, что визуальные образы обладают более глубоким воздействием, чем лозунги или рекламные слоганы. Во-вторых, присутствие образов семьи в общественном пространстве позволяет достичь консенсуса между государственным курсом и обществом, сохранить традиционное понимание семейных ценностей. В-третьих, тематические памятники семьи способствуют созданию её позитивного восприятия, снятию психологических установок о трудностях семейного быта и непосильной ответственности за воспитание детей. Таким образом, они становятся инструментом социальной терапии и поддержки престижа семьи.

В урбанистическом пространстве России можно выделить несколько тематических групп монументальных памятников, связанных с репрезентацией образа семьи:

1. Памятники, популяризирующие социальную **значимость многодетности** как главного инструмента демографической политики государства, возрождения уважительного отношения к многодетным семьям, повышения их социального статуса. Они изображают традиционную семью как союз мужчины и женщины, в котором воспитываются трое и более детей (см. рис. 1, 2).

2. Памятники, визуализирующие **ценность материнства**, формируют героический возвышенный образ, заменяя им представление о матери как об уставшей женщине, чья жизнь полна бытовых трудностей. Образ матери с ребёнком на руках имеет мощное эмоциональное воздействие, вызывая положительные эмоции (см. рис. 3, 4).

3. Памятники, популяризирующие **ценность полной семьи**, состоящей из обоих родителей и детей. Такие монументы, создавая «правильную» модель семьи, пропагандируют необходимость нести ответственность за близких людей, повышают престижность отцовства. В период существенных социальных трансформаций и новых вызовов образ «полной» семьи помогает создать ощущение психологического комфорта, спокойствия, уверенности в будущем (см. рис. 5, 6).

4. Памятники, визуализирующие **брачный союз** как основу полноценной семьи, способствуют укреплению представлений о важности официального брака. Такие монументы репрезентируют мощный архетип вечного нерушимого союза, являясь моделью «правильных» отношений для молодёжи (см. рис. 7, 8).

Рис. 1. Памятник «Семья у фотоаппарата» (г. Белгород). Автор: Тарас Костенко

Рис. 2. Памятник «Семья» (г. Тверь). Автор: Карэн Саркисов

Рис. 3. «Мать и дитя» (г. Кемерово). Автор: Константин Зинич

Рис. 4. «Мать и ребёнок» (г. Волгодонск). Автор: Василий Поляков

Рис. 5. «Счастливая семья» (г. Тула). Автор: Николай Филатов

Рис. 6. «Семья» (г. Йошкар-Ола). Автор: Андрей Ковальчук

Рис. 7. «Он и Она» (г. Кемерово).
Автор: Константин Зинич

Рис. 8. «Молодая семья» (г. Курган).
Автор: Людмила Лапердина

5. **Святые покровители семьи.** Памятники этой тематической группы оказывают значительное влияние на повышение статуса семьи (см. рис. 9, 10). Они позволяют рассмотреть брак не как юридический или социальный феномен, а как сакральный союз. В этих образах визуализируются фундаментальные добродетели семейной жизни: мудрость, верность, смирение, любовь, победа над гордыней, сострадание. Государство поддерживает создание таких памятников, поскольку они становятся неотъемлемой частью пропаганды демографической политики и духовно-нравственного воспитания молодёжи [8].

Рис. 9. «Князь Пётр и княгиня Феврония Муромские» (г. Сергиев Посад).
Автор: Константин Чернявский

Рис. 10. «Памятник Николаю II и Александре Фёдоровне (Святые царственные страстотерпцы)» (г. Санкт-Петербург).
Автор: Игорь Акимов

Заключение. Таким образом, в культурологическом дискурсе памятники и мемориальные комплексы представляют базовые медиаторы исторической памяти и национально-культурного достояния, которые транслируют традиционные ценности в публичном пространстве. Их визуальная форма помогает сделать абстрактные процессы и понятия осязаемыми и доступными для широкой аудитории.

Эффективность воздействия на формирование правильных демографических установок среди молодёжи представляется возможной только при понимании актуальной аксиологической сферы и тенденций её трансформации в современном обществе. Для достижения этой цели государство использует различные средства, в том числе визуализацию положительного образа семьи. В связи с этим в контексте современного доминирования визуальной культуры монументальное искусство становится инструментом «мягкой силы» приобщения россиян к традиционным семейным ценностям и их легитимации. Эта форма искусства, являясь важной культурной составляющей урбанистического пространства городов, сопровождает повседневность человека и формирует национальную идентичность. Репрезентация образа семьи актуализирует ценности родительства, что, в свою очередь, положительно влияет на демографические установки, смягчает риски депопуляции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биктимиров, Р. Р. Взаимодействие монументально-декоративного искусства и архитектурных сооружений и его значение в современной архитектурно-художественной среде / Р. Р. Биктимиров // *Science and Education*. – 2022. – № 9. – С. 178-181.
2. Барт, Р. *Camera lucida*. Комментарий к фотографии / Р. Барт. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. – 192 с.
3. Бергер, Д. *Искусство видеть* / Д. Бергер. – СПб.: Клаудберри, 2012. – 184 с.
4. Беркович, Л. Г. Восприятие произведений монументального искусства в городской среде / Л. Г. Беркович, В. И. Пименов // *Актуальные проблемы монументального искусства: сборник научных трудов*, Санкт-Петербург, 15-16 марта 2024 года. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2024. – С. 11-18.
5. Брагина, С. А. Влияние образа семьи на психологическое благополучие / С. А. Брагина // *Инновационная наука*. – 2023. – № 7-2. – С. 53-56.
6. Зотова, М. В. Необходимость формирования семейных ценностей у студентов в процессе обучения в вузе / М. В. Зотова // *ЦИТИСЭ*. – 2016. – № 4 (8). – URL: http://ma123.su/load/citiseh_4_8/po_materialam_konferencii/zotova_m_v_neobkhodimost_formirovaniya_semejnykh_cennostej_u_studentov_v_processe_obucheniya_v_vuze/56-1-0-316 (дата обращения: 11.11. 2025). – Текст: электронный.
7. Комаров, А. А. Монументальное искусство: сущность и терминология / А. А. Комаров. – М.: МХПИ, 1992. – 385 с.
8. Об утверждении Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // *Собрание законодательства РФ*. – 2014. – № 35. – Ст. 4811.
9. Орлова, Д. С. Образ идеальной семьи в разных культурах (восточная, западная) / Д. С. Орлова // *Семья – ближайшее и самое дорогое для нас отечество: сборник материалов IV Круглого стола*, Омск, 28 октября 2024 года. – Омск: Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), 2025. – С. 181-183.
10. Пименова, С. Я. Визуальный образ в жизни и языке / С. Я. Пименова // *Визуальный образ (Междисциплинарные исследования)* / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. И. А. Герасимова. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 118-128.
11. Разорвина, А. С. Ретроспектива семейных отношений в России и образ семьи будущего / А. С. Разорвина, К. А. Исайчева // *Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты: сборник науч. статей по материалам XVI Междунар. науч.-практ. конф.*, Йошкар-Ола, 28 октября 2024 года. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2025. – С. 259-266.
12. Сонтаг, С. *О фотографии* / С. Сонтаг. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 272 с.
13. Штайн, О. А. Маска как форма идентичности: введение в философию образа / О. А. Штайн. – СПб.: Изд-во РХГА, 2013. – 160 с.
14. Шушарина, Г. А. Репрезентация региональной идентичности в городской монументальной живописи различных исторических периодов / Г. А. Шушарина // *Человек. Культура. Образование*. – 2025. – № 1 (55). – С. 81-101.
15. Hall, E. T. *Beyond Culture*. 1976. – 181 p.
16. Johnson, E. *Effective Communication in Family Relationships*. *Journal of Family Communication* / E. Johnson / 2020. – 42(2), p. 78-95.

Петрунина Ж. В.
Z. V. Petrunina

**ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ
В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ РОССИИ И КИТАЯ В 2020-Х ГОДАХ**

**EXPERIENCE AND PROSPECTS OF COOPERATION IN THE FIELD OF CULTURE
IN THE BORDER AREAS OF RUSSIA AND CHINA IN THE 2020S**

Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. +7(4217)528-440. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Zanna V. Petrunina – Doctor of History, Professor, History and Culture Studies Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel. +7(4217)528-440. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Аннотация. В статье исследуются вопросы сотрудничества в сфере культуры в приграничных районах России и Китая на восточном участке границы в 2020-х гг. Источниковой базой исследования выступили материалы СМИ обеих стран. Определены основные формы и методы, применяемые соседствующими субъектами России и Китая с целью расширения сотрудничества в культурной сфере. Проанализированы вопросы, связанные с изучением русского и китайского языков народами обеих стран. Освещаются крупные международные проекты, даётся оценка мероприятиям «малого формата», которые стали традиционными в рассматриваемом регионе. Отмечено, что сотрудничество в сфере культуры к 2020-м гг. приобрело системность. Выделены задачи, требующие решения в ближайшей перспективе, а также факторы, сдерживающие российско-китайское сотрудничество в сфере культуры.

Summary. This article examines cultural cooperation in the eastern border regions of Russia and China in the 2020s. The study draws on media coverage from both countries. The article identifies the key forms and methods used by neighboring regions of Russia and China to expand cultural cooperation. Issues related to the study of Russian and Chinese by people in both countries are analyzed. Major international projects are highlighted, and small-scale events that have become traditional in the region are assessed. It is noted that cultural cooperation has become systematic by the 2020s. The article highlights challenges that require immediate solutions, as well as factors hindering Russian-Chinese cultural cooperation.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, Дальний Восток России, провинции Северо-Востока Китая, приграничное сотрудничество, сфера культуры.

Key words: Russian-Chinese relations, the Russian Far East, provinces of Northeast China, cross-border cooperation, sphere of cultural.

УДК 008:002

Взаимодействие России и Китая в сфере культуры продолжает находиться в фокусе внимания представителей разных структур обеих стран.

В XXI в. Россия и Китай последовательно расширяют направления культурной дипломатии, совместно развивают проекты «перекрёстных» годов (Годы России и Китая (2006-2007), Годы национальных языков (2009-2010), Годы туризма (2012-2013), Годы молодёжных обменов (2014-2015), Годы СМИ (2016-2017), Годы межрегионального сотрудничества (2018-2019), Годы физической культуры и спорта (2022-2023)) [3]. По случаю 75-летия установления дипломатических отношений между Россией и Китаем 2024-2025 гг. были объявлены «перекрёстными» Годами культуры обеих стран [19]. Программа «перекрёстных» Годов культуры включает в себя более 230 мероприятий, проводимых в 51 городе Китая и 38 городах России. По мнению министра куль-

туры РФ О. Б. Любимовой, взаимодействие в сфере культуры двух стран основано «на общих ценностях и стремлении к взаимопониманию, служит прочным фундаментом межгосударственных отношений» [12].

Укрепление сотрудничества на макроуровне во многом зависит от успешного диалога на микроуровне. Выступая на VIII Российско-китайском Экспо и IV Российско-китайском форуме межрегионального сотрудничества (май 2024 г.), Президент РФ В. В. Путин отметил, что расширению форм сотрудничества способствовало установление побратимских отношений между 300 городами и муниципалитетами двух стран, широкой сети прямых контактов, межрегиональных договорённостей о торгово-экономическом и гуманитарном взаимодействии [27].

Вопросы гуманитарного и культурного приграничного взаимодействия, получившие развитие в конце XX в., частично отражены в работах отечественных и зарубежных исследователей. Авторы охарактеризовали документальную основу межкультурного диалога в российско-китайском приграничье [16] и основные направления взаимодействия в сфере культуры [10; 13; 18; 25; 29]. Вместе с тем комплексная оценка сотрудничества в сфере культуры в приграничных районах России и Китая в 2020-х гг. в исследованиях не представлена. Это может объясняться динамичным развитием двустороннего диалога, а следовательно, потребностью дополнять существующие знания.

Объектом исследования является взаимодействие в культурной сфере между территориями России и Китая на восточном участке границы между странами. Предметом исследования являются существующие подходы, методы и практики, применяемые в российско-китайском приграничье с целью расширения сотрудничества в культурной сфере в 2020-х гг. Работа основана на принципах историзма и объективности. Методологической основой выступил принцип позитивизма, с помощью которого были выявлены, зафиксированы и описаны эмпирические данные.

Хабаровский, Забайкальский и Приморский края, Амурская и Еврейская автономная области, находящиеся в территориальной близости с субъектами Северо-Востока Китая, активно расширяют двусторонний диалог в сфере культуры.

Сотрудничество в сфере культуры в приграничных субъектах РФ и КНР обеспечивается профессиональной *языковой поддержкой*. В ноябре 2005 г. между Правительством РФ и Правительством КНР было заключено соглашение об изучении русского языка в КНР и китайского языка в РФ [25, 11]. С укреплением отношений с КНР и поворотом российской экономики на восток изучение китайского языка в вузах Дальнего Востока РФ активизировалось. В 2025 г. можно получить профессиональное образование или пройти курсы профессиональной переподготовки по лингвистике, востоковедению и международным отношениям в университетах Приморского края (в Дальневосточном федеральном университете (ДФУ), Владивостокском государственном университете экономики и сервиса (ВГУЭС), Морском государственном университете имени адмирала Г. И. Невельского), Амурской области (в Амурском государственном университете (АмГУ), Благовещенском государственном педагогическом университете (БГПУ)), Хабаровского края (в Тихоокеанском государственном университете (ТОГУ), Комсомольском-на-Амуре государственном университете (КнАГУ) [23, 45], Амурском гуманитарно-педагогическом государственном университете (АмГПГУ)), Сахалинской области (в Сахалинском государственном университете (СахГУ)), Читинской области (в Забайкальском государственном университете (ЗабГУ)). В зависимости от своей специализации дальневосточные вузы сотрудничают с Пекинским университетом, Университетом Цинхуа, Шанхайским университетом иностранных языков, Даляньским университетом технологий, Даляньским морским университетом, Харбинским политехническим университетом и Хэйхэским университетом, предлагая российским студентам языковые практики и стажировки, программы двойных дипломов, академические обмены, стипендии Confucius Institute в вузах Китая [11], тем самым повышая качество языковой подготовки. В процессе обучения происходит последовательное ознакомление со спецификой китайской экономики и ведением бизнеса с партнёрами из северо-восточных провинций КНР, понимание китайской культуры.

В последние годы в Китае отмечался двукратный рост числа желающих учиться в России. Советник посольства РФ в КНР, представитель Минобрнауки России в Китае И. А. Поздняков

подчеркнул, что в 2019 г. визы на поездку в Россию подали 17 тысяч человек, а в 2023 – 2024 гг. – по 33-34 тысячи [6]. Развитие партнёрских отношений на уровне субъектов двух стран привело к увеличению китайских студентов в вузах Дальнего Востока России. В 2024 г., по разным данным, в вузах Приморского края обучалось свыше 3000 студентов из КНР, половина из которых получала образование в ДВФУ, в вузах Амурской области – более 1200, в вузах Хабаровского края – почти 600, в университетах других субъектов Дальнего Востока России – свыше 100. Формальное и неформальное общение с носителями языка позволяет российским студентам практиковать китайский язык.

Существенный вклад в популяризацию китайского языка и знаний о Китае вносит Институт Конфуция, действующий в ДВФУ, БГПУ и АмГПГУ.

В свою очередь, в Китае русский язык как специальность преподают в 182 вузах, изучают в 125 школах, а как второй иностранный – ещё почти в 400 институтах и колледжах [6]. При этом вузы провинции Хэйлунцзян, имеющей наибольшую протяжённость общей с Россией сухопутной границы, наряду с мегаполисами Пекин, Шанхай, Тяньцзинь сохраняют лидирующие позиции в изучении русского языка [22, 16]. Преподавание русского языка ведётся в Харбинском университете и Харбинском политехническом университете, на базе Хэйхэского университета действует организация «Центр русского языка». По данным открытых источников, из 21 тысячи русских студентов, обучающихся в вузах КНР, на северо-востоке число обучающихся из России немного больше тысячи [26], что не соответствует задачам развития региона.

Вузы юга Дальнего Востока вовлекают в изучение русского языка школьников из Поднебесной. С 2020 г. представители ДВФУ вели переговоры с официальными лицами и образовательными учреждениями об открытии в разных провинциях КНР центров по изучению русского языка. В результате к 2023 г. в 15 образовательных центрах, открытых ДВФУ в разных городах Китая, русский язык изучали свыше десяти тысяч китайских школьников [28]. В университетах Дальнего Востока России популярной становится организация Летних школ по русскому языку и русской культуре для иностранцев.

В постпандемийный период в приграничных субъектах вновь стали использоваться разные формы взаимодействия в сфере культуры.

Во-первых, проведение *межрегиональных крупных мероприятий*. С 2023 г. возобновлена в очном формате «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства», являющаяся одним из самых масштабных культурных событий на Дальнем Востоке России и Северо-Востоке Китая с 2010 г. Во время ярмарки на разных площадках Благовещенска и Хэйхэ реализуется насыщенная деловая и творческая программа, большая часть которой включена в ежегодный фестиваль «Амур – река дружбы», призванный популяризировать знания о культуре народов России и Китая. В настоящее время представители приграничных территорий России и Китая относят ярмарку к самым значимым событиям в культурном диалоге Амурской области и провинции Хэйлунцзян [9, 201].

В мае 2025 г. в Хабаровске проводился Российско-Китайский форум «Большой Уссурийский: сотрудничество в совместном освоении острова», в перечень задач которого вошло «кросскультурное взаимодействие для достижения синергии в традиционных видах искусств двух стран» [21]. В рамках форума проходил фестиваль «Два берега – один Амур». Гости могли посетить площадки «Кухни России и Китая», «Китайский квартал» и «Славянская ярмарка», тематические выставки, показы фильмов на открытом воздухе и насладиться выступлениями музыкальных коллективов [8]. На форуме прошла встреча в рамках круглого стола «Лингвистика и межкультурная коммуникация: трансграничный аспект», на котором представители России и КНР обсудили вопрос формирования полилингвальной культуры как нового вектора в развитии образования и межкультурного общения [20].

В свою очередь, в Харбине в рамках 34-й Харбинской международной торгово-экономической ярмарки (май 2025 г.) проводился Фестиваль российской гастрономической культуры «Сделано в России», темой которого стал «Сезон русских подарков» [7]. На фестивале была

представлена продукция из более 100 российских компаний из 35 регионов, в том числе напитки, биологически активные добавки, косметические средства, ювелирные изделия и сувениры.

Во-вторых, между Россией и Китаем расширяется *«малый формат» трансграничного взаимодействия в сфере культуры*. Существенный вклад в укрепление межкультурного диалога вносят библиотеки. Выступая на X Международном библиотечном форуме «Хабаровский край – провинция Хэйлунцзян» (июнь 2025 г.), генеральный директор Дальневосточной государственной научной библиотеки (ДВГНБ) Т. Ю. Якуба отметила работу, которую совместно проводят российские и китайские специалисты. За прошедшие 35 лет профессионального сотрудничества между ДВГНБ и Хэйлунцзянской провинциальной библиотекой налажены ежегодные обмены художественной и научной литературой, книгами по культуре и искусству. В ДВГНБ действует Центр китайского языка и культуры, а в Харбине – русского. Взаимная организация мастер-классов, конференций и тематических экскурсий активизирует научное сотрудничество, культурные обмены и межличностные связи [17].

Опыт, накопленный с конца XX в. сотрудниками библиотек субъектов юга Дальнего Востока России и провинции Хэйлунцзян, позволил создать Российско-Китайский библиотечный союз, главной целью которого является усиление двустороннего сотрудничества в сфере совместного создания и совместного пользования цифровыми ресурсами и многоязычными информационными услугами. В мае 2025 г. в ходе работы первой научной конференции по развитию взаимодействия стран в сфере библиотечного дела и культуры, проходившей в Хэйхэском университете, было объявлено, что Российско-Китайский библиотечный союз объединит вузовские библиотеки КНР, Амурскую областную научную библиотеку, части библиотек дальневосточного региона, библиотеки учебных заведений Благовещенска, Хабаровска, Владивостока [2].

Традиционными стали встречи писательских организаций Амурской области, Хабаровского и Приморского краёв и провинции Хэйлунцзян. В ближайших планах обеих сторон переводы книг на русский и китайский языки, издание сборников.

В сотрудничество в сфере культуры вовлечены музеи двух стран. В январе-феврале 2025 г. в музее-заповеднике истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева (Владивосток) проходил фестиваль «Неделя китайской культуры в Музее Города», приуроченный к китайскому Новому году. Гостям предлагались тематические лекции о китайской культуре и её связи с Приморьем, мастер-классы вырезания животных и растений из цельного листа бумаги в технике цзяньчжи, участие в традиционных китайских играх «Маджонг» и «Го», чайные церемонии [30].

В апреле-июне 2025 г. Дальневосточный художественный музей (г. Хабаровск) организовал выставку «Восточная церемония», представив уникальные фарфоровые предметы конца XIX – начала XXI вв., а также более 50 произведений живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства стран Северо-Восточной Азии [5].

В сентябре 2025 г. в Амурском областном краеведческом музее им. Г. С. Новикова-Даурского открылась персональная выставка китайского художника Ху Чанхуэя, на которой было представлено 27 произведений, выполненных тушью. Выставляемые в Благовещенске работы китайских художников пейзажной живописи «льда и снега», экспозиции Хэйлунцзянского научно-технического музея (Харбин) включают экспонаты по научно-техническим достижениям и искусству Китая.

Особое внимание представители приграничных территорий российского Дальнего Востока и провинций Северо-Востока Китая уделяют взаимной концертной и гастрольной деятельности творческих коллективов и артистов. В сентябре 2024 г. на сцене Хабаровской краевой филармонии выступила солистка из КНР Сюй Сяочжу с произведениями для старинного китайского смычкового инструмента эрху «Луна, отражённая во второй весне» и «Девушка и смерть за прялкой» [15]. В сентябре-октябре 2025 г. концертный ансамбль «Дальний Восток» Хабаровской краевой филармонии представил 12 концертных программ на ведущих площадках Харбина, Пекина, Шанхая и других крупных городов Китая [1]. Музыканты Тихоокеанского симфонического оркестра краевой филармонии и Северного симфонического оркестра Шэньянской консерватории провинции

Ляонин в заключительный день Восточного экономического форума 2024 г. выступили с концертом дружбы «Россия – Китай» [14].

В последние годы активизировались спортивные контакты между школьниками и студентами приграничных территорий.

Вместе с тем расширение взаимодействия в сфере культуры в российско-китайском приграничье требует обсуждения и решения в ближайшей перспективе ряда назревших вопросов.

Напомним: изучение русского и китайского языков ведётся преимущественно в школах и вузах России и Китая, в то время как молодёжь, обучающаяся в средних учебных заведениях, почти не получает языковой подготовки. Сложившееся положение является сдерживающим фактором в укреплении социокультурного и экономического трансграничного сотрудничества, поскольку знание русского и китайского языков обеспечивает подготовку более квалифицированных специалистов, способных взаимодействовать по многим вопросам.

Международные региональные мероприятия проводятся преимущественно в столичных городах (Владивосток, Хабаровск, Биробиджан, Благовещенск) юга Дальнего Востока России и в крупных городах Китая приграничных провинций или приграничных городах (Харбин, Хэйхэ, Фуюань, Суйфэнхэ). Нестоличные (провинциальные) города оказываются вне участия во многих проектах. Представляется важным расширить географию межкультурного взаимодействия, что позволит продемонстрировать потенциал субъектов обеих стран во всей полноте. При этом в субъектах сохраняется слабая информационная поддержка проводимых мероприятий. Недостаточно используются СМИ городов и социальные сети. В результате проводимые мероприятия остаются нацеленными на узкую целевую аудиторию (например, выставки в музеях). В сложившихся обстоятельствах одним из путей решения может стать использование цифровых технологий.

Фактором, сдерживающим сотрудничество в сфере культуры в российско-китайском приграничье, остаются транспортно-логистические вопросы [23, 49]. Добираться до мест проведения мероприятий жителям обеих стран оказывается дорого, неудобно и затратно по времени. Безвизовый режим, введенный КНР, и интенсификация авиационного сообщения между приграничными регионами должны позитивно повлиять на решение этого вопроса.

Важно учитывать задачи в укреплении отношений между Россией и Китаем в долгосрочной перспективе, а следовательно, необходимо активнее вовлекать молодое поколение в культурное взаимодействие, используя современные формы диалога.

Несмотря на существующие проблемы, сотрудничеству в сфере культуры, которое в 2020-х гг. приобрело системность и является важной составляющей гуманитарного взаимодействия двух стран, приграничные регионы России и Китая уделяют очень большое внимание. Стороны настроены повышать мотивацию к изучению и общению соседствующих стран и народов, что является основой для укрепления международной интеграции и сотрудничества во многих сферах. За прошедшие годы проведение совместных мероприятий на российско-китайской границе позволило приблизиться к пониманию национально-культурных традиций народов двух стран. Использование языков народов двух стран в официальном и неофициальном общении позволяет совместно проводить мероприятия по обе стороны границы, углублять и укреплять дружбу между Россией и Китаем.

Сотрудничество в сфере культуры в приграничных районах России и Китая в XXI в. остаётся одним из перспективных направлений, дополняющих диалог, помогающий достигать взаимопонимания при взаимодействии обеих стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ансамбль «Дальний Восток» отправляется в Китай с большой гастрольной программой // Официальный сайт Хабаровского края, Губернатора и Правительства Хабаровского края. – 16.09.2025. – URL: <https://khakrai.ru/events/news/210124> (дата обращения: 03.10.2025). – Текст: электронный.
2. Библиотечный союз России и Китая учредили в Хэйхэ, а в Приамурье укрепили культурные связи с провинцией Сунью // Вести Амурская область. – 08.05.2025. – URL: <https://gtrkamur.ru/news/2025/05/08/452864> (дата обращения: 03.10.2025). – Текст: электронный.

3. Верченко, А. Л. Культурная дипломатия как одна из основ российско-китайских двусторонних отношений. Значение перекрёстных Годов / А. Л. Верченко // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2023. – № 28. – С. 256-271.
4. «Взгляд на мир». В Амурском областном краеведческом музее состоялось торжественное открытие персональной выставки художника Ху Чанхуэя // Амурский областной краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского. – 15.09.2025. – URL: <https://www.amurmuseum.ru/novosti-muzeya/vzgliad-na-mir-v-amyrskom-oblastnom-kraevedcheskom-myzee-sostoialos-torjestvennoe-otkrytie-personalnoi-vystavki-hydojnika-hu-chanhuya> (дата обращения: 03.10.2025). – Текст: электронный.
5. Выставка «Восточная церемония» открылась в Хабаровске к Российско-Китайскому форуму // Официальный сайт Хабаровского края, Губернатора и Правительства Хабаровского края. – 28.04.2025. – URL: <https://khabkrai.ru/events/news/207728> (дата обращения: 03.10.2025). – Текст: электронный.
6. В Китае зафиксировали двукратный рост числа желающих учиться в России // РИА Новости. – 09.06.2025. – URL: <https://ria.ru/20250609/kitaj-2021746645.html> (дата обращения: 03.10.2025). – Текст: электронный.
7. В рамках 34-й Харбинской торговой ярмарки пройдёт Фестиваль русской гастрономической культуры // People's Government of Heilongjiang Province. – 23.04.2025. – URL: https://www.hlj.gov.cn/hlj/c107858/202504/c00_31833317.shtml (дата обращения: 03.10.2025). – Текст: электронный.
8. Гастрофестиваль состоялся в Хабаровске в рамках стартового Российско-Китайского форума // Интерфакс. – 19.05.2025. – URL: <https://www.interfax-russia.ru/far-east/photo/gastrofestival-sostoyalsya-v-habarovske-v-ramkah-startuyushchego-rossiysko-kitayskogo-foruma> (дата обращения: 03.10.2025). – Текст: электронный.
9. Залеская, О. В. Гуманитарное взаимодействие в сфере культуры между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян в конце XX – начале XXI вв. / О. В. Залеская, Я. Мэйвэй // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2024. – Т. 8. – № 2. – С. 197-207.
10. Залеская, О. В. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в области молодёжных культурно-образовательных проектов между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян (начало XXI в.) / О. В. Залеская, М. Янь // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 10. – С. 91-104.
11. Лазарева, Я. Изучение китайского языка в вузах Дальнего Востока: предложения и перспективы / Я. Лазарева // ФедералПресс. – 24.06.2025. – URL: <https://fedpress.ru/article/3386437> (дата обращения: 03.10.2025). – Текст: электронный.
12. Любимова: российско-китайское взаимодействие в культуре основано на общих ценностях // ТАСС. – 14.08.2025. – URL: <https://tass.ru/kultura/24778701> (дата обращения: 03.10.2025). – Текст: электронный.
13. Киреева, Н. В. Роль культурных институций приграничных территорий в продвижении литературных произведений российских и китайских авторов к читателю (на примере Амурской области и провинции Хэйлунцзян) / Н. В. Киреева, Л. Чжан // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2019. – № IV-2 (40). – С. 45-49.
14. Концерт дружбы «Россия – Китай» объединил музыкантов Приморья и провинции Ляонин // Правительство Приморского края. – 09.09.2024. – URL: <https://primorsky.ru/news/299634/> (дата обращения: 03.10.2025). – Текст: электронный.
15. Культурный диалог: Россия. Китай // Хабаровская краевая филармония. – 29.09.2024. – URL: https://phildv.ru/04_afisha/repert/kulturnyi-dialog-rossiya-kitai (дата обращения: 03.10.2025). – Текст: электронный.
16. Мэйвэй Янь. Амурская область как территория гуманитарного взаимодействия / Мэйвэй Янь // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 26. – № 192. – С. 245-256.
17. Мост дружбы: форум в Хабаровске объединил библиотеки России и Китая // Amurmedia. – 25.07.2025. – URL: <https://amurmedia.ru/news/2164749/> (дата обращения: 03.10.2025). – Текст: электронный.
18. Мусалитина, Е. А. Новые формы детско-юношеских обменов в системе российско-китайского культурного и делового сотрудничества / Е. А. Мусалитина, М. А. Актанко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № VIII (80). – С. 19-27.
19. Открыты «перекрёстные» Года культуры России и Китая. 16 мая 2024 г. // Администрация Президента России, 2025. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/74052> (дата обращения: 03.10.2025). – Текст: электронный.

20. Российско-Китайский форум в Хабаровске – новые стандарты международного сотрудничества // Лен-та новостей Хабаровска. – 20.05.2025. – URL: <https://khabarovsk-news.net/politics/2025/05/20/259687.html> (дата обращения: 03.10.2025). – Текст: электронный.
21. Российско-китайский форум 2025 // ООО «Бизнес-Импульс», 2011-2025. – URL: <https://all-events.ru/events/rossiysko-kitayskiy-forum-2025/> (дата обращения: 03.10.2025). – Текст: электронный.
22. Петрунина, Ж. В. Международное сотрудничество Китая в сфере высшего образования в XXI веке / Ж. В. Петрунина // Образование в КНР и КНДР: перспективы для России. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2023. – С. 9-60.
23. Петрунина, Ж. В. Перспективы интеграции научно-образовательного пространства приграничных территорий России и Китая / Ж. В. Петрунина, Г. А. Шушарина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № II (74). – С. 43-51.
24. Петрунина, Ж. В. Приграничное сотрудничество России и Китая в условиях вызовов начала 2020-х годов / Ж. В. Петрунина, Г. А. Шушарина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2022. – Т. 19. – № 1. – С. 197-203.
25. Петрунина, Ж. В. Российско-китайский межкультурный диалог в реалиях международных отношений на Дальнем Востоке / Ж. В. Петрунина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2018. – № I-2 (33). – С. 10-13.
26. Путин: Россия и Китай проведут «перекрёстные» Годы образования // ТАСС. – 30.08.2025. – URL: <https://tass.ru/politika/24909009> (дата обращения: 03.10.2025). – Текст: электронный.
27. Путин: у большинства регионов РФ и почти всех провинций КНР есть прямые контакты // ТАСС. – 17.05.2024. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/20826415> (дата обращения: 03.10.2025). – Текст: электронный.
28. Число китайских школьников, изучающих русский по программе ДВФУ, выросло на 3 тыс. за год // ТАСС. – 13.11.2023. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/19266077> (дата обращения: 03.10.2025). – Текст: электронный.
29. Шушарина, Г. А. Социокультурные и исторические основания образования урбанонимов городов-побратимов России и Китая / Г. А. Шушарина, Д. В. Просвирина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2025. – № II (82). – С. 77-81.
30. Фестиваль «Неделя китайской культуры в Музее Города» // Государственный объединённый музей-заповедник истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева. – URL: <https://arseniev.org/museum-events/festival-nedelya-kitajskoj-kultury-v-muzee-goroda/> (дата обращения: 03.10.2025). – Текст: электронный.

Ло Да, Савелова Е. В.
Lo Da, E. V. Savelova

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ХРАМОВ КОНФУЦИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ КИТАЯ И ИХ РОЛЬ В СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

THE HISTORICAL AND CULTURAL SIGNIFICANCE OF THE TEMPLES OF CONFUCIUS IN THE NORTHEASTERN REGION OF CHINA AND THEIR ROLE IN PRESERVING THE NATIONAL CULTURAL HERITAGE

Ло Да – аспирант кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112. E-mail: daa_lo@163.com.

Lo Da – Postgraduate Student, Culture Studies and Museology Department, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaya st., Khabarovsk, 680045. E-mail: daa_lo@163.com.

Савелова Евгения Валерьевна – доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112. E-mail: savelova_ev@hgiik.ru.

Evgenia V. Savelova – Doctor of Philosophy, PhD in Culture Studies, Associate Professor, Professor of Culture Studies and Museology Department, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaya st., Khabarovsk, 680045. E-mail: savelova_ev@hgiik.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности китайских храмов Конфуция, имеющих богатую культурную историю и политико-просветительское значение. Они укрепили признание и уважение к конфуцианству со стороны правителей Северо-Восточного региона в различные периоды истории и стали символом китайской национальной культуры. «Единство храма и обучения» – это оригинальная модель древнего традиционного образования в Северо-Восточном регионе Китая, которая реализуется в храмах Конфуция. В настоящее время храмы Конфуция играют важную роль в сохранении национального культурного наследия. Храмы Конфуция объективно отражают историю культуры и образования, а также до сих пор выполняют традиционные функции, такие как историческое, научное, художественное и социальное образование.

Summary. The article examines the features of Chinese temples of Confucius, which have a rich cultural history and political and educational significance. They have strengthened the recognition and respect for Confucianism by the rulers of the Northeast region in various periods of history and have become a symbol of Chinese national culture. The «Unity of Temple and Learning» is an original model of ancient traditional education in the Northeast region of China, which is being implemented in the temples of Confucius. Currently, the temples of Confucius play an important role in preserving the national cultural heritage. The temples of Confucius objectively reflect the history of culture and education, and also still perform traditional functions such as historical education, scientific education, art education and social education.

Ключевые слова: Северо-Восточный регион Китая, храм Конфуция, конфуцианство, национальное культурное наследие, образовательное наследие.

Key words: Northeast region of China, Temple of Confucius, Confucianism, national cultural heritage, educational heritage.

УДК 008+351.85

Для Китая сохранение культурного наследия является не только вопросом гордости и идентичности, но и важным элементом в поддержании национальной целостности и развития в условиях глобализации.

В 1972 г. Организация Объединённых Наций на конференции по вопросам образования, науки и культуры официально приняла Конвенцию об охране всемирного культурного и природ-

ного наследия, целью которой является охрана всемирного культурного и природного наследия. Ввиду наличия богатых ресурсов национального культурного наследия Китай успешно присоединился к Конвенции в 1985 г. и был избран членом Комитета всемирного наследия в 1999 г. По состоянию на 2024 г. общее число объектов всемирного наследия достигло 1223, включая 952 объекта культурного наследия, 231 объект природного наследия и 40 объектов смешанного культурного наследия и объектов природного наследия, охватывающих 168 стран мира.

Историко-культурное наследие Китая является уникальным источником и ресурсом для развития страны, функционирования государства. Оно настолько обширно, что оценить количество как материальных, так и нематериальных объектов в нём практически невозможно. Так, О. Л. Калашникова отмечает, ссылаясь на пекинское издательство «Синьсин», что «перечень важных культурно-исторических памятников и пейзажно-архитектурных комплексов включает в себя более 1000 позиций. Кроме того, около 10 млн археологических артефактов и объектов старины находятся на хранении в императорских дворцах и частных коллекциях» [2].

Китай имеет ряд собственных законодательных актов, направленных на защиту культурного наследия. На государственном уровне разработаны механизмы защиты и сохранения историко-культурного наследия: введение законов и постановлений, принятие государственных программ на уровне как всей страны, так и регионов, образовательно-просветительская деятельность. Китайское правительство играет ведущую роль в защите и продвижении объектов историко-культурного наследия. Ещё в 1961 г. было обнародовано «Временное положение об охране культурных ценностей и управлении ими» и подготовлен Проект закона об охране культурных ценностей. В 2002 г. был принят «Закон о защите культурного наследия Китая», который регулирует вопросы охраны памятников, объектов и культурных традиций. Закон включает:

- охрану исторических памятников, которые обладают особой культурной ценностью;
- установление контролируемых зон вокруг памятников и объектов для защиты от застройки и разрушений;
- разработку планов по сохранению нематериального культурного наследия, такого как музыкальные традиции, обычаи и ремёсла.

Китай придаёт большое значение воспитанию у молодёжи чувства гордости за свою культуру и уважения к её наследию. В стране внедрены специальные образовательные программы по изучению культуры и истории Китая, которые охватывают все уровни образования, начиная с начальной школы. Также существуют программы государственного финансирования для восстановления и консервации исторических объектов, что позволяет поддерживать старинные памятники в надлежащем состоянии. Одной из важнейших составляющих историко-культурного наследия Китая являются храмы Конфуция.

История храмов, связанных с жизнью Конфуция (VI–V вв. до н. э.), начинается практически сразу после его смерти, когда в знак памяти и уважения в храмы превращают три старых дома, где жил Конфуций и его ученики. Это места в бывших княжествах Ци и Лу (современная провинция Шаньдун).

В «Исторических записках» («Ши цзи») потомственный историограф династии Хань Сыма Цянь упоминает посещение храма, построенного в честь Конфуция. Историк рассказывает об этом в послесловии к главе, посвящённой Конфуцию. Сыма Цянь считал собственный опыт причастности к памяtnому месту значимым этапом создания целостного исторического образа. Он полагал, что посещение храма помогает представить Конфуция как человека, и это было важно для создания биографии философа. Сыма Цянь пишет: «Я ездил в Лу, осматривал храм Конфуция, повозку и одежду его, а также предметы ритуала...» [8].

После того как в 195 г. до н. э. первый ханьский император Лю Бан собственноручно принёс высшую тройственную жертву (бык, баран и боров) на могиле Конфуция, этот ритуал стал обычным и для других императоров. Таким образом, было положено начало государственному культу конфуцианства, храмы в честь Конфуция возводились в каждом городе страны, и в них проводились регулярные жертвоприношения [1].

В первых храмах («вэньмяо»), а также в храмах последующих поколений хранились книги Конфуция. Но в самом названии храма Конфуция нет отсылки на имя философа или указаний на вид религии. Иероглиф «вэнь» означает «письменность, грамотность, культура» [7], поэтому иногда эти храмы называют храмами литературы, подчёркивая роль конфуцианских канонических книг для получения образования, знаний [3].

Храмы Конфуция на северо-востоке Китая когда-то процветали и занимали важное место в истории образования и культуры региона. Влияние конфуцианской культуры заключалось в том, что все народности, проживающие на северо-востоке, признавали Конфуция общим учителем и святым для всех этнических групп Китая. За более чем двухтысячелетнюю культурную историю Китая функция храмов в Северо-Восточном регионе давно расширилась. Это не только культовые здания, посвящённые Конфуцию, но и культурные и образовательные святыни, в которых преподают классическое учение Конфуция и пропагандируют идеи просвещения. Они укрепили признание и уважение к конфуцианству со стороны правителей Северо-Восточного региона в различные периоды истории и стали символом китайской национальной культуры.

История храмов Конфуция на Северо-Востоке Китая восходит к эпохе династии Хань, но основное строительство началось во времена династии Тан. Во времена правления династии Цзинь в Северо-Восточном регионе часто происходили войны, и храмы Конфуция время от времени строились и разрушались, но местные чиновники всех поколений рассматривали строительство и содержание этих храмов как необходимое и важное административное мероприятие. Три префектуры (Ляоян, Сяньпин и Гуаннин) в провинции Ляонин принадлежат к двадцати четырём префектурам династии Цзинь, и там также находились крупные храмы Конфуция [10].

За три поколения династий Юань, Мин и Цин храмы Конфуция в Северо-Восточном регионе совершили скачок в количественном и качественном отношении. Масштабы строительства намного превосходят масштабы предыдущих поколений, храмы возводятся повсюду: в северо-восточных префектурах, округах и уездах. До сих пор существует 45 храмов Конфуция, построенных при династиях Юань, Мин и Цин [4]. Не все из них одинаково хорошо изучены и точно датированы, некоторые перестроены или даже полуразрушены (см. табл. 1).

Таблица 1

Храмы Конфуция в Северо-Восточном регионе

Название храма	Династия	Год
1	2	3
1. Храм Конфуция в городе Ляояне	Юань (перестроен в эпоху династии Мин)	Точный год постройки не определён, год перестройки – 1382
2. Храм Конфуция в уезде Фу Мин	Мин	1368-1644
3. Храм Конфуция в уезде Хайчэн	Мин	1385
4. Храм Конфуция в уезде Кайюань	Мин	1392
5. Храм Конфуция в уезде Синчэн	Мин	1430
6. Храм Конфуция в уезде Цзинь	Мин	1436
7. Храм Конфуция в уезде И	Мин	1436-1449
8. Храм Конфуция в уезде Бэйчжэнь	Мин	1441
9. Храм Конфуция в городе Фэнтяне	Цин	1628
10. Храм Конфуция в уезде Гайпин	Цин	1662-1722
11. Храм Конфуция в уезде Тиелинг	Цин	1699
12. Храм Конфуция в уезде Чэндэ	Цин	1779
13. Храм Конфуция в уезде Фэннин	Цин	1796-1821
14. Храм Конфуция в городе Чифэне	Цин	1815
15. Храм Конфуция в городе Фуюй	Цин	1822

Продолжение табл. 1

1	2	3
16. Храм Конфуция в городе Чаояне	Цин	1850
17. Храм Конфуция в городе Учане	Цин	1859
18. Храм Конфуция в уезде Чанту	Цин	1868
19. Храм Конфуция в городе Чанчуне	Цин	1873
20. Храм Конфуция в городе Юйшу	Цин	1874
21. Храм Конфуция в округе Шуанчэн	Цин	1874
22. Храм Конфуция в уезде Фэнчэн	Цин	1877
23. Храм Конфуция в уезде Сюянь	Цин	1879
24. Храм Конфуция в уезде Лишу	Цин	1879
25. Храм Конфуция в уезде Хуэйдэ	Цин	1879
26. Храм Конфуция в городе Цзилине	Цин	1880
27. Храм Конфуция в уезде Байян	Цин	1880
28. Храм Конфуция в городе Нинане	Цин	1880
29. Храм Конфуция в городе Хайларе	Цин	1882
30. Храм Конфуция в уезде Канпин	Цин	1883
31. Храм Конфуция в уезде Вэйчан	Цин	1886
32. Храм Конфуция в уезде Луаньпинь	Цин	1886
33. Храм Конфуция в уезде Синьминь	Цин	1887
34. Храм Конфуция в уезде Итун	Цин	1888
35. Храм Конфуция в городе Хуньчуне	Цин	1891
36. Храм Конфуция в городе Биньчжоу	Цин	1892
37. Храм Конфуция в уезде Бин	Цин	1892
38. Храм Конфуция в уезде Нонгане	Цин	1893
39. Храм Конфуция в городе Дуньхуа	Цин	1895
40. Храм Конфуция в уезде Хайчан Тувэнь	Цин	1902
41. Храм Конфуция в округе Ачэнге	Цин	1902
42. Храм Конфуция в городе Суйхуа	Цин	1906
43. Храм Конфуция в уезде Бэньси	Цин	1909
44. Храм Конфуция в городе Лунцзяне	Цин	Не определено
45. Храм Конфуция в уезде Юйинци	Не определено	Не определено

В табл. 2 указаны наиболее важные из ныне существующих храмов Конфуция в Северо-Восточном регионе, являющиеся охраняемыми объектами национального культурного наследия.

Таблица 2

Храмы Конфуция, являющиеся объектами национального культурного наследия

Провинция	Название храма	Год создания
Провинция Ляонин	Храм Конфуция в уезде Синчэн (см. рис. 1)	1430
Провинция Цзилинь	Храм Конфуция в городе Цзилине (см. рис. 2)	1724
	Храм Конфуция в городе Чанчуне (см. рис. 3)	1873
	Храм Конфуция в городе Фуюй (см. рис. 4)	1822
Провинция Хэйлунцзян	Храм Конфуция в городе Цицикаре (см. рис. 5)	1851
	Храм Конфуция в городе Харбине (Харбинский институт судостроения) (см. рис. 6)	Основан в октябре 1926 г. Строительство завершилось в 1929 г.
	Храм Конфуция в городе Харбине (район Хулань) (см. рис. 7)	Основан в 1927 г. и был построен в 1938 г.

Рис. 1. Храм Конфуция в Синчэне

Главная причина, по которой храмы Конфуция смогли сохраняться на Северо-Востоке Китая на протяжении тысячелетий, заключается в их важной функции политического просвещения. Правители унаследовали, продвигали и практиковали конфуцианскую доктрину с помощью образования. Конфуцианство использовалось в качестве официальной школы для усиления своих позиций, для политической стабильности и культурной интеграции. Поэтому храмы Конфуция выполняют функцию социального образования, закладывая оригинальный образец древнего образования в Северо-Восточном регионе – «единство храма и обучения» [5].

Рис. 2. Храм Конфуция в Цзилينه

Однако храм Конфуция – это не только инструмент политического просвещения в Северо-Восточном регионе, но и специальная школа. Убеждение посредством укрепления школьного образования также является его важной воспитательной функцией. В храмовых учебных заведениях преподавали конфуцианскую классику, знание которой было необходимым этапом для вступления чиновников в профессию, что упрочило высший статус конфуцианства и позволило ему глубоко укорениться в Северо-Восточном регионе.

Со времён династии Мин в Северо-Восточном регионе был введён принцип – «императорский экзамен должен проводиться школой». С тех пор императорский экзамен и храм Конфуция были тесно интегрированы. Храмы начали брать на себя задачу воспитания и отбора талантов для императорского колледжа. Благодаря экзаменам в Северо-Восточном регионе стало популярным поступать на учёбу в храм Конфуция, а изучение литературы в храме стало важной ступенью для

«обучения лучших». Студенты, которые посещают храм Конфуция для учёбы, пользуются высоким уважением и статусом одновременно, освобождаются от военной службы и налогов [9]. Благодаря этой системе для изучения конфуцианской классики в храмы Конфуция поступает большое количество студентов с Северо-Восточного региона.

Рис. 3. Храм Конфуция в Чанчуне

Опираясь на длительную историю северо-восточных храмов Конфуция, мы можем обозначить их образовательную ценность с четырёх позиций:

1. Ценность исторического образования.

Храмы Конфуция являются важными свидетелями развития образования на Северо-Востоке Китая. Большинство северо-восточных храмов оставили после себя множество исторических реликвий и материалов, будь то надписи, мемориальные доски, скульптуры, стихи и песни. Эти реликвии и материалы содержат много ценной исторической информации, которая с пользой дополняет историю Северо-Восточного региона и составляет значимую часть его культурного наследия.

Рис. 4. Храм Конфуция в Фуюй

2. Ценность научного образования.

Уникальные архитектурные, скульптурные, садово-парковые и другие ресурсы северо-восточных храмов Конфуция дают возможность их серьёзного научного освоения и изучения. Например, изысканные главные здания храма Конфуция в Синчэне (см. рис. 1) являются ценными

образцами для изучения древних архитектурных приёмов. Резьба по камню на стене памятника Конфуцию «Аналекты» (собрание цитат и эссе, составленное Конфуцием и его учениками) представляет собой ценный материал для изучения древних техник резьбы и каллиграфии в Китае. Древние деревья и растительность в храме, например крепкая древняя сосна, являются важными исследовательскими ресурсами для ботаники и биологии.

Рис. 5. Храм Конфуция в Цицикаре

Рис. 6. Храм Конфуция в Харбине (1929 г.)

3. Ценность художественного образования.

Ценность художественного образования заключается в позитивном и богатом художественном эмоциональном воздействии, которое культурное наследие храмов Конфуция оказывает на нас с помощью архитектурного дизайна, ландшафтной планировки и художественного стиля [6]. В храмах царит особая атмосфера китайского искусства, такого как скульптура, каллиграфия и садоводство. Дизайн классических элементов китайской архитектуры, таких как двери, залы, павильоны и т. д., отражает местные особенности этнических меньшинств Северо-Востока (см. рис. 3, 7). Воздвигнутая Чжан Сюэляном стела с высеченной на ней памятной надписью из 496 иероглифов в Харбинском храме Конфуция, 103 стелы из чёрного мрамора в храме Конфуция в Синчэне с выгравированными на них знаменитыми высказываниями Конфуция, садово-парковое искусство – всё это культурные реликвии и сокровища, которые стоят того, чтобы их увидеть. Музыка, танцы и этикет храмов Конфуция также имеют высокую художественную ценность.

4. Ценность социального образования.

Ценность социального образования связана с функциями политического воспитания, социального и культурного просвещения и убеждения, которые Храм Конфуция оказывает на людей благодаря своему богатому образовательному наследию [11]. Исторически сложилось так, что северо-восточные храмы Конфуция когда-то были центральным местом для изучения конфуцианства этническими меньшинствами и проведения китаизированного образования, и это одна из их важнейших ценностей в истории образования.

Рис. 7. Храм Конфуция в Харбине (1938 г.)

Таким образом, благодаря своему глубокому историческому и культурному наследию храмы Конфуция в Северо-Восточном регионе Китая стали важным местом для осуществления историко-культурного просвещения и социально-нравственного воспитания граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев. – 2-е изд. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 210 с.
2. Калашникова, О. Л. Культурные ценности в системе культурных стратегий Китая: заметки о китайском путешествии / О. Л. Калашникова // Картина мира через призму китайской и белорусской культур: сборник статей международной научно-практической конференции, Минск, 14 декабря 2018 г. / редкол.: М. В. Мишкевич (науч. ред.) [и др.]. – Минск: БГАТУ, 2019. – С. 8-16.
3. Каретина, Г. С. Храм Конфуция в Харбине: история строительства и открытия / Г. С. Каретина // Россия и АТР. – 2008. – № 4 (62). – С. 113-121.
4. Ли Хунцзюнь. Конфуцианство, буддизм и история образования на Северо-Востоке / Ли Хунцзюнь, Лю Чжаовэй. – Ляонин: Образовательная пресса Ляонина, 1996. – С. 416-419.
5. Материалы китайской ассоциации защиты храма Конфуция. – Пекин: Пекинское издательство «Яньшань», 2004. – 34 с.
6. Пэн Жун. Предварительное исследование по изучению китайских храмов Конфуция / Пэн Жун. – Пекин: Пекинский лесотехнический университет, 2008.
7. Стеженская, Л. В. Уровни понятия взнь в трактате Лю Се «Резной дракон литературной мысли» / Л. В. Стеженская // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2013. – № II-1 (13). – С. 56-61.
8. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»): в 9 т. Т. 6. / Сыма Цянь; Российская академия наук, Отделение истории, Институт востоковедения; пер. с кит., предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. – М.: Наука: Восточная литература, 1992. – 482 с.
9. Тянь Цзэнчжи. Практика китайского храмового образования и его просветление / Тянь Цзэнчжи // Журнал Университета национальностей Внутренней Монголии. – 2009. – № 5. – С. 112-114.
10. Фэнтянь тунчжи (Общая история провинции Фэнтянь) / под ред. Цзинь Юйфу. Т. 4. – Ляохай: Ляохай чубаньшэ, 2002.
11. Юй Сюэбинь. Экспериментальная дискуссия о воспитательной функции храма Конфуция / Юй Сюэбинь // Журнал Харбинского технологического института. – 2008. – № 9. – С. 128-130.

Шереметьева М. А.
M. A. Sheremetyeva

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

MASS CULTURE AS A FACTOR IN THE FORMATION OF CIVIC IDENTITY

Шереметьева Марина Анатольевна – кандидат культурологии, доцент кафедры социально-культурной деятельности Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112. E-mail: Ma_Sher@mail.ru.

Marina A. Sheremetyeva – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Department of Socio-Cultural Activity, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 680045, Khabarovsk territory, Khabarovsk, Krasnorenchenskaya Str., 112. E-mail: Ma_Sher@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена исследованию массовой культуры с точки зрения влияния на формирование гражданской идентичности. Исследуется экранная культура как важная составляющая массовой культуры. Более подробно рассматриваются такие проявления экранной культуры, как кинематограф и компьютерные игры. Отмечается возрастающий интерес к отечественному культурному наследию в кино и игровой индустрии, выражающийся в трёх уклонах: к старославянскому антуражу, отечественной истории и отечественной литературе. Особое внимание уделяется мотивам обращения к подобным тематикам и глубине погружения в материал. Анализируется развитие культурных индустрий в контексте возрастающей роли регионов в формировании общегражданской идентичности. Проведённое исследование изменений в современной массовой культуре приводит к выводу о необходимости регулирования развития массовой культуры с целью сохранения российской самобытности, исторической памяти и формирования общероссийской гражданской идентичности.

Summary. The article is devoted to the study of mass culture in terms of its influence on the formation of civic identity. Screen culture is being investigated as an important component of mass culture. Such manifestations of screen culture as cinematography and computer games are examined in more detail. There is a growing interest in the national cultural heritage in the cinema and gaming industry, expressed in three biases: to the Old Slavic entourage, to the ancestral history and to the national literature. Special attention is paid to the motives of teaching similar subjects and the depth of immersion in the material. The development of cultural industries is analyzed in the context of the increasing role of regions in the formation of national identity. The conducted study of changes in modern mass culture leads to the conclusion that it is necessary to regulate the development of mass culture in order to preserve Russian identity, historical memory and the formation of a common Russian civic identity.

Ключевые слова: общероссийская гражданская идентичность, массовая культура, кинематограф, компьютерные игры, креативные индустрии.

Key words: all-Russian civic identity, popular culture, cinematography, computer games, creative industries.

УДК 008:316.7

Несмотря на то что массовая культура является одним из самых важных аспектов современного социокультурного ландшафта, она всё ещё остаётся недостаточно изученной областью в контексте теории культуры.

Первые глубокие исследования на эту тему появились в 1920-1930-е годы. Представители так называемой Франкфуртской школы (Т. В. Адорно, М. Хоркхаймер, В. Беньямин) резко отрицательно оценивали массовую культуру, в частности, В. Беньямин заявлял, что «процент отбросов в общем объёме художественной продукции выше, чем когда бы то ни было» [2, 18]. Представители этого направления рассматривали массовую культуру как средство манипуляции массовым сознанием и насаждения нужной правящим кругам идеологии. М. Хоркхаймер и Т. В. Адорно предложили термин «культуриндустрия» и показали, как через развлечение она осуществляет манипу-

ляцию массовым потребителем, навязывая ему ложные потребности и пассивно-гедонистические ценности. Они приводят в качестве примера культуриндустрию нацистской Германии, обращая особое внимание на радио. Исследователи заявляют, что радио, осуществляя свою деятельность бесплатно, создаёт обманчивый имидж «незаинтересованного авторитета» [8, 199], прекрасно устраивающего фашизм. Таким образом, радио, по их мнению, стало «универсальным гласом фюрера» [8, 199]. В. Беньямин, анализируя роль массовой культуры в странах с разным политическим строем, отмечает, что фашизм, пытаясь организовать возникающие пролетаризированные массы и сохранить при этом те имущественные отношения, к устранению которых стремятся эти массы, «видит свой шанс в том, чтобы дать массам возможность выразиться» [2, 27], и приходит к эстетизации политической жизни, а «коммунизм отвечает на это политизацией искусства» [2, 28]. Стоит отметить, что в нашей стране в советское время массовая культура, действительно, выполняла пропагандистские функции, что было озвучено, к примеру, А. Пахмутовой на пленуме правления Союза композиторов СССР: «Песня в нашей стране давно уже стала явлением общественно-политическим. Лучшие наши песни являются и воспитателями, и организаторами» [6, 2].

Несколько иной взгляд на роль массовой культуры предложили представители Бирмингемского исследовательского центра: С. Холл, Р. Уильямс и другие. Они выдвинули идею об активной роли аудитории. Представители этого направления рассматривали культуру как пространство идеологической борьбы, стимулирующей обмен мнениями и выработку критических теорий. Не отрицая идеологическую природу культуры, они утверждали, что вне идеологии культуры не существует, однако аудитория может сопротивляться и сопротивляется идеологическому влиянию.

Особый взгляд на сущность массовой культуры предлагает А. Я. Флиер. Он доказывает, что на этапе сложения национальных культур неизбежно возникает потребность в большей, чем прежде, универсализации транслируемого опыта, ценностей, образцов сознания и поведения, в формировании общенациональных норм и стандартов социальной и культурной адекватности человека, в повышении эффективности работы механизмов социальной регуляции, что и обуславливает необходимость создания канала трансляции знаний, понятий, социокультурных норм и иной социально значимой информации широким массам населения, охватывающим всю нацию. Однако главной сложностью в распространении национальной культуры является, по мнению А. Я. Флиера, то, что современные знания, нормы, культурные образцы и смыслы вырабатываются преимущественно в высокоспециализированных областях социальной практики (политической, научной, художественной и т. п.) и почти недоступны для понимания основной массой населения. Это рассуждение приводит А. Я. Флиера к определению роли массовой культуры как системы «средств по смысловой адаптации, “переводу” транслируемой информации с языка высокоспециализированных областей культуры на уровень обыденного понимания неподготовленных людей» [7, 380], как некой «интерпретативной практики», подобной тому, как сказки и притчи в традиционной культуре передавали представления о нормах и ценностях. Таким образом, А. Я. Флиер отказывается от оценочного подхода к феномену массовой культуры и рассматривает её как объективную необходимость. Он также анализирует проявления массовой культуры в странах с разным государственным строем и приходит к выводу о существовании в индустриально развитых странах двух типов массовой культуры: рассчитанной на свободный коммерческий спрос (в обществах с более или менее либеральными установками) и рассчитанной на жёсткое навязывание гражданам стандартов социальной и идеологической лояльности (в обществах с тоталитарными политическими режимами или тяготеющими к подобной тоталитарности).

Взгляд на массовую культуру с такого ракурса позволяет понять, что позиции, рассмотренные ранее, не противоречат друг другу: в одной ситуации массовая культура служит инструментом навязывания культурных ценностей и стереотипов, в другой ситуации потребитель сам делает выбор, но, так или иначе, массовая культура выполняет задачу социальной регуляции, формирования единой идентичности, «организации “культурной компетентности” современного человека, его социализации и инкультурации» [7, 389]. Можно сделать вывод, что мы вправе рассматривать массовую культуру как способ культурной идентификации как «сверху», так и «снизу».

Безусловно, «культура, будучи мощным духовным ресурсом, составляет ядро разного типа идентичности: национальной, региональной, профессиональной и т. п.» [9, 34]. В европейской традиции понятия «национальная идентичность» и «гражданская идентичность» рассматриваются как тождественные. Однако некоторые отечественные авторы указывают на сложности, с которыми сопряжено использование термина «гражданская идентичность» в российском пространстве, а именно: на «возможность конфликта между национальной идентичностью, понимаемой прежде всего как этнической, и идентичностью гражданской, общероссийской» [4, 92]. Вступая с ними в полемику, П. В. Ломанов и А. В. Бардаков утверждают, что «общегосударственная гражданская идентичность не может основываться только на формальном статусе гражданина и лояльности к политической и правовой системам государства, для неё очень важны ценностные и культурные основания» [4, 92].

Многие принятые в последние годы документы стратегического планирования РФ выделяют культурные основания гражданской идентичности как базовые. Если обратиться к определению гражданской идентичности, предложенному в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года», можно увидеть, что под общероссийской гражданской идентичностью понимается не только осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, но «также приверженность традиционным российским духовно-нравственным и культурно-историческим ценностям» [15]. Как видим, в данном документе гражданская идентичность рассматривается с точки зрения двух подходов: аксиологического и культурологического – и сближается с социальной и культурной идентичностью, что позволяет преодолеть противоречия между региональной, национальной, этнической и гражданской идентичностями.

Историческая память, система общезначимых моделей-образцов, отношение к ценностям являются ядрообразующими компонентами культуры, определяющими национальные отличия. Таким образом, в качестве одного из инструментов конструирования как национальной, так и гражданской идентичности можно рассматривать различные формы художественного творчества, как, например, музыка, фольклорные истоки [9].

С этой точки зрения представляется продуктивным подход к пониманию феномена массовой культуры С. Ю. Неклюдова, который рассматривает массовую культуру в контексте взаимодействия с традиционной народной культурой, отмечает влияние массовой культуры на устную традицию и выделяет смешанные формы, которые можно отнести как к фольклору, так и к массовой культуре (городская песня, интернетлор). С. Ю. Неклюдов считает, что сегодня мы имеем дело с фольклором нового типа, который он предлагает назвать термином «постфольклор». По его мнению, при переходе от фольклора к постфольклору решающее значение имеет коммуникативный аспект, выражающийся в появлении принципиально новых информационно-коммуникационных технологий. С. Ю. Неклюдов раскрывает его содержательную, структурную и функциональную связь с массовой культурой, использование постфольклором семантики, топики и стилистики массовой культуры.

Однако С. Ю. Неклюдов указывает и на обратный процесс: «массовая культура воспроизводит многие родовые свойства фольклора» [5, 12], такие как дидактические и социально-адаптивные функции, утрата авторского начала, господство стереотипа и т. д. В том числе он указывает на «фольклорность» кинематографа, а именно: «упрощённые сюжетные варианты литературной классики, пригодные для последующей фольклоризации» [5, 10].

Действительно, мы отмечаем появление всё новых и новых экранизаций, предлагающих интерпретации и адаптации классических литературных произведений для современного зрителя на понятном ему языке. В числе самых экранизируемых – «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Дядя Ваня» А. П. Чехова, «Анна Каренина» Л. Н. Толстого и другие великие произведения. В 2021 и 2024 годах появились две новые отечественные адаптации «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского, в 2020 году вышел новый сериал по его роману «Идиот», в данный момент идут съёмки новых проектов по романам Л. Н. Толстого «Воскресение» и «Анна Каренина». Новая волна интереса к отечественной литературе у кинематографистов может рассмат-

риваться как одно из проявлений более широкого процесса поиска истоков и роста интереса к культурному наследию России. Новые экранные версии регулярно появляются, хотя и предлагают зачастую довольно свободную трактовку содержания произведения-оригинала.

Приём культурной адаптации предполагает привнесение в произведение искусства других культурных реалий, актуальных для конкретной целевой аудитории, к которой обращается создатель киноверсии. Кинокартина как поликодовое явление представляет собой, по сути, актуализацию понятного зрителям коммуникативного кода, если понимать под кодом «систему условных обозначений, символов, знаков, правил их комбинации между собой для передачи, обработки, запоминания и хранения информации в наиболее оптимальной для этого форме» [1, 174]. Такой взгляд на искусство кино подтверждает представление А. Я. Флиера о массовой культуре как «интерпретативной практике». Подобным же образом происходит культурная адаптация при экранизации фольклора, что можно проследить, сравнивая «классические» киносказки А. А. Роу и А. А. Птушко с произведениями 1970-1980-х годов Б. Рыцарева, Н. Кошверовой, М. Юзовского и с современными экранными версиями народных сказок, которые в большом количестве появляются в последнее время. Современные прочтения отечественного фольклора, такие как франшиза «Последний богатырь» Д. Дьяченко или дилогия про Бабу Ягу К. Захарова, «По щучьему велению» А. Войтинского, «Горыныч» Д. Хонина, «Царевна Лягушка» А. Амирова, являются переосмыслениями старых сказок на новый лад, а наиболее популярным приёмом стало перенесение событий в так называемые «наши дни». Можно по-разному оценивать такие интерпретации, но приходится признать, что аутентичные народные сказки сложны для понимания современным массовым потребителем как с точки зрения реалий, показанных в сказках, так и с точки зрения их языка. Также по-новому рассказывают кинорежиссёры и об исторических событиях, пытаясь сделать их более близкими и понятными современному зрителю.

Кинематограф как один из самых демократичных видов искусства является важной составляющей массовой культуры. Рассуждая о современной культуре, А. С. Брейтман указывает на её экранную природу, отмечая, что кинематограф сыграл значительную роль в формировании этой характеристики современной культуры. Он отмечает, что «сегодня “экран”, “экранная культура” – привычное, подчас основное пространство взаимодействия с миром для подавляющего большинства пользователей ПК и мобильных телефонов» [3, 5].

К проявлению экранной культуры можно отнести другой активно развивающийся и набирающий популярность вид современного искусства – компьютерную игру. Сегодня российская индустрия компьютерных игр находится в стадии подъёма после спада 2022 года. Важным явлением в современной российской игровой индустрии является рост интереса к отечественной истории, к старорусской тематике в разных проявлениях, к культурному коду и идентичности России. Проанализировав ассортимент предлагаемых разработчиками компьютерных игр, отражающих отечественную тематику и культурное наследие, можем выделить три большие группы игр: игры в славянском сеттинге, игры, сюжетная основа которых опирается на отечественную историю, и игры по произведениям отечественных писателей.

Отметим, что степень погружения в материал у разных авторов разная, что зависит от их мотивации. К примеру, разработчик игры «Песнь копия» П. Костенко считает такой поворот в игровой индустрии ответом на запрос потребительской аудитории [11], а вот создатель игры «Чёрная книга» В. Белецкий, признавая, что основной причиной выбора тематики было желание создать игру в необычном сеттинге, уточняет, что самой команде интересны фольклорные темы, местные сказки и былички. В процессе работы с материалом участники творческого коллектива обращались в поиске информации к научным консультантам, к специальной литературе, посещали музеи края. Безусловно, для того чтобы фольклорное произведение стало частью «живой» массовой культуры, оно проходит обработку на основании стандартов и канонов современной культуры, но важно, чтобы у гейм-дизайнеров не было формалистского подхода к исходному материалу, приводящего к скудности содержания.

В новой Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2036 года в числе задач, путём решения которых обеспечивается укрепление общероссийской гражданской

идентичности, названы защита исторической правды и исторической памяти, популяризация знаний о значимых событиях истории России и повышение интереса к изучению истории [15]. Приходится признать, что игр на историческую тематику у нас пока немного. Однако моментом в истории нашей страны, который всегда вдохновлял создателей игр, является Великая Отечественная война. Широко известны и популярны стратегии на эту тему: «В тылу врага», «Блицкриг», «Вторая мировая». Сверхпопулярной является серия симуляторов «Ил-2. Штурмовик». Представлены также игры других жанров: «Смерть шпионам» жанра стелс-экшен, «Всем встать!» (головоломка о Нюрнбергском процессе) и другие. Отметим, что 8 мая 2024 года Президентом Российской Федерации В. В. Путиным был подписан Указ № 314 «Об утверждении основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», в котором предусмотрено создание механизмов государственного и общественного контроля рынка компьютерных игр с целью исключения неконтролируемого распространения цифровых продуктов, создающих искажённое представление о событиях отечественной и мировой истории [14]. Данный факт подтверждает то значение, которое придаётся роли компьютерных игр в формировании мировоззрения подрастающего поколения на государственном уровне. В 2024 году Институт развития интернета (ИРИ) одобрил гранты на реализацию ряда проектов, которые рассматривают разные этапы отечественной истории до XX века: приключенческая игра «Смута» студии «Сайберия Нова» по книге Михаила Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»; стратегия «Боевой приказ: Денис Давыдов» студии Fatlce Games, освещающая войны, в которых лично участвовал легендарный герой Денис Давыдов; игра об освоении северных земель студии Triluna «Северный путь». Важной характеристикой этих игр является повышенное внимание к соблюдению исторической правды.

Если обратиться к играм по произведениям отечественных писателей, то можно выявить две основные группы: игры, созданные по сюжетам наиболее известных и популярных произведений наших классиков и по произведениям современных отечественных фантастов. К примеру, в сети Интернет можно найти игры по мотивам произведений Н. В. Гоголя (цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Вий»), востребованы произведения Ф. М. Достоевского (роман «Преступление и наказание» и фантастический рассказ «Бобок»), создаются игры по произведениям А. С. Пушкина («Царевна» по мотивам «Сказки о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди») и М. А. Шолохова (по рассказу «Нахалёнок»). На этих примерах мы видим, как образцы элитарной культуры перетекают в массовую культуру, адаптируясь под интересы массового потребителя. Однако надо признать, что не каждое классическое произведение обладает так называемой играбельностью. В игровой нарратив хорошо встраиваются мифологические сюжеты и жанровая литература. Этим запросам как раз отвечают ранние произведения А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя с их неповторимым сочетанием мистики, фантазии и фольклора. Творческий метод Ф. М. Достоевского, использовавшего в качестве основы для своих романов полицейскую хронику, также соответствует требованиям к созданию игрового нарратива. Более широко представлены современные авторы, преимущественно писатели-фантасты: А. Н. и Б. Н. Стругацкие («Пикник на Обочине: За Гранью Возможного», «Трудно быть богом», «НИИЧАВО» и др.), Кир Булычёв (игры по циклу про Алису Селезнёву), С. В. Лукьяненко (игры по циклу «Дозоры» и др.). Список можно продолжать, но, к сожалению, в большинстве случаев игры сделаны наспех, без души и без уважительного отношения к первоисточнику.

Таким образом, мы отмечаем, что в российской массовой культуре обнаруживаются интерес к культурному наследию и идентичности России, тенденция к созданию произведений, которые транслируют отечественные культурные ценности. Однако зачастую это носит формальный характер, на уровне внешних признаков, что приводит к появлению малоинтересного и неконкурентоспособного продукта.

В новой Стратегии государственной национальной политики РФ большое значение придаётся роли регионов в формировании общегражданской идентичности. Действительно, «культура региональных/локальных сообществ содержит в себе эффективный идентификационный ресурс, сущность которого заключается в обеспечении индивида базовыми, фундаментальными культурными ориентирами, заложенными в социальном опыте местных сообществ» [9, 34]. В связи с этим

представляется уместным рассмотреть опыт Республики Саха (Якутия), где с 1992 года активно работает киностудия «Сахафильм», а с 2011 года проводится Международный кинофестиваль арктических фильмов. С 2018 по 2022 год кассовые сборы от проката якутских фильмов в республике составили 33 % от общего проката, а их посещаемость – 35 % от общей посещаемости кинотеатров» [16]. Ежегодно с 2020 года в Якутии проходит конкурсный отбор, по итогам которого из бюджета республики предоставляются субсидии на поддержку национального кинопроизводства. На настоящий момент «Якутия вышла на второе место после Москвы по объёмам создания кинолент» [13]. Кроме того, в республике интенсивно развивается игровая индустрия, проводятся конкурсы, поддерживающие разработчиков, создаются новые студии. Фонд развития инноваций Республики Саха (Якутия) создал видеоигровое издательство «Новая Игра+» [10]. Релиз двух проектов планируется на 2026 год: фолк-хоррор Project «Хара Мыраан» и приключенческая головоломка Project Spring Legacy.

В других регионах ДФО экранная культура находится пока в стадии становления. При этом Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года прямо говорит о необходимости поддержки креативных индустрий и учёта положений концепции при разработке региональных стратегий социально-экономического развития [12]. Отметим, что в Хабаровском крае делаются шаги в этом направлении: создана региональная кинокомиссия, открыты две Школы креативных индустрий, филиал ВГИКа, снимается документальное кино. Также в Хабаровске активно развивается анимационный кластер: проводится Международный фестиваль анимационного кино «Анимур», реализуют проекты анимационные студии «Мечталёт» и «Зелёные Камнеёжки». В 2026 году выходит на большой экран полнометражный анимационный фильм «Капитан Невельской и земли Чёрного дракона» студии «Мечталёт». С 2024 года в Хабаровске действует Дальневосточное представительство Президентского фонда культурных инициатив, что позволяет говорить о превращении Хабаровска в центр креативного развития Дальнего Востока.

Однако при этом важно помнить, что значение имеет не столько появление собственной креативной продукции, сколько транслируемые образы и смыслы. На пленарной сессии II Национальной кинематографической премии за высокие достижения в области кинематографии и вклад в развитие киноиндустрии Дальнего Востока был отмечен тревожный факт, «что Дальний Восток склоняется больше в сторону бандитской тематики», заявлена необходимость демонстрировать зрителю «созидательные продукты», такие как «9 секунд», «Челюскин» – те фильмы, которые формируют у молодёжи правильные ценности [13].

Сегодня, когда Россия испытывает беспрецедентное информационное давление, когда информационное поле стран мирового большинства стало главным местом столкновения нарративов России и стран Запада, массовая культура становится мощным инструментом влияния на формирование общественного мнения. Сегодня мы говорим о гибридной войне, нацеленной на разрушение российского культурного кода. В этих условиях мы не должны недооценивать возрастающее просветительское и воспитательное значение культурной индустрии, её конструктивную роль в процессе формирования мировоззрения, в связи с чем важная задача видится в регулировании развития массовой культуры с целью недопущения разрушения исторической памяти, отрицания российской самобытности, разрушения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, ослабления общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмазова, Н. И. Коммуникация в поликодовом пространстве: лингвосомиотический и дидактический аспекты / Н. И. Алмазова, В. Е. Чернявская // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2010. – № 1. – С. 173-177.
2. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин // Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / предисл., сост., пер. и прим. С. А. Ромашко. – М.: Медиум, 1996. – С. 15-66.

3. Брейтман, А. С. Якутская мифологическая космогония в пространстве экрана: о мировом феномене якутского кино (1990 – 2020-е годы) / А. С. Брейтман // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2025. – № IV (84). – С. 4-12.
4. Ломанов, П. В. Культурологический аспект понятия «гражданская идентичность» / П. В. Ломанов, А. В. Бардаков // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2024. – Т. 10. – № 3. – С. 85-99.
5. Неклюдов, С. Ю. Фольклор современного города / С. Ю. Неклюдов // Современный городской фольклор. – М.: Российский гос. гуманит. ун-т, 2003. – С. 5-27.
6. Пахмутова, А. Н. Доклад на пленуме правления Союза Композиторов СССР, посвящённом советской песне / А. Н. Пахмутова. – Москва: б. и., 1975. – 84 с.
7. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов: учеб. пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии / А. Я. Флиер. – М.: Академический проект, 2000. – 496 с.
8. Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. В. Адорно; пер. с нем. М. Кузнецова. – М. – СПб.: «Медиум», «Ювента», 1997. – 310 с.
9. Шушарина, Г. А. Культурные основания конструирования идентичности / Г. А. Шушарина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № VI (70). – С. 32-35.
10. В Якутии запускают международное игровое издательство «Новая игра+» // Администрация главы Республики Саха (Якутия) и правительства Республики Саха (Якутия). – URL: <https://agip.sakha.gov.ru/news/5768> (дата обращения: 29.11.2025). – Текст: электронный.
11. «В наших интересах выйти везде» – интервью с разработчиками «Песни копыя» // Яндекс Дзен. – URL: https://dzen.ru/a/ZmqjKHTj_UtD4g_L (дата обращения: 29.11.2025). – Текст: электронный.
12. Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года: Распоряжение правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 г. № 2613-п // Правительство России, 2025. – URL: <http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVlxBCjIAAtAya8FAVDUfP.pdf> (дата обращения: 29.11.2025). – Текст: электронный.
13. КРДВ: в сфере киноиндустрии на Дальнем Востоке нужна сценарная мастерская // Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе, 2025. – URL: http://www.dfo.gov.ru/press/news_DV/8300/ (дата обращения: 29.11.2025). – Текст: электронный.
14. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения: Указ Президента Российской Федерации от 08 мая 2024 г. № 314 // Администрация Президента России, 2024. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 29.07.2025). – Текст: электронный.
15. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 // Официальный интернет-портал правовой информации, 2025. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024> (дата обращения: 29.11.2025). – Текст: электронный.
16. Сахафильм: официальный сайт. – URL: <https://sakhafilm.ru/movies/> (дата обращения: 29.11.2025). – Текст: электронный.

Шушарина Г. А.
G. A. Shusharina

**ТОПОСЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ В КОНТЕКСТЕ
ФОРМИРОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

**TOPICS OF FAR EASTERN WAR POETRY IN THE CONTEXT OF FORMING
AND PRESERVING NATIONAL IDENTITY**

Шушарина Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: Galinalmk@yandex.ru.

Galina A. Shusharina – PhD in Philology, Assistant Professor, Head of Linguistics and Cross-Culture Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: Galinalmk@yandex.ru.

Аннотация. В современной науке литература трактуется как символическая форма памяти. Русская литература традиционно отзывалась на эпохальные исторические события. Цель данной работы – представить содержательный срез поэзии дальневосточных авторов, размышлявших о Великой Отечественной войне. Проведённый анализ стихотворений позволил выявить наиболее частотные топосы, раскрытые в текстах, а именно: сохранение памяти о военных событиях и погибших воинах, героизм на войне, память как коммуникация между поколениями, величие России и ужасы войны. Формирование представлений об общем для страны прошлом через художественные образы поэтических произведений усиливает чувство принадлежности к общей истории и символам, создаёт ощущение преемственности, поскольку поэзия сохранена для следующих поколений жителей страны. Истории о героизме и победе, трагедиях войны, актуализированные в стихотворениях, формируют представления о добре и зле, предлагая читателю модели поведения.

Summary. In modern science, literature is interpreted as a symbolic form of memory. Russian literature has traditionally responded to epoch-defining historical events. The purpose of this study is to present a meaningful analysis of the poetry of Far Eastern authors who have reflected on the Great Patriotic War. Through the analysis of these poems, we have identified the most frequent themes that are explored in the texts, including the preservation of memory about the war and the fallen soldiers, the heroism of the war, the role of memory as a means of communication, the greatness of Russia, and the horrors of war. The formation of ideas about the country's shared past through the artistic images of poetry enhances the sense of belonging to a common history and symbols, creating a sense of continuity as poetry is preserved for future generations of the country's residents. The stories of heroism and victory, as well as the tragedies of war, which are reflected in the poems, shape the perception of about good and evil, offering the reader models of behavior.

Ключевые слова: образ, дальневосточная поэзия, идентичность, память, Великая Отечественная война, топос.

Key words: image, Far East poetry, identity, memory, The Great Patriotic War, topos.

УДК 304.2

В последнее время мы наблюдаем интерес к изучению регионального социокультурного пространства, частью которого является художественное творчество региональных авторов, уделявших большое внимание теме Великой Отечественной войны, столь значимой для русского народа [4; 9; 12].

Ценность сохранения памяти о Великой Отечественной войне особенно актуальна в связи с наблюдаемыми тенденциями, направленными на забвение подвига русского народа в борьбе с фашистами, а также на стирание рамок государственного суверенитета, следствием чего может стать утрата национальной идентичности. Великая Отечественная война для России является од-

ним из наиболее важных оснований для сохранения национальной идентичности. Годы войны – это годы горя, боли, нечеловеческих испытаний русского народа:

*Кресты небес разверзлись
адом
Беды и зла.
Избитая чугуном
градом, Земля ползла.* (В. Лахин) [13].

Война затронула всё население страны, сплотив нацию на фронте и в тылу. Победа в ней – это нравственная ценность, гордость России. Во время войны проявились все самые лучшие качества народа, а именно: самоотверженность, исключительная стойкость перед врагом, любовь к Родине, патриотизм. «Эти ценности и сегодня являются для российского общества фундаментальными, стержневыми. На них, по большому счёту, во многом держится суверенитет нашей страны» [16].

В науке фиксируется несколько направлений в исследовании памяти, в том числе концепция коллективной памяти М. Хальбвакса, теория мест памяти П. Нора, концепция культурной памяти Я. Ассмана, теории травматической памяти (Дж. Александр, П. Штомпка, М. Хирш) и др.

Термин «коллективная память» в научный обиход ввёл французский историк и социолог М. Хальбвакс. Основная идея исследователя сводится к тому, что память отдельных индивидов и их групп социально обусловлена [20]. На необходимость обращения к событиям прошлого для обоснования единства и консолидации нации, её самобытности указывал такой учёный, как Я. Ассман [2].

Коллективная память как «разделяемые людьми воспоминания, представления о событиях прошлого, которые имеют свойства оживляться, актуализироваться, конструироваться заново в межличностном дискурсе» [7] помогает людям обрести социальную идентичность через интернализацию общих традиций и коллективных воспоминаний, разделяемых группой.

В современной науке память концептуализируется уже не только как психофизиологическое состояние и познавательная способность человека, но и как образование, имеющее множество форм [5]. Одной из таких форм является художественная литература, которая в России традиционно отзывается на эпохальные исторические события. Литературные произведения сами по себе выступают в роли средств, транслирующих историю, культурное наследие, передающих опыт и знания поколений [15, 53]. В подтверждение приведём мнение советского и российского литературоведа, культуролога Ю. Лотмана: «Тексты, насыщающие память культуры, жанрово неоднородны. Память не является для культуры пассивным хранилищем, а составляет часть её текстообразующего механизма. Память культуры не только едина, но и внутренне разнообразна» [10].

В 2025 году Российская Федерация отмечает 80-летнюю годовщину Победы в Великой Отечественной войне.

«Литература об этой войне – настолько масштабное явление, что время над ним не властно, воспоминания очевидцев и произведения писателей-фронтовиков неизменно тревожат души наших соотечественников всех поколений» [14].

Частью литературы о войне является военная поэзия, т. е. поэтические произведения, центральной темой которых является война. Исследователи подчёркивают, что в военной поэзии органично переплетаются историческая память о военных событиях, а также личные переживания участников войны, преодоление последствий военных действий, восстановление мирной жизни и т. д. [22].

Цель данной работы – представить содержательный срез поэзии дальневосточных авторов, размышлявших о Великой Отечественной войне.

Тема войны в дальневосточной поэзии ранее анализировалась в работах ряда философов, филологов и культурологов [1; 11; 18; 21]. Новизна настоящего исследования заключается в подходе к изучению поэтических произведений о войне как репрезентанту коллективной памяти и ин-

струмента формирования национальной идентичности. Кроме того, некоторые стихотворения, упомянутые в статье, ранее анализу не подвергались.

Проанализировав стихотворения дальневосточных поэтов о войне, мы можем выделить несколько топосов, которые затрагивают авторы. В настоящей статье под термином «топос» мы понимаем «коммуникативный инструмент, отсылающий к области “общих мест” и обеспечивающий успешную социальную интеракцию» [3].

Первый топос – сохранение памяти о военных событиях и погибших воинах. Обращение к теме войны в произведениях способствует сохранению коллективной памяти, поскольку чаще всего человек вспоминает о чём-то потому, что к воспоминаниям его побуждают другие люди [20]. В стихотворениях упоминаются наиболее масштабные и кровопролитные сражения, в числе которых, например, Сталинградская битва, взятие Берлина.

*Грохот жарких боёв Сталинграда,
Надпись кровью: «Они не пройдут!»,
Завершающий залп по Рейхстагу
И столицы победный салют. (В. Корсаков) [17].*

Следующим топосом, раскрывающим войну перед читателем, является героизм на войне. Героизм в стихотворениях о войне – это мощный культурный пласт, который отражает эволюцию представлений о подвиге, долге и национальной идентичности.

*Фашисты думали иначе:
«Кургана русским – не видать!»
Но ворвались бойцы в траншею:
Кто бьёт прикладом, кто штыком,
А тот, врага схватив за шею,
В лицо, наотмашь, кулаком... (Л. Воробьёв) [19].*

*И вдруг – «Ура!!!» И страх отброшен
И в мыслях – бой! И всё. И всё!
Бой с кровью, ненавистью, дрожью,
С безумной дрожью грозовой...
Как много было их, кровавых,
Жестоких судорожных атак!
Ответь, ответь мне, Боже правый,
Как уцелеть ты смог, солдат?
Какою силою и волей
Ты победил и в этот раз?..
Солдат ... Солдат ...
Не ты – ведь больше
России не было б у нас. (А. Кочегаров) [13].*

Важно отметить, что поэты подчёркивают героизм человека, который до войны жил обычной жизнью. Поэтов удивляет, какой стойкостью духа и мужеством обладали совсем молодые парни. Великая Отечественная война стала потрясением для многих советских людей, изменив их уклад жизни, занятия, привычные ценности.

*Не представляла вся Европа,
Как мог выдерживать огонь
И выносить снега со стужей
Простой советский паренёк?..
Его в окопе танк утюжил,
Он уцелел и... танк поджёг! (Л. Воробьёв) [10].*

*Он в герои не метил, нет,
Просто жил для своей страны* (А. Рачков) [6].

В приведённых выше строках поэт А. Рачков подчёркивает, что героизм советского солдата был предопределён его довоенной жизнью. Фраза «просто жил для своей страны» указывает на будничное, ежедневное служение Родине на заводе, в поле или других сферах. Жизнь «для страны» представлена как естественный долг гражданина, не требующий героизации и восхваления.

Третий топос – память как коммуникация между поколениями участников войны и их потомков. Герои Великой Отечественной войны через свои воспоминания передавали своеобразное послание своим детям и внукам о том, что им пришлось пережить ради победы.

*...но помню о войне
я памятью отца.* (Ю. Белинский) [19].

*Внук спросил однажды деда:
- Дед, ты сколько лет прожил?
Про войну и про победу
Расскажи мне, расскажи.* (В. Анохин) [17].

Характерной идеей является посмертное присутствие боевых товарищей в жизни прошедших войну и выживших.

*Где вы, боевые друзья,
Что с улыбкой шли
на доты?* (Л. Куперштейн) [13].

*За тех, кто пал в боях когда-то,
Пьют ветераны по сто грамм.
Склоняя головы седые,
Не прячут слезы старики...
Их внуки, близкие, родные
Кладут к подножию венки.* (Л. Воробьёв) [19].

Рассказывая о войне, солдаты и офицеры используют местоимение «мы», стремясь передать общность и солидарность людей в битве за общее дело:

*За Победу дрались мы и знали,
Как Победа Отчизне нужна!
Всё последнее мы отдавали,
Чтоб последней была та война!* (А. Коротков) [13].

*Ею дышит, живёт земля.
Все умрём, но не пустим немца
К лучезарным звёздам Кремля!
И не дрогнули мы, не сдали* (С. Феокистов) [19].

Поэты от лица потомков героически сражавшихся за свою Родину бойцов отдают дань уважения и благодарности за возможность жить спокойно и мирно:

*Спасибо Вам, отцы и деды,
За мир, за жизнь, за День Победы!* (Л. Воробьёв) [19].

*Город Юности помнит своих сыновей.
Мы, спасённые вами, и любим и строим,
Присягаем на верность Отчизне своей.* (А. Краснов) [19].

*Эшелоны, эшелоны,
эшелоны...
По Транссибу в
паровозном дыму,
И старухи отбивают им
поклоны
С косогорков, провожая
на войну.* (А. Наумов) [19].

Четвёртым топосом является мотив величия России:

*Но на плечах его двужильных
До звёзд Россия поднялась!* (В. Суходольский) [19].

*И великою Россиею
Поднималась из веков,
Возвеличенная силою
Баб её и мужиков* (И. Еремин) [8].

Ужасы войны передаются дальневосточными авторами поэтических произведений в образе врага, что является следующим топосом, актуализирующим память в сознании русского народа. Враг предстаёт в обличье змеи, гада (слово употребляется как синоним к термину «пресмыкающееся»). В славянской мифологии и фольклоре змея имеет отрицательные характеристики, подчёркивается её связь с загробным миром.

*Он никуда, кровавый гад,
От смерти не уйдёт...* (С. Феоктистов) [19].

*В родные светлые края, в наш солнечный простор
Вползла гремучая змея, забрался подлый вор.
Он оставляет на траве след кованых сапог.
Паучий знак на рукаве от свежей крови взмок...
...Средневековый изувер, обезумевший гад
Он тянет щупальцы к Москве, он лезет в Ленинград.* (С. Феоктистов) [19].

Ассоциации врага и агрессивного животного достаточно частотны в дальневосточных стихотворениях о войне:

*Фашисты в безумстве зверином
Оставили в доме голодных детей,
А стены облили бензином...* (С. Феоктистов) [19].

Кроме того, злой и беспощадный враг предстаёт в образе фантастических персонажей, всегда негативно окрашенных:

*Здесь кипел беспощадный бой...
Шло на нас пятьдесят чудовищ,
Извергая свинцовый шквал.* (С. Феоктистов) [19].

*Кровавый изверг – под Москвой,
Останови врагов,
Как мразь, как сорную траву,
Дави поганых псов... (С. Феоктистов) [19].*

Фашистские захватчики передаются поэтами и абстрактными образами, а именно бесформенной чернотой и тьмой:

*Но грозовые облака затмили небосвод,
Не видно края и конца*

*Проклятой черноте.
Деревни, сёла, города –
Всё сгинуло во тьме.
Фашистский клан,*

*Проклятый род,
Решил всё захватить.
И нашу Родину тогда
Хотел поработить... (Д. Саморукова) [13].*

Дальневосточные поэты создают яркие эмоциональные образы войны, сравнивая её с адом:

*И прямо в ад, навстречу смерти,
Ушёл на долгую войну. (В. Суходольский) [19].*

В этом отрывке В. Суходольский раскрывает всю жестокость войны. Эпитет «долгая» придаёт временное измерение, война – не краткий бой, но длительное, изматывающее пребывание в аду.

Почти библейская стилистика в поэтических строках встречается и у С. Тюменцева, демонстрируя масштаб вселенской трагедии:

*Потому что с криком «Ура!»
Дед-боец окунулся в вечность.
Стал могилой ему Сталинград –
Не по росту огромный город... (С. Тюменцев) [13].*

Частотным для поэзии дальневосточных авторов является метафора «война – дорога»:

*Слишком трудной была та дорога,
По которой пришлось нам шагать. (А. Коротков) [13].*

*Дорогой мужества и скорби
Прошёл советский наш солдат. (Т. Макарова) [13].*

Дорога – понятие, знакомое каждому человеку. Использование этой метафоры помогает читателю понять и ощутить трагедию, которая настигла жителей СССР, лучше понять переживания и боль народа, вынужденного ценой собственных жизней защищать родную землю.

Сравнение войны с дорогой можно объяснить следующим образом: во-первых, война – это всегда перемещение и движение (атаки, отступления, переброска войск и т. п.), во-вторых, дорога и война имеют отправные точки (начало войны) и конечный пункт (победа). Этот путь необратим, нужно пройти его до конца. В-третьих, дорога ведёт к цели. Целью Великой Отечественной войны были победа и освобождение страны от фашистов. В-четвёртых, дорога и война – это испытания, которые закаляют человека. И, наконец, дорога – жизненный путь, война – самый трудный и смертельно опасный отрезок жизненного пути.

Таким образом, проведённый на материале поэзии дальневосточных авторов анализ позволил выявить наиболее частотные топосы, раскрытые в тестах, а именно: сохранение памяти о военных событиях и погибших воинах, героизм на войне, память как коммуникация между поколениями участников войны и их потомков, величие России и ужасы войны. В стихотворениях о войне используются особые лингвистические и нарративные приёмы, чтобы не просто рассказать о подвиге, нечеловеческих условиях войны, но и сформировать у читателя определённое эмоциональное состояние. Формирование представлений об общем для страны прошлом через художественные образы поэтических произведений усиливает чувство принадлежности к общей истории и символам, создаёт ощущение преемственности, поскольку поэзия сохранена для следующих поколений жителей страны. Истории о героизме и победе, трагедиях войны, актуализированные в стихотворениях, формируют представления о добре и зле, предлагая читателю модели поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова-Осокина, О. Н. Великая Отечественная война в лирике П. С. Комарова / О. Н. Александрова-Осокина, Х. Цзянь // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 1 (80). – С. 259-261.
2. Ассман, Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
3. Базаров, А. Н. Топос русского жизненного мира: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Базаров Арсений Николаевич. – Курск, 2015. – 18 с.
4. Башарина, З. К. Великая Отечественная война в литературе народов Якутии / З. К. Башарина. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2004. – 116 с.
5. Вертий, Ю. М. Становление понятия «культурная память» в трудах Мориса Хальбвакса и Яна Ассмана: от коллективной к культурной памяти / Ю. М. Вертий // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2024. – № 2 (118). – С. 63-70.
6. Дальневосточные поэты о войне // Стихи.ру. – URL: <https://stihi.ru/2016/02/14/8659> (дата обращения: 06.10.2025). – Текст: электронный.
7. Емельянова, Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход / Т. П. Емельянова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. – 299 с.
8. За счастье Родины моей...: амурские писатели и поэты о Великой Отечественной войне: информ.-библиогр. обзор / сост. В. В. Соломенник. – Благовещенск, 2016. – 160 с.
9. Клабуков, А. Н. Удмуртская литература в период Великой Отечественной войны / А. Н. Клабуков, А. И. Писарев // Очерки истории удмуртской советской литературы. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1957. – С. 125-140.
10. Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю. М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 200-202.
11. Маниковская, М. А. Дальневосточная поэзия о войне: экзистенциальные смыслы и нравственная память / М. А. Маниковская // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 3 (47). – С. 154-161.
12. Мустафина, Р. Д. Жанровое своеобразие Башкирской поэзии военных лет / Р. Д. Мустафина // Восточно-Европейский научный журнал. Филологические науки. – 2020. – № 62. – Т. 5. – С. 65-66.
13. Наша победа / село Ивановка, сайт. – URL: <https://amur-ivanovka.narod.ru/pobeda/stixi.htm> (дата обращения: 06.10.2025). – Текст: электронный.
14. Перевалова, С. В. «О днях войны, принесших миру мир...»: тема памяти в художественных произведениях ветеранов Великой Отечественной войны / С. В. Перевалова // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2017. – № 1 (114). – С. 126-131.
15. Потемина, М. С. Феномен памяти в немецком литературоведении после 1989 года / М. С. Потемина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Филология, педагогика, психология». – 2016. – № 3. – С. 50-57.
16. Путин, В. В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Президент России, официальный сайт. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 06.10.2025). – Текст: электронный.

17. «Всё меньше их, фронтовиков...», всё больше нас, повоевавших: сборник стихов дальневосточных авторов // ArtOfWar, 1998-2023. – URL: https://artofwar.ru/k/kazakow_a_m/text_0310.shtml (дата обращения: 06.10.2025). – Текст: электронный.
18. Смыковская, Т. Е. Великая Отечественная война в поэзии Приамурья / Т. Е. Смыковская // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2025. – № 2 (87). – С. 108-116.
19. Стихи о войне // Муниципальное учреждение культуры «Городская Централизованная Библиотека», 2013-2024. – URL: <https://www.kmslib.ru/stihi-o-voyne> (дата обращения: 06.10.2025). – Текст: электронный.
20. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
21. Шевёлкина, О. А. Дальневосточная лирика о Великой Отечественной войне / О. А. Шевёлкина, И. Г. Симоненко // Наука и образование: новое время. – 2015. – № 2. – URL: www.articulus-info.ru (дата обращения: 06.10.2025). – Текст: электронный.
22. Stokes, M. Ethnicity, Identity and Music: The Musical Construction of Place / M. Stokes. – Berg Publishers, 1997. – 212 p.

Ларченко Ю. Г.
Y. G. Larchenko

КЕЙС-МЕТОД КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ

THE CASE METHOD AS AN EFFECTIVE TOOL FOR PROBLEM-BASED LEARNING

Ларченко Юлия Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры проектирования, управления и разработки информационных систем Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Yulia G. Larchenko – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Design, Management and Development of Information Systems, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Аннотация. В настоящее время проблемное обучение является актуальным и практически значимым подходом в обучении. Оно позволяет вовлечь обучающихся в процесс решения значимой социальной и (или) экономической задачи, развить их умения построения научного исследования, поиска и анализа информации по заданной проблемной ситуации, предложить варианты её решения. Одним из эффективных методов проблемного обучения, который рассматривается в данной работе, является кейс-метод (образовательный кейс). Кейс-метод направлен в первую очередь на ситуационный анализ конкретной, как правило, практической задачи в условиях полной или частичной информационной неопределённости. В результате выработки алгоритма решения проблемной ситуации и её практической реализации обучающиеся повышают свои профессиональные компетенции по профилю образовательной программы. В статье предлагается обобщённый алгоритм создания образовательного кейса для студентов высших учебных заведений. Приводятся результаты апробирования разработанного образовательного кейса на примере дисциплины «Имитационное и математическое моделирование» для студентов УГСН 09.00.00 «Информатика и вычислительная техника».

Summary. Currently, problem-based learning is a relevant and practically significant approach to learning. It allows students to be involved in the process of solving a significant social and (or) economic problem, to develop their skills in building scientific research, searching and analyzing information on a given problem situation, and to propose solutions. One of the effective methods of problem-based learning, which is considered in this paper, is the case method (educational case). The case method is primarily aimed at situational analysis of a specific, usually practical task in conditions of complete or partial information uncertainty. As a result of developing an algorithm for solving a problem situation and its practical implementation, students improve their professional competencies in the profile of the educational program. The article offers a generalized algorithm for creating an educational case for students of higher educational institutions. The results of testing the developed educational case using the example of the discipline «Simulation and mathematical modeling» for students major in Computer Science and Computer Engineering are presented.

Ключевые слова: проблемное обучение, кейс-метод, образовательная программа, студент, дисциплина, высшее учебное заведение, алгоритм.

Key words: problem-based learning, case method, educational program, student, discipline, higher education institution, algorithm.

УДК 378.147

Проблемно-ориентированное обучение как подход к образованию в высших учебных заведениях возникло в 1969 году и было предложено профессором Говардом Барроузом в Медицинской школе университета МакМастера в Канаде. Он предложил изучение реальных ситуаций в небольших группах с целью формирования креативного мышления путём выдвижения гипотез, составления плана действий, направленного на поиск и установление путей решения проблемы [13; 14].

Сегодня проблемно-ориентированное обучение используется при подготовке квалифицированных кадров в разных отраслях профессиональной деятельности [4; 5; 6; 10].

Одним из эффективных инструментов проблемно-ориентированного обучения является кейс-метод. Основная область применения образовательных кейсов – это ситуационный анализ реальных социальных и (или) экономических задач [7; 15].

Алгоритм создания образовательного кейса приведён на рис. 1.

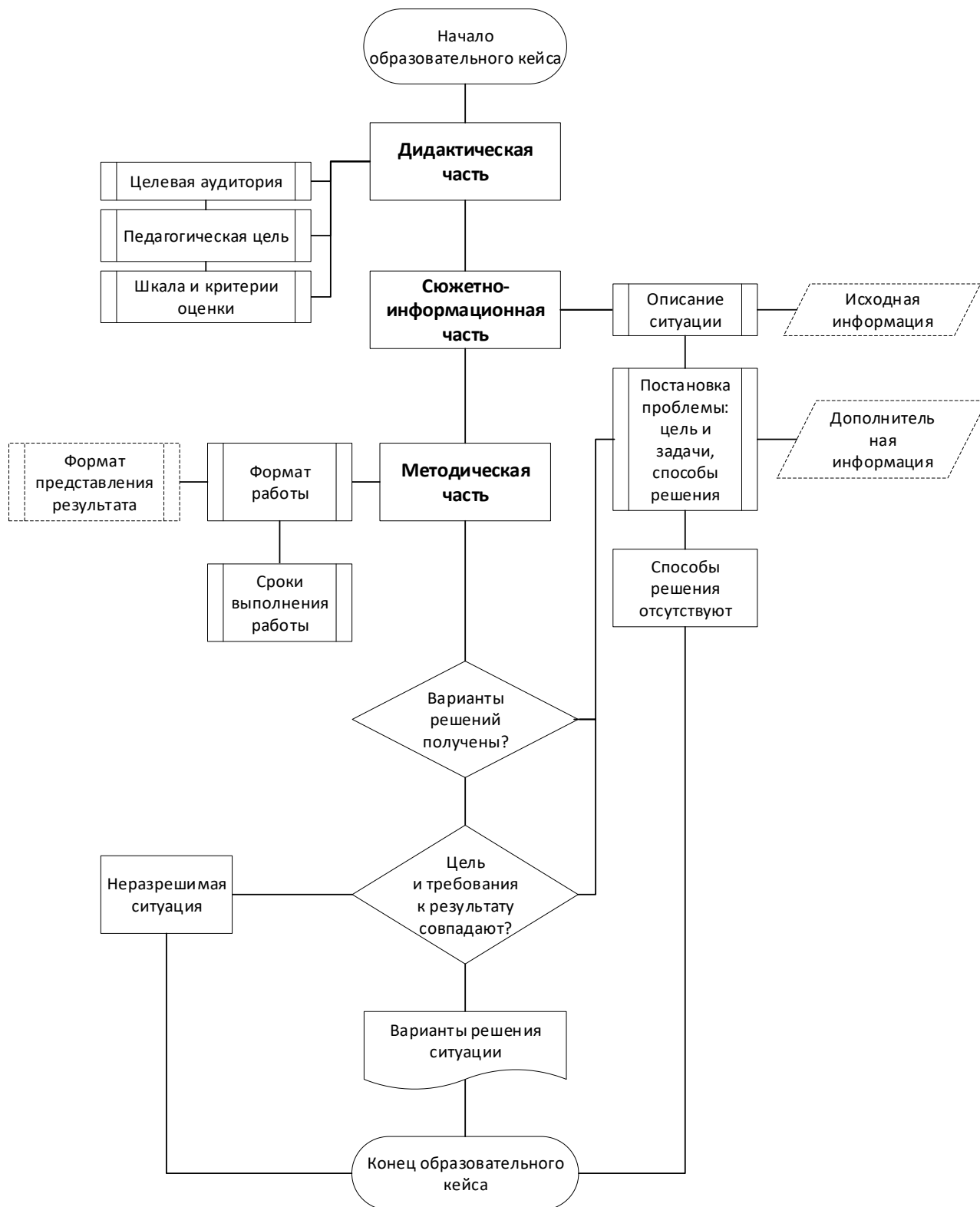

Рис. 1. Алгоритм создания образовательного кейса

В общем виде структура образовательного кейса состоит из трёх частей: дидактической, сюжетно-информационной и методической части [9; 12].

В дидактической части определяются целевая аудитория, педагогическая цель, шкала и критерии оценивания решения ситуации. Применительно к системе высшего образования учебные кейсы ориентированы на студентов всех уровней и форм обучения. При этом главная педагогическая цель – это формирование профессиональных компетенций путём комплексного погружения в изучение и анализ проблемы на примере реальной практической социальной и (или) бизнес-ситуации. При разработке педагогического кейса для студентов высших учебных заведений традиционной шкалой оценки преимущественно является пятибалльная шкала со следующими критериями:

- 5 баллов – полное понимание цели кейса, глубокое и всестороннее обоснование способов решения ситуации, исходная информация использована в полном объёме и дополнена, результаты решения представлены в надлежащей форме и объёме, сроки их сдачи соблюдены;

- 4 балла – полное понимание цели кейса, развёрнутое обоснование способов решения ситуации, исходная информация использована в полном объёме и дополнена, результаты решения представлены с небольшими неточностями и сроки их сдачи соблюдены;

- 3 балла – основное понимание сущности кейса, стандартное обоснование способов решения ситуации, исходная информация использована в полном объёме, но не дополнена, результаты решения представлены с ошибками и сроки их представления нарушены;

- 2 балла – частичное понимание цели кейса, поверхностное обоснование способов решения ситуации, исходная информация использована не в полном объёме, результаты решения не оформлены и представлены с нарушением сроков;

- 1 балл – непонимание цели кейса, элементарное обоснование способов решения ситуации, исходная информация не использована, результаты решения не оформлены и не представлены;

- 0 баллов – полное непонимание цели кейса, нет обоснования способов решения ситуации, исходная информация не использована, результаты решения не оформлены и не представлены [11].

В сюжетно-информационной части студенты получают вводную информацию по кейсу: описание ситуации с частичным/полным представлением исходной информации, цель и задачи исследования, возможные способы решения кейса.

Степень полноты информации по учебному кейсу зависит в первую очередь от его вида. Основные виды учебных кейсов представлены на рис. 2.

В образовательном процессе студентов высших учебных заведений наиболее распространёнными являются практикоориентированные мини- и полноценные ситуационно-исследовательские и дискуссионные кейсы средней степени сложности. В этом случае для обучающихся первоочередной задачей является сбор дополнительной информации по проблемной ситуации с целью её комплексного анализа и последующей разработки оптимального алгоритма решения.

Способы решения проблемы дифференцируются в зависимости от содержания кейса:

- бизнес-кейс: методы ситуационного и стратегического анализа (SWOT-анализ, PEST-анализ, матрица BCG и др.), расчётно-аналитические методы (балансовый метод, факторный анализ, CVP-анализ, методы экономико-математического моделирования и др.);

- социальный кейс: опросы, контент-анализ (анализ содержимого), метод Дельфи и др.;

- технический кейс: методы компьютерной диагностики и моделирования, проектные методы;

- юридический кейс: методы правовой экспертизы и рецензирования (нормативно-правовой анализ, логический анализ, историко-правовой анализ, судебно-практический анализ и др.) [8].

Необходимо отметить, что в сюжетно-информационной части обучающиеся также при необходимости получают перечень печатных и электронных источников для сбора дополнительной информации и более полного погружения в предметную область исследования.

В методической части представляется характеристика формата и результатов работы (при необходимости): индивидуальная или групповая в виде презентации, реферата, доклада, письменного отчёта и т. п. Кроме этого, тьютор устанавливает сроки выполнения и сдачи работы.

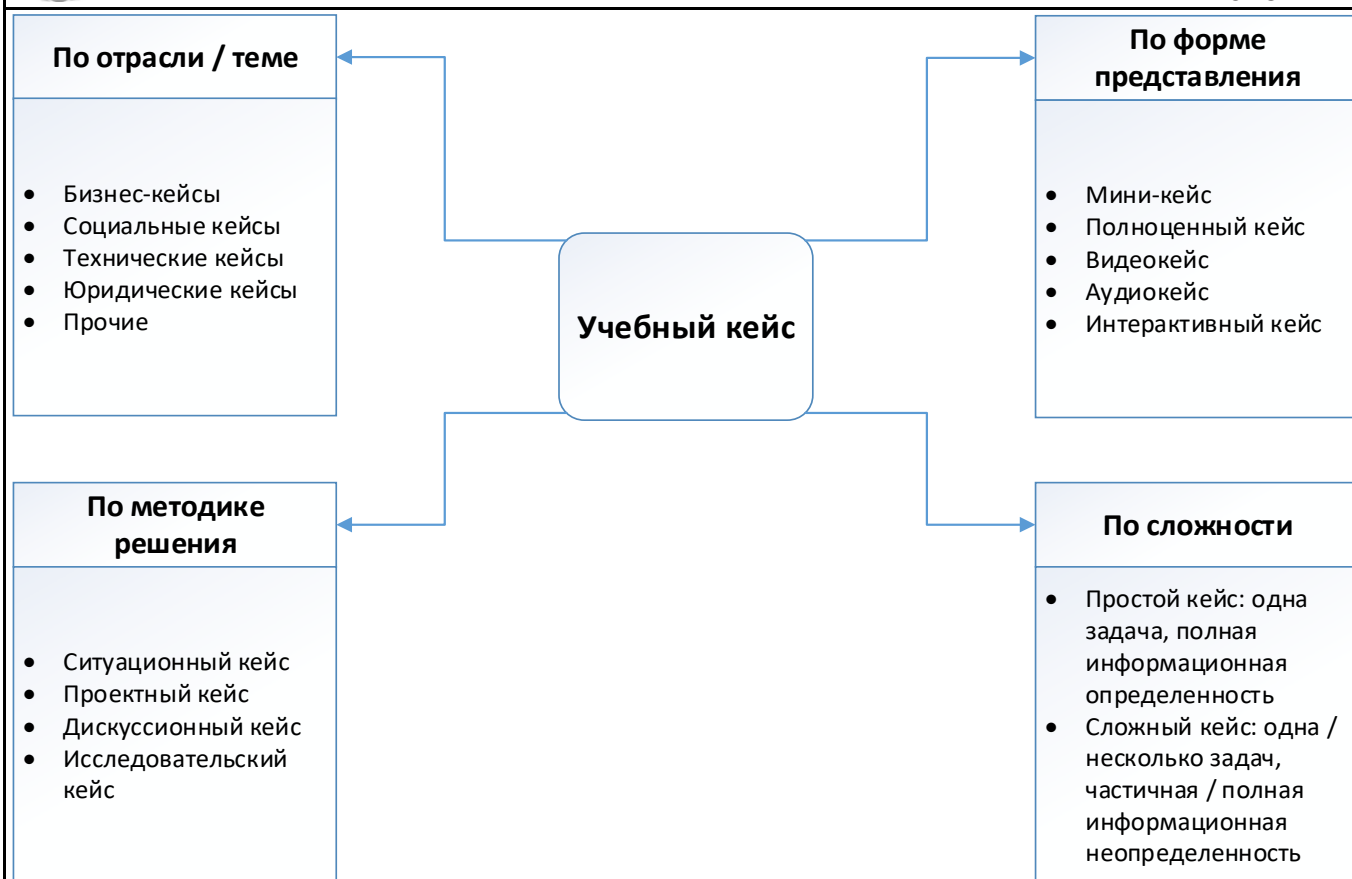

Рис. 2. Основные виды учебных кейсов

На основании рис. 1 рассмотрим образовательный полноценный бизнес-кейс средней степени сложности по дисциплине «Имитационное и математическое моделирование» для студентов УГСН 09.00.00 «Информатика и вычислительная техника» (см. табл. 1).

В ходе реализации образовательного кейса, изложенного в табл. 1, были получены следующие результаты:

1. Трудоемкость выполнения задания сократилась на 50 %. Это обусловлено грамотным распределением задач и ролей в группе.

2. Качество подготовки отчёта по результатам работы значительно повысилось вследствие использования дискуссионного подхода членов команды к формулированию выводов и рекомендаций.

3. Командная работа при решении кейса способствовала формированию рефлексивной позиции у студентов. Повысилась степень личной ответственности обучающихся, появилось понимание значимости и важности групповой работы при решении сложных практических задач, а также осознание необходимости систематического повышения своих профессиональных компетенций и уровня знаний [1; 2; 3].

4. Оценка остаточных знаний по теме исследования показала достаточный уровень владения профессиональными компетенциями у студентов.

Таблица 1

Структура и содержание образовательного кейса (пример)

Структурный элемент кейса	Содержание
1	2
Целевая аудитория	Студенты 3-го курса образовательной программы «Прикладная информатика в экономике»
Педагогическая цель	Развитие умений и формирование навыков эффективной групповой работы в области решения сложных профессиональных задач с помощью прикладных информационных технологий
Шкала и критерии оценки	<p>Пятибалльная шкала со следующими критериями:</p> <ul style="list-style-type: none"> - 5 баллов – полное понимание цели кейса, глубокое и всестороннее обоснование способов решения ситуации, исходная информация использована в полном объёме и дополнена, результаты решения представлены в надлежащей форме и объёме, сроки их сдачи соблюдены; - 4 балла – полное понимание цели кейса, развёрнутое обоснование способов решения ситуации, исходная информация использована в полном объёме и дополнена, результаты решения представлены с небольшими неточностями и сроки их сдачи соблюдены; - 3 балла – основное понимание сущности кейса, стандартное обоснование способов решения ситуации, исходная информация использована в полном объёме, но не дополнена, результаты решения представлены с ошибками и сроки их представления нарушены; - 2 балла – частичное понимание цели кейса, поверхностное обоснование способов решения ситуации, исходная информация использована не в полном объёме, результаты решения не оформлены и представлены с нарушением сроков; - 1 балл – непонимание цели кейса, элементарное обоснование способов решения ситуации, исходная информация не использована, результаты решения не оформлены и не представлены; - 0 баллов – полное непонимание цели кейса, нет обоснования способов решения ситуации, исходная информация не использована, результаты решения не оформлены и не представлены.
Описание ситуации	<p>На основе выданных преподавателем статистических данных по показателям валового выпуска, стоимости основных фондов и численности занятых в Хабаровском крае за 2009-2022 годы необходимо найти прогнозное значение валового выпуска в 2025 году. Для этого требуется провести поиск недостающей информации по указанным показателям за 2023-2024 годы. Далее, используя систему автоматизированного проектирования и программу для работы с электронными таблицами, провести процесс моделирования параметров функции Кобба – Дугласа, описывающей зависимость валового выпуска от стоимости основных фондов и численности занятых. В результате моделирования должно быть получено два альтернативных варианта искомой функции. Провести прогноз результирующего показателя с помощью обеих функций, сравнить результаты, оценить качество и достоверность моделей. В заключение представить обоснование практического применения одной (всех) прогнозных моделей.</p>

Продолжение табл. 1

1	2
Постановка проблемы	Цель: обоснование выбора прогнозной модели на основе оценки качества и достоверности результатов экономико-математического моделирования, полученных с использованием разных инструментов и подходов. Задачи: - сбор недостающих данных, их анализ и обработка; - нахождение параметров прогнозной модели с использованием разных подходов; - прогноз результатов; - сравнение прогнозных результатов; - подготовка аналитического заключения по использованию одного из двух вариантов прогнозной модели. Методы исследования: экономико-математического моделирования. Программное обеспечение: системы автоматизированного проектирования, программы для работы с электронными таблицами, текстовые процессоры.
Формат работы	Группа 2-3 человека.
Формат представления результатов	Письменный отчёт с подробным изложением хода решения задачи, обоснованием алгоритма и выбора решения из альтернативных вариантов, выводов и рекомендаций
Сроки выполнения работы	В соответствии с фондом оценочных средств и технологической картой дисциплины.

В заключение отметим, что ситуационный анализ конкретной практической задачи, представленной в кейсе, в первую очередь направлен на закрепление теоретических знаний и развитие профессиональных умений принятия оптимального управленческого решения в условиях высокой неопределённости и необходимости быстрого реагирования на изменения во внешней среде. При этом достижение успеха в выработке эффективного пути решения проблемы невозможно без создания благоприятных социально-психологических условий для работы в коллективе. В свою очередь кейс-метод является необходимым инструментом понимания важности индивидуальной и командной работы в ходе исследования и получения результата в сроки, установленные заказчиком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абарникова, Е. Б. Парадигма цифрового образования и использование цифровых образовательных технологий в учебном процессе / Е. Б. Абарникова, В. С. Кортун // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки природе и технике. – 2023. – № V (69). – С. 67-75.
2. Аттиа, М. Р. К вопросу о содержании учебных проблем и способах их преодоления у современных студентов / М. Р. Аттиа // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 10 (90). – С. 102-106.
3. Введенская, И. П. Развитие критического мышления у студентов медицинских вузов через применение кейс-метода в обучении / И. П. Введенская // Управление образованием: теория и практика. – 2024. – № 4-2. – С. 19-26.
4. Друзенко, О. В. Сравнительный анализ традиционного обучения и методики проблемно-ориентированного обучения в изучении программирования / О. В. Друзенко, А. Б. Медешова // Успехи гуманитарных наук. – 2025. – № 4. – С. 252-257.
5. Кондратьев, В. В. Концепции инженерного образования в современных условиях / В. В. Кондратьев, Р. Дреер, М. Н. Кузнецова // Казанский педагогический журнал. – 2022. – № 5 (154). – С. 43-48.
6. Ляшенко, В. С. Кейс-метод как инновационная педагогическая технология в преподавании дискретной математики студентам вузов / В. С. Ляшенко // Казачество. – 2024. – № 75 (2). – С. 84-92.
7. Наливайко, Т. Е. К проблеме технологичности процесса обучения / Т. Е. Наливайко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № IV (76). – С. 56-59.

8. Наливайко, Т. Е. Культура применения технологии искусственного интеллекта в высшем образовании / Т. Е. Наливайко, В. В. Иванов // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2025. – № IV (84). – С. 36-40.
9. Нимировская, Ю. К. Кейс-метод: сущностно-диалоговое обучение в учебном процессе вуза / Ю. К. Нимировская // Проблемы современного образования. – 2024. – № 3. – С. 270-276.
10. Остроумова, Ю. С. Результаты пилотажного исследования внедрения кейс-метода в практику изучения дисциплины «Физика» в военном техническом вузе / Ю. С. Остроумова // Военный инженер. – 2020. – № 4 (18). – С. 57-62.
11. Сметанкина, Л. В. Возможности, ограничения и проблемы использования кейс-метода в процессе обучения / Л. В. Сметанкина // Управление образованием: теория и практика. – 2024. – № 5-1. – С. 155-162.
12. Цыганов, Д. А. Основные подходы к определению сущности кейс-метода как современной образовательной технологии / Д. А. Цыганов, Р. И. Кантимирова // Гуманитарный научный вестник. – 2025. – № 1. – С. 132-138.
13. Кейс метод в обучении // Проблемно-ориентированное обучение (PBL) в практике высшего образования. – URL: <https://sites.google.com/view/pbl-t/кейс-метод-в-обучении> (дата обращения: 17.10.2025). – Текст: электронный.
14. Общие основы проблемного обучения // Проблемно-ориентированное обучение (PBL) в практике высшего образования. – URL: <https://sites.google.com/view/pbl-t/основы-проблемного-обучения> (дата обращения: 17.10.2025). – Текст: электронный.
15. Федорова, М. А. Кейс-технологии в процессе профессионального становления студентов / М. А. Федорова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2024. – Т. 13. – № 3 (48). – С. 170-175. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/keys-tehnologii-v-protsesse-professionalnogo-stanovleniya-studentov/viewer> (дата обращения: 16.10.2025). – Текст: электронный.

Наливайко Т. Е., Иванов В. В.

T. E. Nalivaiko, V. V. Ivanov

ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ С ПОМОЩЬЮ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ «ЧАТ-БОТ»

INTEGRATING ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO HIGHER EDUCATION THROUGH THE USE OF CHATBOT TECHNOLOGY

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, психологии и социальной работы Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; тел. 8(4217)52-84-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Tatiana E. Nalivaiko – Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Pedagogy, Psychology and Social Work Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27 Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013; tel. 8(4217)52-84-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Иванов Виктор Викторович – старший преподаватель кафедры «Электромеханика» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; тел. 8(909)863-22-15. E-mail: viktorxgv@yandex.ru.

Viktor V. Ivanov – Senior Lecturer, Electromechanics Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27 Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013, tel. 8(909)863-22-15. E-mail: viktorxgv@yandex.ru.

Аннотация. На сегодняшний день наблюдается тенденция к интеграции искусственного интеллекта во все значимые сферы современной жизни. Одной из таких сфер является высшее образование. Однако поддержка преподавателей и студентов по средствам применения этой технологии практически не увеличивается. Благодаря растущему интересу у абитуриентов к получению высшего образования количество студентов, приходящихся на преподавателя, увеличивается. Необходимо учитывать, что в таком случае преподавателю будет необходимо применить дополнительные способы структурирования, комплексного анализа и систематизации учебных материалов и данных об успеваемости студентов.

Summary. Nowadays, there is a trend toward integrating artificial intelligence into all significant spheres of modern life. One of such spheres is higher education. However, support for teachers and students in applying this technology is not increasing. Due to the growing interest among applicants in obtaining higher education, the number of students per teacher is increasing. It should be noted that in this case, teachers will need to apply additional methods of structuring, comprehensive analysis, and systematization of teaching materials and data on student performance.

Ключевые слова: искусственный интеллект, чат-бот, высшее образование.

Key words: artificial intelligence, chatbot, higher education.

УДК 378.147

Преподаватели сталкиваются с рядом проблем при организации поддержки студентов во время образовательного процесса. Для оказания академической поддержки преподавателям и студентам в обучении предлагается использование цифрового инструмента «чат-бот», работающего на основе технологии искусственного интеллекта. Чат-бот будет способствовать сотрудничеству между человеческим (преподавателем) и искусственным интеллектами [1–3].

Применение технологии «чат-бот» будет следовать алгоритму, представленному на рис. 1, в котором:

1. анализируются образовательные данные в поисках педагогических ситуаций;

2. соответствующие вопросы представляются преподавателям в виде понятной и интерактивной визуализации;
3. организуются образовательные ресурсы (видео, тексты, вопросы и т. д.) по областям, учебным программам и компонентам знаний, что позволяет преподавателям разрабатывать педагогические меры для анализа педагогических ситуаций;
4. преподаватель определяет критерии для оценки эффективности вмешательств.

Рис. 1. Логика принятия педагогических решений технологией «чат-бот»

Педагогический процесс принятия решений (ПППР) представляет собой цикл, цель которого помочь преподавателям в следующем: а) выявить проблемы/ситуации, имеющие педагогическую ценность, возникающие в процессе обучения; б) понять эти ситуации; в) принять решения по их устранению; г) отслеживать и оценивать влияние принятых решений.

Чтобы избежать ошибок при выполнении ПППР, задаётся следующая логика анализа данных (см. рис. 2):

1. Учащиеся взаимодействуют с учебной онлайн-средой (УОС) чат-бота.
2. Эти взаимодействия генерируют (образовательные) данные, которые хранятся в хранилище данных УОС.
3. Эти данные извлекаются и обрабатываются.
4. Результаты используются для информирования преподавателей о педагогических ситуациях, возникающих в УОС.
5. Преподаватели используют эту информацию для принятия педагогических решений.
6. Эти решения используют образовательные ресурсы, доступные в УОС.
7. Решения должны учитывать возможности интерфейса УОС.

8. Решения отправляются целевым учащимся.
9. Искусственный интеллект измеряет эффективность решений.

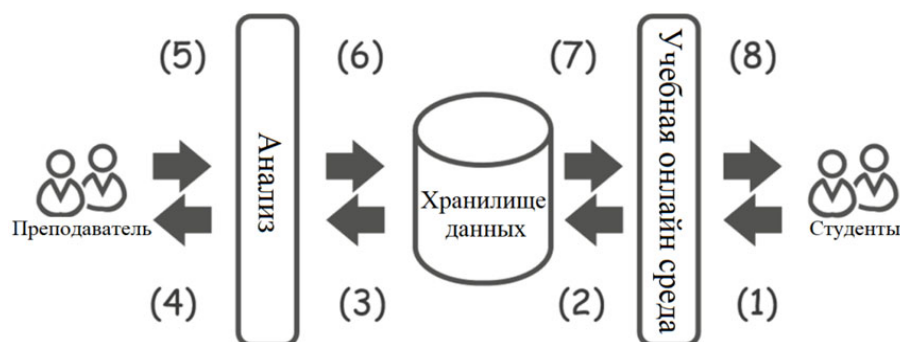

Рис. 2. Схема взаимодействия искусственного интеллекта со средой обучения

Было проведено сравнительное исследование двух способов применения инструмента «чат-бот». Эти два способа были названы «простой» и «сложный». В «простом» способе пользователь (преподаватель) может лишь незначительно влиять на работу чат-бота, при этом искусственный интеллект имеет больший контроль над принимаемыми решениями. В «сложном» способе пользователь должен самостоятельно принимать больше выборов, что даёт ему больший контроль над принимаемым решением.

Согласно этапам эксперимента было необходимо:

1. Выбрать проблему, которую необходимо исследовать в учебной среде. Доступные варианты были следующими: оценить вероятность неуспеваемости студентов и оценить взаимодействие студентов с образовательными ресурсами.
2. Выбрать один из доступных методов предварительной обработки.
3. Составить план обучения для решения проблемы для каждого класса результатов.
4. Определить степень соблюдения и желаемый результат.

Была проведена оценка для каждого шага, которая представляла собой сумму правильно выполненных задач, разделённую на общее количество задач, по формуле

$$\text{оценка} = \frac{\sum_{i=1}^n e_i}{\text{общ. число задач}}.$$

Анализ статистической значимости различий в оценках для двух способов был проведён согласно тесту Уилкоксона – Манна – Уитни, результаты которого представлены в табл. 1. Также в исследовании был применён метод статистической значимости для определения верности полученных данных, для этого для каждого этапа ПППР было определено p -значение. Уровень достоверности результатов в зависимости от полученного p -значения представлен в табл. 2.

Таблица 1

Зависимость уровня достоверности полученных результатов от p -значения

Доверительный уровень, %	Стандартное отклонение	Вероятность (p -значение)
90	< -1,65 или > 1,65	< 1,1
95	< -1,96 или > 1,96	< 0,05
99	< -2,58 или > 2,58	< 0,01

Результаты, представленные в табл. 2, показывают, что по задачам на этапах 1, 2 и по сумме задач на всех этапах в «сложном» способе оценки были выше, что свидетельствует о том, что «сложный» способ позволяет принимать более эффективные решения (получать более высокие оценки за выполнение поставленных задач), чем «простой» способ. «Сложный» способ предлагает

преподавателям (человеческому интеллекту) более детальную информацию и больший контроль, что выражается в большем количестве вариантов для принятия более детализированных решений.

Таблица 2

Результаты выполнения заданий (по тесту Уилкоксона – Манна – Уитни)

Этап ПППР	<i>p</i> -значение	Способ применения, имеющий наивысший показатель
1	0,0001984	«Сложный»
2	0,08513	Одинаковые показатели
3	0,01698	«Сложный»
4	0,0004147	«Простой»
Все этапы суммарно	0,02922	«Простой»

Исследование показало, что предложенный метод использования искусственного интеллекта оказывает положительный эффект на образовательный процесс, а предложенная логика работы искусственного интеллекта является значимым шагом к расширению его применения в системе образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наливайко, Т. Е. Применение искусственного интеллекта в формировании профессиональных компетенций будущих специалистов в области энергетики / Т. Е. Наливайко, В. В. Иванов // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № II (74). – С. 62-66.
2. Наливайко, Т. Е. Искусственный интеллект в высшем образовании: анализ повышения мотивации студентов и эффективности усвоения профессиональных компетенций / Т. Е. Наливайко, В. В. Иванов // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № VIII (80). – С. 74-77.
3. Наливайко, Т. Е. Мониторинг адаптации студентов к образовательному процессу в вузе как инструмент их академической успешности / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2014. – № I-2 (17). – С. 28-33.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.
T. E. Nalivaiko, M. V. Shinkoruk

СОДЕРЖАНИЕ ВОСПИТАНИЯ В ВУЗЕ: НАПРАВЛЕНИЯ И ВИДЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

CONTENT OF EDUCATION AT A UNIVERSITY: DIRECTIONS AND TYPES OF EDUCATIONAL ACTIVITIES

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, психологии и социальной работы Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; тел. 8(4217)52-84-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Tatiana E. Nalivaiko – Doctor in Pedagogy, Professor, Head of Pedagogy, Psychology and Social Work Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27 Lenin Avenue, Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013; tel. 8(4217)52-84-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Шинкорук Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; тел. 8(4217)52-84-25. E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru.

Marina V. Shinkoruk – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Pedagogy, Psychology and Social Work Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27 Lenin Avenue, Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013; tel. 8(4217)52-84-25. E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru.

Аннотация. В статье описано основное содержание воспитательного аспекта теории и практики подготовки к преподавательской деятельности в вузе. Рассматриваемые в статье направления и формы практической работы со студентами обеспечивают формирование компетенций, связанных со способностью разрабатывать и реализовывать содержание воспитательной деятельности.

Summary. The article describes the main content of the educational aspect of the theory and practice of preparing for teaching at a university. The areas and forms of practical work with students discussed in the article ensure the formation of competencies related to the ability to develop and implement the content of educational activities.

Ключевые слова: воспитательная деятельность, содержание воспитания, виды и формы воспитательной работы в вузе.

Key words: educational activities, content of education, types and forms of educational work at a university.

УДК 37.013

Содержание воспитания – это совокупность знаний, умений, навыков, ценностей и норм поведения, которые передаются обучающимся в образовательном процессе. Оно включает в себя целенаправленное формирование личностных качеств, социальных навыков и гражданской ответственности, а также развитие творческого потенциала и физического здоровья. Содержание воспитания охватывает различные аспекты жизни личности и направлено на её гармоничное развитие в соответствии с требованиями общества.

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации до 2030 года выделяет основные направления (области) развития воспитания на уровне государства:

- *семейное воспитание* на основе традиционных ценностей, включающее содействие укреплению семьи как общественного института, содействие выполнению родителями обязанностей по физическому, нравственному и интеллектуальному развитию детей, включение родителей в воспитательную деятельность образовательных учреждений, расширение возможностей семей-

ного отдыха, просвещение и консультирование родителей по вопросам воспитания, налаживание межведомственного взаимодействия, создание условий для комплексной поддержки родителей специалистами различных организаций и ведомств;

- *поддержка деятельности общественных объединений* и организаций в области воспитания, прежде всего «Движения Первых», а также других объединений воспитательной направленности, способствование развитию ученического и студенческого самоуправления, включение молодёжи в управление образовательными организациями, привлечение молодёжи к участию в социально-значимых проектах различной направленности, развитие добровольческих и общественных объединений, включая «Добро.Центры» и платформу «Добро.РФ», расширение государственно-частного и муниципально-частного партнёрства в сфере воспитания;

- воспитание в системе образования, в которое входит обеспечение единства и преемственности воспитания всех обучающихся на основе примерных рабочих программ воспитания, внесение в существующие и реализуемые программы воспитания коррективов с учётом современных реалий и потребностей общества и государства, развитие технологий и методик воспитания, внедрение в образовательный процесс новых методов и форм воспитательной работы, разработка и реализация новых образовательных курсов воспитательной направленности, освоение, обобщение и масштабирование лучших практик воспитательной работы и др.;

- гражданское и патриотическое воспитание, в задачи которого входит воспитание у молодых людей активной гражданской позиции, ответственности, уважения к государственной символике, памятникам истории и культуры Отечества, повышение качества исторического образования, развитие уважительного отношения к гражданам России, их чувствам, убеждениям и мировоззрению, воспитание правовой культуры молодых людей, формирование стабильной системы нравственных установок и качеств личности, создание рабочих программ и обобщение практики, в которые включена реализация технологий гражданского и патриотического воспитания;

- духовно-нравственное воспитание, задачами которого на уровне государственной политики являются создание условий для формирования у молодёжи нравственных качеств, способности заботиться о нуждающихся, проявлять сочувствие к пожилым и инвалидам, реализация духовно-нравственного потенциала русской художественной литературы, расширение сотрудничества с государственными и общественными организациями в сфере духовно-нравственного воспитания, повышение качества преподавания соответствующих дисциплин, предметов, курсов и др. [5];

- культурное и художественно-эстетическое воспитание, предполагающее реализацию уникального исторического и культурного опыта, создание воспитательных условий для формирования у молодёжи культурного кода, обеспечение равного доступа к культурному наследию, создание литературы и видеопродукции, отражающей традиционные ценности, развитие сети библиотек и повышение интереса к их деятельности через расширение проектной деятельности этих учреждений и др.;

- популяризация научного познания, трудового воспитания и профессионального самоопределения ставит задачи повышения популярности науки среди молодёжи, поддержки научно-технического творчества, развития материально-технической базы образовательных учреждений, создания возможностей для профессионального самоопределения и обучения, содействия трудовой занятости обучающихся;

- физическое воспитание, формирование культуры здоровья и эмоционального благополучия как направление воспитания создаёт условия для формирования интереса к здоровому образу жизни, ответственного отношения к своему здоровью, расширения доступности и повышения качества оказания психолого-педагогической помощи молодым людям;

- экологическое воспитание ставит задачи развития у молодёжи экологической культуры, популяризации экологических знаний, формирования ответственного отношения к окружающей среде, нетерпимости к повреждению природных объектов, развития навыков бережливого природопользования.

На уровне образовательных учреждений направления воспитания разворачиваются следующим образом.

Гражданское воспитание в образовательном учреждении включает в себя проведение мероприятий, нацеленных на формирование у обучающихся активной гражданской позиции, понимания своих прав и обязанностей, осознания значимости участия в жизни общества. Это включает в себя изучение основ законодательства, прав человека, а также участие в общественных акциях и выборах.

Воспитательная деятельность в этой области может быть разнообразной и включать различные виды и формы работы.

Так, информационно-просветительская деятельность в сфере гражданского воспитания может включать проведение лекций, семинаров и мастер-классов на тему прав человека, гражданских прав и обязанностей, организацию встреч с представителями органов власти, юристами, правозащитниками.

Социально-активная деятельность в данном направлении состоит из участия в волонтерских проектах и акциях, направленных на помощь нуждающимся, организации субботников, благотворительных мероприятий и акций по охране окружающей среды.

Культурно-просветительская деятельность в сфере гражданского воспитания включает проведение культурных мероприятий (концертов, выставок), посвященных истории и культуре своей страны, организацию театрализованных представлений и конкурсов на темы гражданственности и патриотизма.

Спортивная деятельность в этой сфере включает проведение спортивных мероприятий, участие в соревнованиях, которые способствуют развитию лидерских качеств и духа соперничества.

Научно-исследовательская деятельность в этой сфере предполагает поддержку исследовательских проектов учащихся по вопросам гражданского общества, истории правозащитного движения, а также организацию конференций, где учащиеся могут представить свои исследования.

Среди форм гражданского воспитания можно назвать кураторские и классные часы, дискуссионные клубы, проектную деятельность, экскурсии и выездные мероприятия, конкурсы и олимпиады, интернет-платформы и социальные сети [1; 3].

Патриотическое воспитание предполагает формирование у учащихся чувства любви к родине, уважения к её истории, культуре и традициям, а также готовности к защите её интересов. Это достигается, прежде всего, через изучение истории страны, участие в мероприятиях, посвященных национальным праздникам, а также через работу с памятниками и местами боевой славы.

Это направление воспитания охватывает различные аспекты жизни общества и включает в себя множество видов деятельности:

- историческое образование (изучение истории своей страны, включая важные события, достижения и трудности, понимание роли ключевых исторических личностей и их вклада в развитие государства);

- культурное просвещение (ознакомление с культурным наследием: литературой, искусством, музыкой и народными традициями, участие в культурных мероприятиях, таких как выставки, концерты и театральные постановки);

- формирование гражданской ответственности (осознание прав и обязанностей гражданина, привлечение к участию в выборах, общественных инициативах и волонтерских проектах);

- духовно-нравственное просвещение (уважение к моральным ценностям и этическим нормам, привлечение к изучению религиозных и философских учений, которые способствуют формированию патриотических чувств);

- организация военно-патриотических игр, соревнований и смотров («Зарница», смотр отрядов, турниры по военно-прикладным видам спорта и т. п.);

- разработка и реализация образовательных программ (уроки и семинары по истории и культуре страны; специальные курсы по патриотическому воспитанию);

- организация экскурсий, поездок и походов (экскурсии на исторические места, памятники, в музеи, а также краеведческие походы и экскурсии по родному краю);

- организация творческих конкурсов и мероприятий (конкурсы на лучшее эссе, стихотворение или художественное произведение на патриотическую тематику, выставки продуктов творчества);

- организация волонтерской деятельности (участие в социальных проектах, направленных на помощь ветеранам, многодетным семьям и другим нуждающимся, акции по благоустройству территорий, уборке памятников и мемориалов);

- проведение мероприятий к памятным датам (митинги, акции и мероприятия в честь государственных праздников, таких как День Победы, День России и других, акции памяти о героях войны и трудовых подвигах).

Духовно-нравственное воспитание направлено на формирование у учащихся моральных ценностей, этических норм и духовных ориентиров и может включать уроки нравственности, изучение религиозных и философских учений, а также обсуждение жизненных ситуаций и моральных дилемм.

Духовно-нравственное воспитание в образовательном учреждении является важной составляющей образовательного процесса и включает в себя формирование у обучающихся ценностей, норм и идеалов, способствующих её гармоничному развитию. Этот процесс направлен на развитие моральных качеств, духовных ориентиров и личной ответственности.

Воспитательная деятельность в данном направлении имеет следующие аспекты:

- моральный аспект, включающий деятельность по формированию представлений о добре и зле, справедливости и несправедливости, развитию чувства ответственности за свои поступки и их последствия, укреплению нравственных норм и ценностей, таких как честность, уважение, сострадание;

- духовный аспект, в который входит поиск смысла жизни и своего места в мире, развитие внутреннего мира, самосознания и саморефлексии, воспитание уважения к различным религиозным и культурным традициям;

- социальный аспект, который предполагает формирование навыков сотрудничества, толерантности и уважения к другим, развитие гражданской ответственности и активной жизненной позиции, участие в общественной жизни и волонтерских проектах;

- эстетический аспект, в содержании которого – воспитание чувства прекрасного через искусство, литературу и культуру, развитие художественного вкуса и способности воспринимать красоту в окружающем мире.

К видам деятельности в духовно-нравственном направлении воспитания можно отнести [4]:

- образовательные мероприятия (лекции, семинары и дискуссии на темы нравственности, этики и духовности);

- творческие проекты (конкурсы художественного творчества, литературные состязания);

- волонтерскую деятельность (благотворительные акции, помощь нуждающимся, мероприятия по сбору средств или вещей для социальных учреждений);

- культурные мероприятия (праздники, выставки, театрализованные представления, посвящённые нравственным ценностям, экскурсии по культурным местам).

Культурно-творческое направление воспитания способствует развитию художественного вкуса, творческих способностей и эстетического восприятия мира. Важные элементы этого направления – занятия искусством (музыка, живопись, театр), участие в культурных мероприятиях и выставках, а также развитие навыков самовыражения.

Культурное и художественно-творческое направление воспитания в образовательных учреждениях играет важную роль в формировании личности учащихся, их мировосприятия и творческих способностей. Это направление включает в себя различные аспекты, которые способствуют развитию эстетического вкуса, креативности и культурной осведомлённости.

Основные аспекты культурного и художественно-творческого направления:

- эстетическое воспитание, направленное на формирование чувства прекрасного через изучение искусства, литературы, музыки и театра и включающее в себя проведение выставок, кон-

цертов, спектаклей и других мероприятий, которые способствуют восприятию и оценке художественных произведений;

- стимулирование творческой активности учащихся через занятия изобразительным искусством, музыкой, театром, танцем и другими видами творчества, реализующееся через организацию деятельности кружков и студий, где учащиеся могут развивать свои таланты и навыки;

- повышение культурной осведомлённости обучающихся через ознакомление с культурным наследием своей страны и других народов, изучение традиций, обычаев и исторических аспектов различных культур посредством проведения обучающих занятий, проектов, экскурсий и исследований;

- интеграция искусства в образовательный процесс посредством внедрения элементов искусства в другие дисциплины, проектные работы, в которых учащиеся могут применять свои художественные навыки для решения междисциплинарных задач;

- социальное взаимодействие, реализуемое как создание условий для совместной творческой деятельности, участие в культурных мероприятиях.

Научное, трудовое воспитание и профессиональное самоопределение являются ключевыми направлениями воспитательной работы в образовательных учреждениях. Они помогают учащимся развивать необходимые навыки, формировать правильные установки и принимать обоснованные решения о своём будущем. Эти направления способствуют не только личностному росту учащихся, но и их успешной социализации в обществе.

Научное воспитание – это процесс формирования у учащихся научного мировоззрения, критического мышления и исследовательских навыков через изучение естественных, гуманитарных и технических наук.

Реализация данного направления воспитания в образовательном учреждении нацелена:

- на формирование у обучающихся интереса к науке и научным исследованиям;
- развитие критического мышления и способности к анализу;
- содействие осознанию значимости науки в современном мире и жизни человека.

В процессе реализации этого направления в образовательном учреждении решаются следующие задачи:

1. обучение основам научного метода и исследовательским навыкам;
2. поддержка инициатив учащихся в проведении научных исследований и экспериментов;
3. формирование умений работать с научной информацией, анализировать данные и делать

выводы.

К формам реализации научного воспитания можно отнести: научные кружки, исследовательские сообщества, конструкторские бюро, конференции, конкурсы и фестивали научного творчества.

Трудовое воспитание как направление воспитательной работы в образовательном учреждении представляет собой организацию и проведение мероприятий, направленных:

- на развитие у учащихся уважения к труду и осознания его значимости в жизни человека;
- формирование практических навыков, необходимых для выполнения различных видов работ;

- содействие развитию личной ответственности и инициативы.

Содержание данного направления представлено в различных формах и методах обучения основам различных профессий и специальностей, организации трудовой деятельности в учебном и внеучебном времени, поддержки участия учащихся в общественно полезном труде.

Профессиональное самоопределение как направление воспитания в образовательном учреждении представляет собой поддержку преподавателями и администрацией выбора обучающимися профессии или направления профессиональной деятельности, помощь обучающимся в осознании своих профессиональных интересов и склонностей, формирование умений принимать обоснованные решения о выборе профессии, содействие адаптации обучающихся к требованиям рынка труда.

В рамках данного направления происходит [1]:

- обучение основам профессиональной ориентации и планирования карьеры;
- организация профориентационных мероприятий (ярмарки профессий, встречи с представителями работодателя);

- предоставление информации о рынке труда и требованиях к различным профессиям.

К видам деятельности по данному направлению можно отнести: консультации по выбору профессии, психодиагностику склонностей и интересов, экскурсии на предприятия.

Добровольческое направление воспитания включает в себя формирование у учащихся стремления к помощи другим и участию в волонтерских проектах. Это может быть работа в благотворительных организациях, участие в экологических акциях или помощь пожилым людям.

В задачи добровольческого направления входит:

1. формирование у учащихся чувства ответственности за свою общину и окружающий мир;
2. развитие социальных навыков, таких как коммуникация, сотрудничество и эмпатия;
3. воспитание активной гражданской позиции и готовности к участию в жизни общества.

Добровольческое воспитание в образовательном учреждении может быть реализовано через следующие виды деятельности:

- организацию волонтерских проектов, направленных на помощь нуждающимся, защиту окружающей среды, работу с пожилыми людьми и детьми с ограниченными возможностями;

- сотрудничество с НКО, что позволит обучающимся принимать участие в уже существующих инициативах;

- проведение тренингов и семинаров по волонтерству, где обучающиеся могут узнать о том, как организовать мероприятия, работать в команде и эффективно помогать другим;

- участие в акциях и мероприятиях (например, сбор средств для благотворительности, участие в субботниках), позволяющее обучающимся увидеть результаты своей работы и почувствовать себя частью сообщества;

- создание волонтерского отряда в образовательном учреждении, который будет заниматься организацией мероприятий по помощи местным сообществам;

- участие в международных волонтерских проектах или обменах.

Участие в данном направлении позволит обучающимся развить навыки лидерства и организаторских способностей, укрепить чувства солидарности и взаимопомощи, создаст возможность расширить круг общения и завести новые знакомства.

Спортивно-оздоровительное воспитание направлено на формирование у учащихся здорового образа жизни, развитие физических качеств и спортивных навыков, поддержку психоэмоционального здоровья через физическую активность. Данное направление включает в себя следующие аспекты:

1. физическую культуру и спорт, представленные занятиями по физической культуре, спортивными секциями и кружками по различным видам спорта (футбол, баскетбол, плавание, лёгкая атлетика и др.);

2. спортивные мероприятия, включающие проведение турниров, соревнований и фестивалей, которые помогают развивать командный дух и соревновательный азарт;

3. здоровый образ жизни, представленный занятиями, на которых обсуждаются вопросы питания, гигиены, профилактики заболеваний и психического здоровья;

4. оздоровительные программы, в которые входят фитнес, йога, походы и другие виды активной деятельности.

Развитие самоуправления как направление воспитания предполагает вовлечение учащихся в организацию своей учебной и внеучебной деятельности. Это важное направление воспитательной деятельности, способствующее формированию у учащихся активной жизненной позиции, ответственности и навыков сотрудничества. Оно позволяет обучающимся принимать участие в управлении своим образовательным процессом, развивает их лидерские качества и способности к организации.

Целями реализации данного направления в вузе являются:

- формирование чувства ответственности за свои действия и поступки;

- развитие навыков организации, планирования и реализации совместной деятельности;
- содействие социализации и адаптации учащихся в обществе.

Для реализации этих целей педагоги решают следующие задачи:

1. создание условий для активного участия учащихся в управлении образовательным процессом;
2. обучение навыкам коллективного принятия решений;
3. формирование гражданской позиции и навыков критического мышления.

Самоуправление может быть организовано на разных уровнях:

1. Самоуправление в учебной группе, связанное с выбором представителей, занимающихся организацией мероприятий, взаимодействием с педагогами и администрацией, а также решением текущих вопросов группы.

2. Самоуправление на уровне образовательного учреждения включает в себя представительство от всех подразделений (классов, групп, факультетов), которое может работать над общими проектами, мероприятиями и инициативами. Часто это реализуется через создание ученического (студенческого) совета.

3. Региональное или муниципальное самоуправление, в котором обучающиеся участвуют в более широких инициативах на уровне района или города.

Видами воспитательной деятельности в рамках данного направления могут быть:

- выборы и выборные органы, помогающие понять принципы демократии и ответственности;
- проектная деятельность, в которой разрабатываются и реализуются проекты, направленные на улучшение жизни образовательного учреждения;
- обсуждения и дебаты, где обучающиеся могут высказывать свои мнения и предлагать решения;
- семинары и тренинги по темам лидерства, командной работы, управления временем и другими навыками, необходимыми для эффективного самоуправления.

Роль педагогов и преподавателей в развитии самоуправления обучающихся состоит в реализации наставничества, создании атмосферы доверия и поддержки, предоставлении необходимой информации и ресурсов и (или) их источников, оценке и обратной связи, позволяющей вовремя вносить коррективы в деятельность по самоорганизации и самоуправлению.

В результате реализации данного направления в образовательном учреждении обучающиеся развивают личностные качества, улучшается социальная среда учреждения, усиливается сотрудничество между всеми звеньями и субъектами образовательного процесса.

Профилактика девиантного поведения в образовательном учреждении представляет собой воспитательную деятельность, направленную на предотвращение отклонений в поведении обучающихся. Девиантное поведение включает в себя действия, которые не соответствуют социальным нормам и стандартам, такие как агрессия, правонарушения, употребление наркотиков, алкоголя и другие формы антисоциального поведения. Профилактика этого поведения требует комплексного подхода и включает следующие виды деятельности:

1. Создание позитивной социальной среды, которое включает поддержку установления доверительных отношений между родителями и детьми, обеспечение эмоциональной поддержки и стабильности в коллективе, привлечение родителей к образовательному процессу и к организации и проведению воспитательных мероприятий.

2. Развитие сообщества обучающихся, включающее создание атмосферы доверия и уважения, поощрение сотрудничества между обучающимися, а также организацию мероприятий, способствующих сплочению коллектива.

3. Образование и информирование, что предполагает разработку учебных программ по повышению осведомлённости обучающихся в теме девиантного поведения, его причин и последствий, занятия по правовой грамотности, обсуждение тем, связанных с наркотиками, алкоголем и другими зависимостями, проведение семинаров и тренингов по развитию социальных навыков.

4. Развитие критического мышления, позволяющего оценивать ситуации и принимать обоснованные решения. Этот аспект реализуется посредством проведения дискуссий, ролевых игр, анализа ситуаций эмоционально-нравственного напряжения, проигрывание различных сценариев поведения в сложной ситуации.

5. Формирование социальных навыков, таких как коммуникации и взаимодействие, безконфликтное общение, эмоциональная поддержка, активное слушание и т. д. Формами реализации этого вида деятельности могут быть тренинги по развитию навыков активного слушания, упражнения на командную работу, игры на развитие эмоционального интеллекта, занятия по психологии и эмоциональному развитию, индивидуальная работа с психологом.

6. Вовлечение в позитивную деятельность, представляющую собой альтернативу деструктивному общению и формам поведения. Это могут быть спортивные кружки и секции, волонтерство и разработка социальных проектов, участие в акциях, марафонах и т. д.

Таким образом, содержание воспитания в образовательных учреждениях высшего образования охватывает множество направлений и видов деятельности, каждый из которых играет важную роль в формировании гармоничной личности учащегося. Эффективная воспитательная работа требует комплексного подхода, который включает взаимодействие всех участников образовательного процесса: педагогов, родителей, администрации и самих обучающихся. Только совместными усилиями можно достичь поставленных целей воспитания и создать условия для всестороннего развития подрастающего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаев, И. Ф. Педагогика высшей школы: кураторство студенческой группы: учебник для вузов / И. Ф. Исаев, Е. И. Ерошенкова, Е. Н. Кролевецкая. – М.: Юрайт, 2025. – 365 с.
2. Программирование воспитательной деятельности в образовательных организациях: теория и практика: моногр. / под ред. И. В. Метлик, О. А. Шестакова. – М.: ФГБНУ «ИИДСВ», 2023. – 244 с.
3. Рожков, М. И. Теория и методика воспитания: учеб. пособие для студентов вузов / М. И. Рожков, Л. В. Байбородова. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. – 384 с.
4. Сборник лучших практик реализации молодежной политики и воспитательной деятельности образовательных организаций высшего образования Российской Федерации 2022-2024: электронное издание сетевого распространения. – Кострома, 2024. – 157 с. – URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/6360> (дата обращения: 12.10.2025). – Текст: электронный.
5. Ценности в системе воспитания: семья – общество – государство: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 24-25 октября 2024 г.) / редкол. А. А. Майер [и др.]; ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания». – СПб.: ФГБНУ «ИИДСВ», 2024. – 584 с.

Верхолотов С. А.
S. A. Verkholotov

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В 1990 – 2000-е ГОДЫ

THE NEO-LIBERAL ORDER IN EASTERN ASIA IN THE 1990s AND 2000s

Верхолотов Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. +7(4217)24-11-58. E-mail: verholotov_s@mail.ru.

Sergey A. Verkholotov – Phd in History, Associate Professor, History and Cultural Studies Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel. +7(4217)24-11-58. E-mail: verholotov_s@mail.ru.

Аннотация. По мнению автора, процессы глобализации, проходившие в Восточной Азии в 1990-2000-е гг., были обусловлены неолиберальными реформами. Под их влиянием происходило вытеснение государства из сфер, которые всегда считались неотъемлемой частью аппарата принуждения и социального регулирования. Посредством разрушения государственной и общественной собственности, путём их приватизации расширилась бедность, ускорилась феминизация производства, увеличился товарооборот теневого сектора экономики, а вместе с ним комплекс социально-экономических и этнокультурных противоречий в регионе.

Summary. According to the author's opinion, the processes of globalization that took place in East Asia in the 1990s and 2000s were driven by neoliberal reforms. These reforms led to the displacement of the state from areas that had always been considered integral parts of the apparatus of coercion and social regulation. Through the destruction of state and public property and the subsequent privatization of these assets, poverty increased, the feminization of production accelerated, and the shadow economy expanded, leading to a complex of socio-economic and ethno-cultural conflicts in the region.

Ключевые слова: неолиберализм, Восточная Азия, обнищание, деревня, рабочий класс, экономический кризис.

Key words: neoliberalism, East Asia, impoverishment, village, working class, economic crisis.

УДК 94

Утверждение неолиберализма в качестве господствующей идеологии дало возможность правящим капиталистическим кругам перейти от слов к действию. Эти тенденции стали особенно заметны после краха коммунистического лагеря, когда у западных ценностей не осталось альтернатив. С утверждением неолиберализма был провозглашён курс на дерегуляцию – от международных финансовых рынков до частной жизни.

Посредством неолиберальных реформ произошло разрушение государственной и общественной собственности путём их приватизации, в результате чего расширилась бедность, ускорилась феминизация производства, увеличился товарооборот теневого сектора экономики, произошла реструктуризация производства, вследствие этого страны потеряли преимущества в тех отраслях, которые благоприятствовали их экономическому росту.

Примером может послужить сельское хозяйство Филиппин – отрасль, приносящая государству основной доход. Филиппинский исследователь У. Белло описывает ситуацию, происходящую в то время на Филиппинах, следующим образом: «Отчаянные попытки Манилы поддерживать запасы риса по любым ценам недавно стали заголовками новостей. А кадры с солдатами, охраняющими распределение риса в бедных районах, стали эмблемой глобального кризиса» [1]. Такая печальная картина, по мнению филиппинского учёного, стала итогом вмешательства МВФ, ВБ и ВТО в процесс реформирования сельского хозяйства Филиппин.

МВФ выделил им кредит, не обозначив каких-либо требований. С середины 1990-х гг. ситуация изменилась. Тогда первоочередной задачей для правительства Филиппин стала выплата долга. В результате чего реформа сельского хозяйства не получила должного развития, т. к. деревенские районы страны недополучили необходимое финансирование на развитие инфраструктуры. А вступление Манилы в 1995 г. в ВТО ускорило процесс разорения сельского хозяйства из-за того, что в страну устремился поток дешёвого риса, который прокатился по фермерам, как снежный ком. Сложившуюся ситуацию в государстве можно оценить словами филиппинского исследователя У. Бело: «Двойной удар реформой от МВФ и торговой либерализацией от ВТО быстро трансформировал практически самодостаточную сельскохозяйственную экономику Филиппин в экономику, зависимую от импорта, что привело к маргинализации фермеров» [2].

Процесс разорения деревни ощущался во всех странах Восточной Азии, где-то в меньшей степени, как во Вьетнаме или Таиланде, где-то в большей степени, как на Филиппинах, но происходил он повсеместно. В Индонезии и Камбоджи либерализация сельского хозяйства сопровождалась захватом земельных угодий крупными корпорациями. Это подтверждает и отечественный исследователь Л. М. Ефимова, которая пишет, что большая часть земельных угодий в Индонезии стала принадлежать частным иностранным компаниям, которые были отданы им под добычу полезных ископаемых [7, 195].

Либерализация сельского хозяйства восточноазиатского региона была запущена, и она имела свои последствия для региона. Во-первых, маргинализация деревни способствовала бегству её жителей в города, что привело к расширению городских трущоб. Во-вторых, обанкротившиеся жители пополняли многомиллионную армию неквалифицированной рабочей силы, что, в свою очередь, тоже имело последствия. В-третьих, пролетаризация деревни повторно запустила процесс феминизации производства. В-четвёртых, разорение деревни заставило крестьян искать виновных, что, несомненно, ведёт к радикализации общественных процессов.

Несомненно, рост бедности являлся результатом стратегии МВФ и ВБ, которые навязали странам третьего мира программу структурной перестройки экономики. «И везде МВФ, действовавший как дубина крупных банков и пользовавшийся поддержкой Рейгана и Буша, предлагал руководству бедных стран отведать одного и того же ядовитого зелья девальвации, приватизации, устранения контроля над импортом и субсидий на производство продуктов питания, возвращения к платному образованию и медицине и безжалостного сокращения государственного сектора» [5, 114]. А это, в свою очередь, по мнению американского социолога М. Дэвиса, привело к увеличению городских трущоб. По мнению автора, жители трущоб составляют 78,2 % городского населения наименее развитых стран, а это треть городского населения мира. При этом зачастую факты роста городских трущоб искажаются. Так, например, автор отмечает, что «в конце 80-х в Бангкоке официально бедными считались всего 5 % жителей, но исследователи обнаружили, что почти четверть населения (1,16 миллиона человек) жила в трущобах и самовольных поселениях» [5, 110].

Каждый год под давлением МВФ и ВБ количество жителей городских трущоб увеличивалось. Этот процесс не мог пройти без последствий. М. Дэвис пишет, что экономические потрясения 1980-х гг., в период неолиберальной революции, заставили людей обратиться к совокупным ресурсам домашних хозяйств, особенно к изобретательности женщин и феминизации производства. «В Китае и промышленно развивающихся городах Юго-Восточной Азии миллионам молодых женщин пришлось пойти работать на чудовищные сборочные линии и фабрики» [5, 117]. Это обусловлено тем, что в большинстве стран женщинам отведена роль домохозяек, и с разрушением традиционного экономического уклада женщины мобилизовали свои силы, чтобы компенсировать потерянные доходы. И если 1980-1990-е гг. были временем феминизации производства, то уже 2000-е гг. – временем расцвета проституции, основу которой составляют женщины из Таиланда и Филиппин.

По мнению американского исследователя Д. Селинджера, наряду с обнищанием крестьян происходило и обеднение рабочего класса. Неолиберальная реформа способствовала постепенному разрушению государственного капитализма. В такой экономической системе государство выступало в роли ведущего предпринимателя. Но склонение государства в сторону увеличения рен-

табельности и эффективности государственных предприятий способствовало началу процесса приватизации. В итоге такие процессы оказали влияние на социальную систему, т. к. вместе с приватизацией начался процесс массового увольнения рабочих. В Китае «по официальным данным, численность рабочих государственных предприятий в 1997-2001 гг. сократилась более чем на четверть: со 100,4 до 76,4 млн человек» [4, 95]. А в 2000-е гг. процесс обнищания рабочего класса затронул развитые страны Восточной Азии.

После финансового кризиса неолиберальная политика стремилась переложить расходы на поддержание конкурентоспособности на рабочий класс. В Южной Корее в 2015 г. доля населения, живущего за чертой национальной бедности, выросла с 5 до 16,5 % и остаётся достаточно высокой – на уровне 15,1 % [9]. С целью сокращения издержек производства работодатель вынужден переводить работников на неполный рабочий день, поэтому доходы падают, а вместе с этим возрастает уровень бедности. Из-за того что в Южной Корее в 2015 г. совокупный показатель недоиспользования рабочей силы вырос с 4,5 до 10,4 % (остаётся на уровне 10,2 %) [11], происходит снижение доходов населения.

Рост городской и деревенской бедноты способствовал развитию неформального сектора экономики. И нелегальные рабочие, и современное рабство являются продуктом развития социально-экономической системы восточноазиатского региона. По мнению М. Девиса, «более половины городских жителей Индонезии и 65 % жителей Дакки работают в неформальном секторе», а в целом «в неформальной экономике занято 30-40 % городских жителей Азии» [5, 120]. Благодаря этому процессу происходило ущемление прав рабочих. Формирование многомиллионной резервной армии рабочей силы способствовало появлению нового вида работника – контрактника. Контрактник намного меньше получает, нежели штатный сотрудник, а самое главное, новый элемент в трудовых отношениях позволяет дезорганизовать рабочий класс. В этих условиях работник не может бороться за свои права, поэтому сверхэксплуатация и нарушение прав рабочих становятся обыденным явлением.

Однако это неполная картина происходящего, которая стала возможной благодаря пролетаризации деревни и росту трущоб. Ещё одним из последствий становится организация рабского труда. Удешевление стоимости изготавливаемой продукции, а вместе с этим увеличение издержек производства (увеличение цен на топливо) заставили компании искать варианты увеличения нормы прибыли. Выходом для них стало использование принудительного труда. Под нажимом международных организаций (Всемирного банка и Международного валютного фонда) страны третьего мира с целью снижения долгового бремени были вынуждены провести реформу сельского хозяйства. Однако результат был обратный – массовое обеднение крестьян, бегство их в города, расширение трущоб, а вместе с этим рост масштабов работорговли и современного рабства [10].

Одновременно с данными процессами усиливается миграционный поток, который вызывает бурю недовольства со стороны местного населения в странах Юго-Восточной Азии. «В Азии с середины 70-х гг. основными импортёрами рабочей силы стали Япония, Сингапур, Тайвань и Бруней. Иммиграцию вызвали быстрый экономический рост и мягкие условия местного рынка рабочей силы. В 1991 г. в Сингапуре мигранты составляли 11 % рабочей силы. Её основными экспортёрами были Китай, Филиппины, Индия, Бангладеш, Пакистан, Индонезия и Шри-Ланка. В Южной Корее, Малайзии, Таиланде и Гонконге количество экспортируемой и импортируемой рабочей силы было примерно равным» [8, 355].

Процесс был обусловлен тем, что начиная с 60-х гг. XX в. Восточная Азия вступила на путь «экспортно-ориентированной индустриализации». Такой вид экономики предполагал производство товаров на внешний рынок, в первую очередь в США. Пионерами «экспортно-ориентированной экономики» стали Япония, Корея и Тайвань. Наряду с ростом производства обуржуазивался рабочий класс. Рост заработной платы в перечисленных странах стал толчком для миграции, т. к. вместе с доходами росли и потребности. Формировалась сфера услуг – отрасль, в которой в основном были заняты мигранты из других стран Восточной Азии: Китая, Индонезии, Филиппин.

В 80-е гг. XX в. инициативу перехватил Китай. Благодаря внутренним резервам, дешёвой рабочей силе в Китай хлынули многомиллиардные инвестиции. Вместе с этим начался процесс обогащения китайских рабочих, которые стали потребителями высокотехнологичных товаров из Кореи, Японии и Тайваня. Благодаря этому процессу повторно был запущен механизм накопления в странах Восточной Азии. В страны с большими доходами (Японию, Южную Корею, Китай (Гонконг), Сингапур) хлынул поток иммигрантов из развивающихся стран Восточной Азии (Филиппин, Индонезии, Камбоджи).

Обеднение основных слоёв населения в странах АСЕАН, вызванное процессами глобализации, создало условия для развития явлений, представляющих угрозу региональной безопасности. По мнению отечественного исследователя Л. Е. Васильева, экономическая политика Западного мира усилила процессы дифференциации, которые в той или иной степени оказали влияние на обнищание основных слоёв населения. Особенно этому явлению способствовали Азиатский экономический кризис 1998 г., благодаря которому произошёл значительный отток капитала, и кризис 2008 г., вызвавший массовое увольнение на предприятиях Восточной Азии, т. к. покупательная способность в США и Японии резко снизилась. Потерянный государствами Восточной Азии экономический динамизм осложнял политическую ситуацию в регионе. Социально-экономические процессы «создают предпосылки для эксплуатации экстремистами переживаемых трудностей и критики ими существующих режимов за неспособность вписаться в рамки нового глобализирующего мира. Такая обстановка способствует также расширению социальной базы протестных движений, включая экстремистские, основу которой, как известно, составляют беднейшие слои населения» [3, 78]. К таким организациям, действующим на территории Восточной Азии, следует отнести «Джамаа аль Исламия» в Индонезии, группу «Абу Саяф» на Филиппинах, «Исламское движение Восточного Туркестана» и «Движение за свободный Тибет» в Китае, «Объединённую организацию освобождения Паттани» в Таиланде и т. д.

В период экономических потрясений, как заметил американский исследователь М. Девис, многие будут вынуждены вернуться в разорённые деревни и национальные окраины. В этих условиях обанкротившимся крестьянам и рабочим придётся обратиться к традиционным способам хозяйственной деятельности, и, как следствие данных процессов, произойдёт консолидация социальных групп. Б. Г. Кагарлицкий пишет, что переселенцы из деревни порождают архаичные отношения, а отказ государства от обеспечения населения культурным досугом (в силу ухода его из традиционных сфер под влиянием неолиберализма) порождает развитие патриархальных отношений и распространение неправительственных организаций (НПО). Тем самым развитие таких отношений порождает конфликт групп между теми, кто выступает за глобализацию и против неё.

С середины 2000-х гг. осложняется обстановка в регионе из-за того, что в страны Юго-Восточной Азии усилились потоки мигрантов из Мьянмы, представленные этническими меньшинствами рохинджа и китайцами. Профессор оксфордского университета К. МакКоннахи, занимающаяся изучением проблем мигрантов из Бирмы, отмечает следующие факты. Во-первых, китайцы в основном бегут в Малайзию, где налицо конфликт между ними и коренными жителями на почве передела рынка. И в дальнейшем конфликт будет усугубляться, т. к. китайское население Малайзии выступает против политики ограничения потоков китайских мигрантов в страну, а также насильственной депортации уже живущих в Малайзии китайских переселенцев, прибывших из Мьянмы. Во-вторых, переселение мигрантов народа рохинджа на территорию Таиланда приводит к тому, что усиливается роль НПО в решение данной проблемы, т. к. государственные структуры страны занимаются лишь обеспечением безопасности. Поэтому в дальнейшем это может привести к усилению экстремистских организаций на данных территориях, т. к. мировая общественность и страны Восточной Азии не принимают никаких шагов по урегулированию конфликта в Бирме и обеспечению мигрантов необходимыми ресурсами [12].

Острая социальная проблема, сложившаяся на территории Индонезии, произошла, по мнению российского исследователя восточноазиатского региона И. Н. Золотухина, из-за последствий программы трансмиграции, закрытой в 2002 г. после финансового экономического кризиса.

С целью равномерного расселения крестьян на территории архипелага в 1969 г. было принято решение о переселении миллионов мусульман на слабо освоенные территории, что в итоге привело к тому, что мусульмане были заперты в анклавов. Поэтому «на территории Индонезии полулегально действуют десятки военизированных исламистских группировок, многие из которых причастны к атакам насилия и этническим чисткам в различных частях страны» [6, 86].

По мнению российского политолога Е. В. Колдуновой, процессы модернизации Таиланда, продиктованные духом современности, привели к формированию внутренних территориальных диспропорций: «Южные провинции, три из которых населены в основном мусульманами (Наратхиват, Яла и Паттани), не были затронуты экономическими программами правительства. В результате проблема сепаратизма на юге страны, казавшаяся в начале 1990-х гг. уже решённой, вновь обострилась» [7, 179].

И в этих обстоятельствах можно говорить о том, что в современных условиях (рост бедности, разорение крестьян и рабочих, приватизация государственных и общественных предприятий) в Восточной Азии проблемы межэтнического и межрелигиозного характера будут лишь обостряться. И уже не так видится тезис представителей мир-системного анализа о том, что Восточная Азия – единственный регион, который не затронут всплеском антигосударственных настроений. Усиливается протестное движение, обостряются межэтнические и межрелигиозные противоречия, происходит расширение теневого сектора экономики. И всё это стало ответом на проведение государством неолиберальных реформ, благодаря которым рынок стал бесконтрольным. В свою очередь, данный процесс порождает комплекс социально-экономических этнокультурных противоречий в странах Восточной Азии: рост бедности и трущоб, ущемление прав рабочих, феминизацию производства, рост преступности, активизацию деятельности экстремистских организаций и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белло, У. Рабство, геноцид, насилие: тёмная сторона азиатских «экономических тигров» / У. Белло // Скеписис, 2015. – URL: http://scepsis.net/library/id_3709.html (дата обращения: 12.10.2016). – Текст: электронный.
2. Белло, У. Как устроить продовольственный кризис / У. Белло // Скеписис, 2015. – URL: http://scepsis.net/library/id_2162.html (дата обращения: 12.10.2016). – Текст: электронный.
3. Васильев, Л. Е. Проблемы безопасности в Восточной Евразии. Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом / Л. Е. Васильев. – М.: Учреждение Российской академии наук Институт Дальнего Востока РАН, 2009. – 172 с.
4. Восточная и Южная Азия в современном мире (Внутриполитические и внешние факторы развития): реф. сб. / РАН ИНИОН. Центр научн.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл. Отдел Азии и Африки. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук», 2010. – 268 с.
5. Дэвис, М. Планета трущоб / М. Дэвис // Скеписис. – 2008. – № 3. – С. 108-129.
6. Золотухин, И. Н. Индонезия в зеркале этноконфессиональной ситуации: история и современность / И. Н. Золотухин // Ойкумена. – 2010. – № 3. – С. 79-91.
7. Социальный протест на современном Востоке / под ред. Д. В. Стрельцова. – М.: «Аспект Пресс», 2016. – 304 с.
8. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / Д. Хелд [и др.]; пер с англ. В. В. Сапова и др. – М.: Праксис, 2004. – 576 с.
9. Asian Development Bank // Basic Statistics, 2009-2023. – URL: <https://www.adb.org/publications/series/basic-statistics> (дата обращения: 16.06.2023). – Текст: электронный.
10. Davis, M. Planet of Slums / M. Davis. – London, NY., 2006. – 228 p.
11. Labor underutilization rate // International Labour Organization. – URL: https://www.ilo.org/shinyapps/bulkexplorer11/?id=LUU_5LU4_SEX_AGE_RT_A&ref_area=BRN+KHM+IDN+KOR+LAO+MNG+MMR+VNM (дата обращения: 13.06.2023). – Текст: электронный.
12. McConnahie K. Securitization and Community-Based Protection Among Chin Refugees in Kuala Lumpur // Social – Legal Studies. – 2018. – XX (X). – P. 1-21.

Гореликов А. И.
A. I. Gorelikov

**КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА: НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ**

**INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH, SIBERIA, AND THE FAR EAST: A NEW STAGE
OF DEVELOPMENT**

Гореликов Андрей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Публичное и частное право» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Россия, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина 27; тел. 8(962)298-80-90. E-mail: Gorelikov-Andrei@mail.ru.

Andrey I. Gorelikov – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Public and Private Law Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Komsomolsk-on-Amur, Russia); 681013, Khabarovsk Territory, Komsomolsk-on-Amur, Lenin Ave. 27; tel. 8(962)298-80-90. E-mail: Gorelikov-Andrei@mail.ru.

Аннотация. Автором настоящей статьи продолжено исследование развития коренных малочисленных народов, их роли и места в реализуемой стратегии создания ресурсной базы России в Арктической зоне. Анализ широкого массива публикаций показывает, что исследуемая проблема находится в предметном поле разрабатываемой Концепции национальной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Президентом РФ сформулированы возможные направления нового этапа развития коренных малочисленных народов в условиях масштабной промышленной разработки месторождений редкоземельных металлов, энергетических ресурсов российской зоны Арктики. Это комплексное социально-экономическое, национально-культурное развитие, создание современной информационно-коммуникационной инфраструктуры, которые обеспечивают высокое качество жизни коренных малочисленных народов.

Summary. The author of this article continues to study the development of indigenous peoples, their role, and their place in the ongoing strategy for creating Russia's resource base in the Arctic zone. An analysis of a wide range of publications shows that the issue under study is part of the developing Concept of National Policy for Indigenous Peoples of the North, Siberia, and the Far East. The President of the Russian Federation has outlined possible directions for the new stage of development of indigenous peoples in the context of large-scale industrial development of rare-earth metal deposits and energy resources in the Russian Arctic zone. This includes comprehensive socio-economic and national-cultural development, as well as the creation of a modern information and communication infrastructure that ensures a high quality of life for indigenous peoples.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, российская Арктика, промышленное развитие.

Key words: indigenous peoples, Russian Arctic, industrial development.

УДК 323.1

Актуальность исследуемой проблемы возникла с заявлением В. В. Путина о необходимости разработки долгосрочных программ стратегического развития российской Арктики, сохранения самобытной культуры, традиций коренных народов [4]. Это вызвало дискуссию учёных при исследовании проблем, с которыми столкнулись коренные малочисленные народы в условиях превращения российской Арктической зоны в стратегическую ресурсную базу России. Проведённый анализ публикаций учёных, разрабатывающих новые подходы разрешения экономических и социальных проблем коренных малочисленных народов, перспектив их развития в Арктической зоне России, подтверждает, что поставленная тема становится объектом отдельного научного исследования. В качестве методов исследования автором применены диалектический, анализа и синтеза, исторический метод, цивилизационный подход.

Российская Арктика характеризуется концентрацией основных углеводородных энергетических запасов страны, где более 80 % занимает газовый комплекс и разрабатываемые объёмы

нефти. Валовая ценность оцененных запасов редкоземельных металлов, проведенная в 2020 г., составила 28 триллионов долларов [13]. В составе промышленного комплекса доминирующее положение занимают предприятия цветной металлургии, медно-никелевой промышленности, алмазо- и золотодобывающей промышленности.

Специалисты различных отраслей научного знания схожи во мнении, что активная экономическая деятельность государства по освоению редкоземельных металлов, энергетических ресурсов связана с угрозами для крайне хрупкой окружающей среды традиционной деятельности коренных малочисленных народов [5]. Иностранные учёные, разделяют исследовательский вывод, что воздействие цивилизации и активное освоение территорий Арктической зоны превратились в разрушительный и необратимый процесс [4].

В историко-экономическом контексте обращает внимание вывод Экспертного заключения РАН и государственной службы при Президенте РФ в 2021 г., что сохранение исконной среды обитания и традиционного образа жизни практически невозможно, это фактически консервация и замедленное развитие коренных народов [12]. Данный вывод, безусловно, имеет первостепенное значение, выступает определяющим фактором сохранения традиционной хозяйственной деятельности на основе современного организационного и технологического совершенствования традиционной жизнедеятельности, несомненно, вызывает обязательность учёта мнения коренного населения территорий исконного обитания, их интересов, что будет способствовать сбережению традиционного жизнеустройства, подтверждению этнической принадлежности, сохранению культурных ценностей.

Для принятия на государственном и региональном уровнях управленческих мер по сохранению традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, культурного наследия необходимо определиться с содержанием понятия «традиционная хозяйственная деятельность». К традиционным видам исторически сложившейся традиционной хозяйственной деятельности учёные относят те, которые сложились в их многовековом историческом развитии, а в современных условиях практически не изменились [8].

Среди отраслей традиционного хозяйствования коренных малочисленных народов российской Арктической зоны наиболее важное место занимает оленеводство. Российское оленеводство составляет 60 % от мирового оленеводства (Норвегия, Швеция, Финляндия, Канада, США) [11]. В традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов российской Арктики оленеводство представляет собой круглогодичный трудовой цикл, создаёт условия для сохранения традиционного жизнеустройства, благополучия. Как отмечает А. А. Южаков, северные народы российской Арктики воспринимают кочевание с оленями как естественно сложившийся образ жизни. Именно оленеводство сформировало соответствующую ментальность, традиции, переданные через поколения [15]. Кочевой образ жизни оленеводов составляет 90 % от всех отраслей традиционного хозяйствования. При этом оленеводческая сфера деятельности наиболее уязвима к факторам давления на природную среду, по утверждению специалистов, болезненно реагирует на последствия индустриального освоения Арктической зоны [1]. Освоение Арктики ведёт к сокращению кормовых угодий и тем самым ставит под угрозу численность поголовья оленей. Б. В. Лашов в подтверждение приводит следующие данные: если в 1990 г. количество оленей достигало 2,6 млн голов, то в 2000 г. оно снизилось до 1,2 млн голов. К 2012 г. благодаря принятым государственным мерам численность увеличилась до 1,6 млн голов [6].

Исторический аспект развития оленеводства основан на глубокой взаимосвязи коренных малочисленных народов с природными биоресурсами. Здесь сформировались и продолжают сохраняться традиционная культура, национальные ценности, традиции, нравственные ориентиры коренных народов, без чего невозможно представить их жизнедеятельность, её связь со специальными навыками, знанием природной среды.

Дальнейшее развитие оленеводства учёные связывают с интенсивным промышленным развитием Арктики, сохранением окружающей среды обитания коренных малочисленных народов, учётом отрицательного воздействия других факторов. К их числу относится сокращение природной среды, связанное с отчуждением территорий исконного проживания, традиционного природопользования, необходимых для промышленного развития, что ведёт к нарушению сложившегося экологического баланса.

В наше время сохранение оленеводства становится одной из важных проблем государства, захватывающих круг интересов ресурсодобывающих компаний и аборигенов обширных пространств северной части российской Арктики.

Государству предстоит принятием управленческих решений обеспечить переход аборигенов к активному соучастию в освоении разведанных месторождений редкоземельных металлов, в сфере сохранения сложившегося традиционного уклада жизни способствовать созданию более эффективной высокотехнологической отрасли оленеводства с глубокой переработкой производимой продукции. Следует отметить, что на основной части территорий оленеводства Арктической зоны отмечается развернувшееся промышленное освоение с притоком населения. Тем самым формируются условия для реализации готовой биологической продукции оленеводства. Создаваемый ёмкий внутренний рынок спроса на продукцию оленеводства, вовлечение в промышленное производство разрешают проблему занятости коренного населения.

Для обеспечения эффективного развития коренных малочисленных народов в условиях резкого нарастания техногенной и антропогенной нагрузок на природные комплексы необходимо совершенствование управленческих действий. Требуются кардинальные преобразования традиционного жизнеустройства коренных малочисленных народов, направленные на создание условий по обеспечению качества их жизни [9], включение значительной части коренного населения в промышленное освоение российской Арктики. При этом выбор профессий представителями аборигенов должен происходить с учётом перспектив развития территорий традиционного природопользования.

В рамках международного проекта «Арктические социальные индикаторы», направленного на выработку социальных показателей развития человека в Арктике, внимание специалистов Центра стратегических исследований РФ было сосредоточено на исследовании качества жизни коренных малочисленных народов Арктической зоны, относящейся к экстремально-дискомфортной для проживания. Кочевание как традиционный образ жизни оленевода не может быть самоцелью, предполагает не просто смену места жительства семьи. Это сложившийся образ жизни. Преодолевая множество трудностей, оленевод вместе с семьёй круглый год занят традиционной деятельностью использования природных ресурсов тундры [3].

Влияние технического прогресса, связанного с освоением редкоземельных металлов, ведёт к сокращению территории природопользования, тесно связано с экономическим положением коренного населения. Возникает множество проблем, связанных с адаптацией к происходящим процессам промышленного освоения Арктики. Не менее сложной задачей остаётся сохранение уязвимой природной среды тундры. Справедливо заметить, что в складываемой ситуации коренные малочисленные народы следует рассматривать как особый объект сформировавшегося опыта бережного обращения с природными биологическими ресурсами, охраны окружающей среды.

Показательно, что уже на начальном этапе освоения энергетических ресурсов (газ, нефть, уголь) в советский период на территориях традиционного проживания коренных народов установлен особый режим хозяйственной деятельности, упорядочен весь спектр отношений между коренным населением и ресурсодобывающими компаниями.

В условиях разработки месторождений редкоземельных металлов возникают новые перспективы дальнейшего развития коренных малочисленных народов. При этом особое внимание необходимо сосредоточить на проблеме социально-экономического развития как условия обеспечения качества их жизни, в связи с чем учёные обращают внимание на ключевые факторы ныне существующего низкого качества жизни коренных малочисленных народов: несоответствие существующей ныне сети социального обслуживания характеру и динамике расселения, в том числе в образовании, здравоохранении, культуре [7], низкая обустроенность социальной инфраструктуры. Сокращение биологической ресурсной базы оленеводства следует также рассматривать как один из факторов угроз, оказывающий необратимое влияние на качество жизни. Следовательно, повышение качества жизни связано с инновационным развитием социальной инфраструктуры, реализацией особых национальных и экономических интересов в сфере традиционной жизнедеятельности, созданием высокотехнологического производства глубокой переработки производимой коренным населением продукции.

Не менее значимым является получение доходов от деятельности ресурсодобывающих компаний на территориях традиционного проживания коренного населения. Требуется особого вни-

мания вопрос государственного управления процессом промышленного освоения земель коренных малочисленных народов в местах их жизнедеятельности [14]. При этом важно понять, насколько учитываются особенности культурного и хозяйственного образа жизни аборигенов.

Полученные промышленными компаниями доходы за пользование ресурсами на территориях традиционного природопользования позволяют, как это делается в ряде регионов Арктической зоны, пополнять бюджет национальных муниципальных поселений, провести модернизацию объектов инфраструктуры, развить дистанционные образовательные технологии. В числе научно-обоснованных предложений по дальнейшему развитию коренных малочисленных народов – сформировать современный человеческий капитал как важный фактор вовлечения коренных народов в промышленное освоение Арктики.

На основе исследования сущности понятия «человеческий капитал» выявлены положительные тенденции государственного воздействия на развитие человеческого капитала коренных малочисленных народов, включение их в экономические процессы советского периода [17]. Российские учёные в понятии «человеческий капитал» в трудовой деятельности выделяют три группы качеств и способностей: физические, интеллектуальные, психологические. Названные качества и способности человека формируются системой образования, культуры, спорта.

В этой сфере формируются составляющие профессиональной подготовки. Необходимо обратить внимание, что в течение непродолжительного этапа исторического развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в XX в. произошёл ряд радикальных преобразований. Это был наиболее позитивный период формирования человеческого капитала коренных народов на переходном историческом этапе от родоплеменного традиционного жизнеустройства к индустриальному развитию.

Развитие человеческого капитала в современном обществе рассматривается как составная часть инновационного цивилизационного развития. В само понятие вкладываются такие категории, как знания, управленческие и технологические усилия, здоровье, производительный труд и качество жизни [2]. Переход коренных малочисленных народов к активному участию в освоении редкоземельных металлов, высокотехнологичном промышленном производстве становится необходимой основой развития новых видов экономической деятельности как необходимого условия повышения качества их жизни.

Создание современной высокотехнологичной ресурсной базы экономики России на территории Арктической зоны положило начало новому историческому этапу развития коренных малочисленных народов, связанному с включением их в высокотехнологические экономические процессы.

Выделяя значимость формирования современного человеческого капитала коренных малочисленных народов как основы перехода на новый этап национального цивилизационного развития, учёные предлагают ряд конструктивных решений, к числу которых относятся выстраивание взаимовыгодных отношений аборигенов территорий традиционного природопользования и недородобывающих компаний, совместное участие в создании современной социальной инфраструктуры, сохранение окружающей природной среды. Очевидна необходимость привлечения представителей аборигенов к экологической экспертизе промышленных объектов добывающих компаний на территориях природопользования [10]. Важным фактором соучастия коренных малочисленных народов является согласование интересов промышленного освоения Крайнего Севера с интересами коренных малочисленных народов. Именно поэтому принятие решений промышленного освоения территорий традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов требует их участия, оптимизации механизма соучастия по основным направлениям: экономическому, социальному и природосберегающему.

На этом фоне давно назревшей проблемой является вовлечение коренного населения в процесс создания комплекса социально-экономического, национально-культурного развития, современной информационно-коммуникационной инфраструктуры, направленных на обеспечение высокого качества жизни коренных малочисленных народов, сохранения природной среды.

Будущее коренных малочисленных народов в достаточной мере связано с активным участием в промышленных процессах разработки крупных месторождений энергоресурсов, редкозе-

мельных металлов в местах традиционной жизнедеятельности Арктической зоны. Важнейшим фактором их развития становится необходимость тщательных научных исследований последствий техногенных и антропогенных нагрузок на природные биоресурсы, прогнозирования проблем переходного периода, принятия решений, способных дать цивилизационный импульс к последующим процессам совместного освоения ресурсов Арктики. Показателем уровня совместного участия коренных малочисленных народов и промышленных компаний могут служить степень сбережения природной среды территорий их хозяйственной деятельности, повышение качества жизни, национальное цивилизационное развитие. Со стороны государства главное не только обеспечить их социально-экономическое развитие, поддерживать национальную самобытность, но и помогать им находить новые формы реального влияния на своё развитие в быстро изменяющемся мире, а также новые, более эффективные формы хозяйственной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валь, О. М. Развитие оленеводства как важный фактор жизнеобеспечения населения Севера России / О. М. Валь // Теория и практика общественного развития. – 2019. – № 1 (131). – С. 55-60.
2. Жиленкова, Е. П. Роль и место человеческого капитала в повышении конкурентоспособности предприятий в условиях инновационно-цифровой экономики / Е. П. Жиленкова, М. В. Буданова // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 10-2 (87). – С. 631-634.
3. Журавель, В. П. Права коренных народов российской Арктики: проблемы и решения / В. П. Журавель // Арктика и Север. – 2018. – № 30. – С. 76-96.
4. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 февраля 2009 г. № 132-р // Меганорм: система нормативных документов, 2014-2025. – URL: <https://meganorm.ru/Index2/1/4293744/4293744351.htm> (дата обращения: 29.09.2025). – Текст: электронный.
5. Конышев, В. Н. Государственный приоритет – устойчивое развитие Российской Арктики / В. Н. Конышев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – № 13. – С. 416-430.
6. Лашов, Б. В. Коренные народы Российской Арктики / Б. В. Лашов // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. – 2017. – № 1. – С. 44-51.
7. Лексин, В. Н. Состояние и задачи государственного управления социально-экономическим развитием российской Арктики: правовой аспект / В. Н. Лексин, Б. Н. Порфирьев // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2018. – № 2. – С. 114-138.
8. Обедков, А. П. Проблемы сбережения и устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера России / А. П. Обедков // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2017. – № 1. – С. 955-963.
9. Коренные малочисленные народы Российской Арктики (проблемы и перспективы развития) / В. И. Павленко, А. В. Петров, С. Ю. Куценко, Г. Ф. Деттер // Экология человека. – 2019. – № 1. – С. 26-33.
10. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / под ред. В. А. Тишкова. – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – 272 с.
11. Сафронов, П. А. Государственная политика поддержки оленеводства как условие устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера в республике Саха / П. А. Сафронов // Архонт. – 2020. – № 4 (20). – С. 96-103.
12. Сергеев, И. Б. Коренные малочисленные народы Севера в условиях освоения Арктической зоны Российской Федерации. Экспертное заключение от 05.10.2021 / И. Б. Сергеев // Россконгресс. – URL: <https://clck.ru/3QNhmq> (дата обращения: 07.04.2025). – Текст: электронный.
13. Смorchкова, В. И. Развитие взаимоотношений ресурсных компаний с коренными народами в арктической зоне России / В. И. Смorchкова // Государственная служба. – 2015. – № 4 (96). – С. 181-196.
14. Чащина, С. В. Совершенствование правового регулирования вопросов жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Дальнего Востока как основа устойчивого развития цивилизации / С. В. Чащина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № II (66). – С. 77-82.
15. Южаков, А. А. Северное оленеводство в XXI веке: генетический ресурс, культурное наследие и бизнес / А. А. Южаков // Арктика: экология и экономика. – 2017. – № 2 (26). – С. 131-137.
16. Anderson I., Robson B., Conolly M. et al. Indigenous and tribal peoples' health (The Lancet-Lowitja Institute Global Collaboration): a population study // Lancet. 2016. Vol. 386. P. 1-27.
17. Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis. New York. Columbia University Press. 1975. 269 p.

Яхимович С. Ю.
S. Yu. Yakhimovich

**«ОКТАБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ НА КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ»
В 1924 ГОДУ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СОВЕТСКИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
СОЮЗОВ**

**«THE OCTOBER REVOLUTION ON THE CHINA-EASTERN RAILWAY» IN 1924
AND ITS CONSEQUENCES FOR THE SOVIET TRADE UNIONS**

Яхимович Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова (Россия, Хабаровск). E-mail: sergyahim-69@yandex.ru.

Sergey Yu. Yakhimovich – Ph. D in History, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines, I. F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia, Khabarovsk). E-mail: sergyahim-69@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена одному из сложных этапов в развитии советско-китайских отношений и истории профессиональных союзов в зоне Китайско-Восточной железной дороги на рубеже 1924 – 1925 гг. На основе ранее не вводившихся в научный оборот архивных материалов рассматриваются процесс начала функционирования советской части администрации на КВЖД и последствия этого события для профсоюзов. Показано временное улучшение положения профессиональных союзов в этот период, что позволило им беспрепятственно проработать несколько месяцев. Отслежена динамика роста численности советских граждан и профсоюзов в Северной Маньчжурии. Однако в активной позиции профессиональных объединений китайские власти усматривали нарушение суверенитета своей страны, и полицейские репрессии в отношении союзов в зоне КВЖД стали возобновляться. Несмотря на это профсоюзы сумели укрепить свои позиции.

Summary. The article is devoted to one of the difficult stages in the development of Soviet-Chinese relations and the history of trade unions in the China -Eastern Railway zone at the turn of 1924 – 1925. Based on archival materials that had not previously been put into scientific circulation, the process of the beginning of the functioning of the Soviet part of the administration on the CER and the consequences of this event for trade unions are considered. It shows a temporary improvement in the situation of trade unions during this period, which allowed them to work freely for several months. The dynamics of the growth of the number of Soviet citizens and trade unions in Northern Manchuria is tracked. However, the Chinese authorities saw the active position of professional associations as a violation of their country's sovereignty, and police repression of unions in the CER zone began to resume. Despite this, the trade unions have managed to strengthen their positions.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), Особый район Восточных провинций (ОРВП), профессиональный союз, пропаганда.

Key words: China-Eastern Railway (CER), Special Region of the Eastern Provinces (SREP), trade union, propaganda.

УДК 94(47)

В современных условиях профессиональные объединения продолжают демонстрировать общественно-политическую активность в разных странах мира. Это даёт основания обратиться к прошлому опыту участия таких организаций в процессах подобного рода и придаёт актуальность изучению истории профсоюзного движения, в том числе российского. Одним из таких эпизодов, к тому же неординарным, является период деятельности советских профсоюзов за границей, точнее в зоне Китайско-Восточной железной дороги на территории Северной Маньчжурии в 1920-1930-х гг. Интерес вызывает хронологический отрезок 1924-1925 гг., когда Советский Союз только вступал в права по совместному с Китаем управлению КВЖД. Именно в это время вступи-

ли в заключительную стадию формирование колонии граждан СССР в Северной Маньчжурии и усиление профсоюзов, призванных быть легальной базой советского влияния в указанной области. Ряд исследователей обращались к проблеме утверждения СССР на КВЖД, но история профсоюзов на этом фоне и их роль в данных событиях затрагивались в работах фрагментарно [2; 3; 8; 9; 10]. Автор также частично затрагивал указанную тематику, но без подробностей [23]. Целью этой статьи является более конкретное рассмотрение деятельности и положения советских профсоюзов в зоне КВЖД в контексте внешнеполитических изменений в регионе со второй половины 1924 г. до середины 1925 г. В исследовании использованы ранее не вводившиеся в научный оборот архивные материалы.

После окончания гражданской войны и провозглашения Советского Союза его внимание в сфере международных отношений было обращено на вопросы признания новой державы, укрепления своих позиций и, по возможности, поддержки революционного движения в мире. В этом аспекте определённые перспективы для советского руководства представляла Китайская Республика и особенно её северо-восточная часть. Во-первых, Китай с 1911 г. был охвачен революционными процессами, которые только нарастали. Во-вторых, в Северной Маньчжурии с начала XX в. сохранялись российское влияние и присутствие большой русской колонии, сконцентрированной в полосе отчуждения КВЖД, которая и могла стать тем плацдармом, с которого можно было осуществлять проникновение коммунистических идей вглубь Китая. Что касается российского влияния в зоне КВЖД, то оно было сильно подорвано в годы гражданской войны в России и сведено к минимуму в марте 1920 г., когда стараниями пробольшевистских сил (в том числе и профсоюзов) и китайских военных здесь пала белогвардейская администрация генерала Д. Л. Хорвата, а власть перешла в руки Китая [3, 97-103]. В результате по распоряжениям китайского правительства в сентябре-октябре 1920 г. русское население полосы отчуждения КВЖД лишалось прав экстерриториальности и переходило под китайскую юрисдикцию, а сама зона дороги преобразовывалась в Особый район Восточных провинций (ОРВП) Китайской Республики [11, 29-30; 21, 296-298].

Тем не менее российское присутствие сохранилось – это была огромная русская колония (в 1921 г., по данным земельного отдела КВЖД, в полосе отчуждения дороги проживало более 288 тыс. россиян, из них в Харбине – 165,8 тыс. [22, XXI-XXIII]), её экономические, общественно-политические и профессиональные организации продолжили существование. Более того, выходцы из России в большом количестве трудились на КВЖД, входили в правление дороги, её управляющим тоже был русский инженер Б. В. Остроумов. Значимость КВЖД для советского государства ещё в сентябре 1923 г. подчёркивал Полномочный представитель СССР в Китае Л. М. Карахан, утверждая, что «дорога и весь район по своему экономическому и политическому значению, несомненно, больше любой нашей губернии» [12, 77]. Именно через возобновление государственного присутствия в экономике КВЖД Советский Союз планировал политическое проникновение в Китай. Официально разрешённые, хотя и находившиеся в сложной ситуации профсоюзы (в первую очередь железнодорожные) должны были играть роль прикрытия в этом действе.

Советские профессиональные союзы в зоне КВЖД в начале 1924 г. были представлены 14 легальными организациями. Самой крупной, хорошо организованной и влиятельной из них являлся Производственный союз работников железнодорожного и водного транспорта (Дорпрофсож) КВЖД. В это время численность членов Дорпрофсожа КВЖД колебалась в пределах около 6,5 тыс. чел. (примерно 40 % от общего количества персонала дороги). В остальных профсоюзах (служащих, печатников, металлистов, учителей, медработников и т. д.) на начало 1924 г. состояло ещё около 4,6 тыс. чел. [6, 56]. Все профессиональные организации в зоне КВЖД непосредственно подчинялись Губернскому совету профессиональных союзов (ГСПС) ОРВП Китая, при этом Дорпрофсож в силу специфики региона пользовался большой автономией. Напрямую профсоюзы в ОРВП курировались центральными профорганами и большевистской организацией. Коммунисты возглавляли все руководящие посты в союзах и определяли их цели и тактику работы в зоне КВЖД [15, 16].

Задача минимум для советской стороны сводилась к решению вопроса о КВЖД. В ходе длительных дипломатических усилий цепь советско-китайских переговоров 1923-1924 гг. завер-

шилась подписанием в Пекине 31 мая 1924 г. «Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой» [7, 331-335]. В первом пункте статьи 9 соглашения определялся статус КВЖД как чисто коммерческого предприятия под совместным советско-китайским управлением на паритетных началах. Отдельным приложением к нему шло «Соглашение о временном управлении Китайско-Восточной железной дорогой» [7, 342-345]. В этом соглашении оговаривалось, что управление железнодорожной магистралью будет осуществляться специальными уполномоченными органами, комплектуемыми в равной степени гражданами СССР и Китая. Председатель правления КВЖД назначался из китайских граждан, а управляющий дорогой – из советских (ст. 1-4). Работать на дороге могли только граждане двух государств при равноправном распределении вакансий (ст. 5). Каждая сторона преследовала свою выгоду из договоров, но главное, что они окончательно закрывали многие спорные вопросы о КВЖД между двумя странами на новых равноправных принципах, поскольку принадлежность дороги после весны 1920 г. требовала международно-правового разрешения [9, 926-946, 984-994].

Диктатор практически независимых Автономных Трёх Восточных Провинций (АТВП, как тогда официально назвалась Маньчжурия) маршал Чжан Цзолинь считал себя вполне самостоятельной политической фигурой, контролировавшей ОРВП, и счёл необходимым заключить собственный договор по КВЖД с Советским Союзом. Не считаться с реальным хозяином Маньчжурии СССР не мог, и 20 сентября 1924 г. в Мукдене было заключено «Соглашение между Правительством СССР и Правительством Автономных Трёх Восточных Провинций Китайской Республики» [7, 459-464], фактически дублировавшее, с небольшими поправками, пекинское соглашение. Конечно, советскому правительству было бы спокойнее иметь дело с одним международно-правовым субъектом, но ожидать добровольного подчинения Чжан Цзолиня Пекину можно было долго. Особое значение для дальнейшего развития профсоюзного движения в Северной Маньчжурии имели статьи соглашений, запрещавшие в местах советского экономического присутствия на китайской территории любые формы пропаганды идеологии коммунизма [7, 333, 463].

Вступление в силу советско-китайских договоров по КВЖД стало шоком для здешней русской эмиграции. Утром 3 октября 1924 г. на встрече членов правления КВЖД и советской делегации были приняты кадровые перестановки, установленные новыми соглашениями. Управляющим дорогой назначался советский гражданин А. Н. Иванов, председателем правления – китайский гражданин генерал Бао Гуйцин, остальные посты в правлении и управлении КВЖД распределялись в равных долях согласно договорам. От советской стороны в высшую администрацию дороги вошли Л. П. Серебряков (зам. наркома путей сообщения), М. Я. Ракитин (ставший первым генеральным консулом СССР в Харбине), И. П. Грандт (настоящая фамилия А. Я. Зейбот), С. М. Измайлов, А. А. Эйсымонт, А. Я. Дяткович, С. И. Данилевский и другие. Из старого состава остался только Данилевский, уже давно сотрудничавший с советской властью, многие вновь назначенные были дипломатами и практически все связаны со спецслужбами. Высокий уровень членов администрации дороги подтверждал важность КВЖД и для Китая, и для Советского Союза. Китайские власти сразу же ввели в ОРВП военное положение, на улицах появились усиленные наряды войск и полиции. Над зданиями правления и управления дорогой в присутствии зевак взвился новый флаг КВЖД – наполовину пятицветная символика АТВП, наполовину красное с серпом и молотом советское знамя. Это событие вошло в историю как «Октябрьский переворот на КВЖД» и хорошо описано у исследователя Г. В. Мелихова [10, 390-403]. В тот же день в 15 часов под арест были взяты теперь уже бывший управляющий КВЖД Б. В. Остроумов и его ближайшие помощники [3]. Двумя днями позже, 5 октября 1924 г., в 12 часов дня при огромном скоплении народа (главным образом членов профсоюзов и просоветской молодёжи) было открыто здание советского генерального консульства в Харбине (до этого в городе посланник СССР имел статус уполномоченного наркомата иностранных дел) с поднятием советского флага и пением «Интернационала» (см. рис. 1). Первый генконсул Ракитин руководил торжественными мероприятиями и принимал иностранных гостей. Среди выступающих на митинге по случаю открытия советского учреждения были председатель ГСПС ОРВП Р. А. Нилов и председатель Дорпрофсожа КВЖД Е. Г. Варганов [1]. Флаг был поднят, договорная эпопея для советской стороны увенчалась успехом.

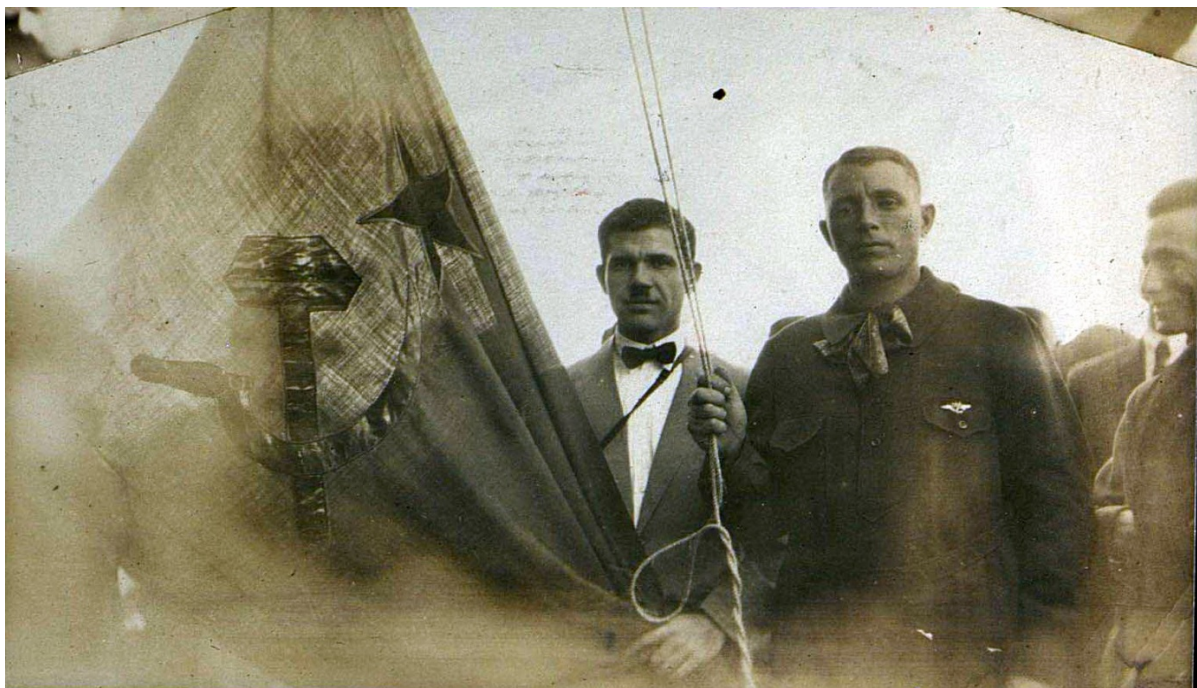

Рис. 1. Представители советской стороны на церемонии поднятия флага СССР над генконсульством в Харбине 5 октября 1924 г. [1, 38]

События «Октябрьского переворота на КВЖД» имели знаковые последствия как для советских профессиональных организаций, так и для всех русских жителей ОРВП. Если до заключения соглашений, пока шли переговоры о судьбе КВЖД, власти ОРВП нередко закрывали профсоюзные помещения и чинили всяческие препятствия в их работе, стараясь оказать таким образом давление на советскую сторону, то теперь подобные эксцессы временно прекратились. Председатель ГСПС ОРВП Р. А. Нилов в отчёте за последний квартал 1924 г. по этому поводу отмечал, что после 5 октября все «профорганы явочным порядком приступили к нормальной работе. Нормальная работа союзов протекала до конца декабря 1924 г. Полиция в течение двух месяцев не препятствовала работе не только существовавших профорганов, но и тех, которые до поднятия советского флага были закрыты. Это создавало уверенность, что русско-китайское соглашение, наконец, создало более сносную обстановку для работы профессиональных союзов. Но эти надежды не оправдались. Китайская полиция вновь вступила на путь притеснений профессиональных организаций» [20, 1].

Действительно, в конце 1924 г. потепление советско-китайских отношений в ОРВП даже получило в публицистике тех лет наименование «Харбинская политическая весна» [13, 77-78], но уже 27 и 31 декабря полицией под предлогом политической, а не экономической деятельности были закрыты 2 местных комитета Дорпрофсожа в Харбине и на линии КВЖД. В январе 1925 г. только в отношении союза железнодорожников полиция осуществила 7 репрессивных действий – от обысков помещений до задержания и административного наказания членов организации [16, 277-278]. Тем не менее относительно свободный режим деятельности профсоюзов наблюдался весь 1925 г., хотя всё чаще они становились заложниками политической обстановки. Одной из причин тому была проводившаяся внутри союзов запрещённая соглашениями 1924 г. коммунистическая пропаганда под видом культурно-просветительной работы. Руководители советских профсоюзов в ОРВП не скрывали откровенной агитации и имели несколько самоуверенное представление о политических возможностях СССР на КВЖД, всячески поддерживая среди членов союзов идею скорой советизации Китая. Например, новый председатель Дорпрофсожа КВЖД И. М. Лошкормов, выступая в Харбине 19 сентября 1925 г. на очередном делегатском съезде

ГСПС ОРВП, заявлял: «Наши перспективы в будущем – это советский Китай. Наши ближайшие задачи – это не красного штыка из СССР ожидать, а революции в Китае, – руководить не только своей работой, но и связаться с профдвижением рабочего класса в Китае» [17, 8]. Маньчжурские военно-полицейские власти пользовались такой активностью профсоюзов, усматривая в подобных речах покушение на свой суверенитет и, стремясь ограничить присутствие СССР на КВЖД, подвергали репрессиям союзный актив [18].

Советское руководство с приходом на КВЖД приступило к «чисткам» политически неблагонадёжного русского персонала дороги. Под видом сокращения штатов они удалялись с предприятия. Чтобы остаться работать на КВЖД, нужно было принять советское или китайское гражданство, поэтому наиболее антисоветски настроенные работники, остававшиеся в статусе эмигрантов, оказались уволенными. В результате российская колония в конце 1924 – 1925 гг. разделилась на эмигрантскую и советскую части, а также небольшую общность русских, перешедших в гражданство Китая [5, 35-36; 14, 48; 15, 21, 48-50]. Колония граждан СССР росла стремительно. Только среди рабочих и служащих КВЖД в октябре 1924 г. (после прихода советской части администрации) их стало около 5,5 тыс. чел., а ровно через год насчитывалось около 8,4 тыс. чел. из 9,7 русских агентов, трудившихся тогда на дороге [14, 48; 15, 146]. Далее, вплоть до конца 1920-х гг., советская колония постоянно увеличивалась.

Оставшиеся работать русские трудящиеся на КВЖД и в различных советских учреждениях на территории Северной Маньчжурии, стремясь сохранить должность и стабильную зарплату, показывали свою лояльность социалистическим ценностям, не только принимая гражданство СССР, но и вступая в профсоюзы. Такая тактика контроля за растущей советской колонией через производственные объединения привела параллельно и к росту профсоюзов. Так, если на 1 ноября 1924 г. в ГСПС ОРВП числилось 12 851 чел. (из них 6449 чел. в Дорпрофсоже КВЖД), то на 1 января 1925 г. ГСПС объединяло 15 214 членов (в железнодорожном профсоюзе – 7820 чел.) [19, 8; 20, 6]. Ниже приведена более детальная статистика по численности союзов на начало 1925 г. (см. табл. 1). Через полгода, в июне 1925 г., в профсоюзах ОРВП состояло уже 17 487 чел. (членов Дорпрофсожа КВЖД – 8879 членов), а в октябре того же года – 18 500 чел. [14, 51; 17, 10, 15].

Таблица 1

Численность членов советских профсоюзов, состоящих в ГСПС ОРВП Китая, на 1 января 1925 г.

Профсоюз	Число членов союза	Отношение к общему числу членов ГСПС в %	Профсоюз	Число членов союза	Отношение к общему числу членов ГСПС в %
Водники (речники)	181	1,2	Народного питания	853	5,6
Медицинские работ.	686	3,8	Пищевики	356	2,2
Работники искусств	848	5,6	Печатники типографий	325	2,1
Дорпрофсож КВЖД	7820	51,5	Советские служащие	2316	15,2
Коммунальщики	169	1,1	Строители	201	1,4
Автомобилисты	193	1,23	Работники просвещения	574	3,8
Металлисты	233	1,5	Швейной промышл.	459	3
Всего в ГСПС ОРВП – 15 214 членов					

Качественный состав союзов был разный, но в целом это были люди, сочувствующие советской власти, а значительная часть, особенно среди молодёжи, искренне ей предана. Например, в Дорпрофсоже КВЖД наиболее идейных профсоюзных активистов к середине 1925 г. правлением насчитывалось более 1,7 тыс. чел. Кроме того, на это же время, по данным председателя ГСПС ОРВП Нилова, отделы молодёжи при союзах (тесно связанные с нелегальной комсомольской организацией) имели в своих рядах более 2 тыс. молодых людей и курировали 80 пионерских отрядов общей численностью в 3317 чел., а также 460 октябрат. Привитие советской идеологии членам

союзов осуществлялось на регулярной основе культурными отделами организаций в клубах через лекции, кружки профсоюзной грамотности, праздничные мероприятия и т. п. [17, 11, 16-18]. Впоследствии работа советских профессиональных союзов будет всё больше купироваться полицией по причине дальнейшей эскалации советско-китайских противоречий на КВЖД.

Таким образом, в октябре 1924 г. произошла смена хозяев КВЖД, обусловленная майским и сентябрьским соглашениями того же года между Китаем и СССР. Для обеих стран это стало компромиссом в многолетнем споре о судьбе дороги, но каждая из них вынашивала собственные планы дальнейших действий. Для российской колонии это событие имело ключевое значение, т. к. она раскололась по идеологическому и юридическому признакам на три части. В этих условиях профсоюзы имели решающее значение в деле формирования советской колонии как легальные организации, способные взять под контроль многочисленных новых граждан СССР. Вместе с тем увлечённость профсоюзов пропагандой коммунистических идей вызывала раздражение китайских властей ОРВП и репрессии в их отношении. Однако в целом период второй половины 1924 – 1925 гг. укрепил положение советских профессиональных союзов в Северной Маньчжурии.

ЛИТЕРАТУРА

1. 5-ое октября: Альбом в память поднятия флага СССР в Харбине и воссоединения Кит. Вост. жел. дор. с Россией. – Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1924. – 41 с.
2. Аблова, Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.) / Н. Е. Аблова. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2005. – 432 с.
3. Андреев, Г. И. Революционное движение на КВЖД в 1917 – 1922 гг. / Г. И. Андреев. – Новосибирск: Наука, 1983. – 142 с.
4. Второй экстренный выпуск // Молва. – 1924. – 3 октября.
5. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-19. Оп. 1. Д. 36.
6. ГАХК. Ф. П-458. Оп. 1. Д. 16.
7. Документы внешней политики СССР. Т. 7 (1 января – 31 декабря 1924 г.). – М.: Политиздат, 1963. – 760 с.
8. Кротова, М. В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.) / М. В. Кротова. – СПб.: Астерион, 2014. – 336 с.
9. Крюков, В. М. Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской политики в Китае. В 2 т. Т. 2: 1922 – 1926 гг. / В. М. Крюков, М. В. Крюков. – М.: Памятники исторической мысли, 2015. – 608 с.
10. Мелихов, Г. В. Белый Харбин: середина 20-х / Г. В. Мелихов. – М.: Русский путь, 2003. – 440 с.
11. Павлов, А. К. Правовые основы ОРВП / А. К. Павлов // Административное и муниципальное право. – 2019. – № 1. – С. 26-34.
12. Переписка И. В. Сталина и Г. В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л. М. Караханом: документы, август 1923 – 1926 гг. – М.: Наталис, 2008. – 704 с.
13. Полевой, Е. По ту сторону китайской границы. Белый Харбин / Е. Полевой. – М., Л.: Государственное издательство, 1930. – 87 с.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 31. Д. 17.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 53.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Оп. 3. Д. 20.
17. РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 26.
18. РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 49.
19. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-4455. Оп. 1. Д. 172.
20. РГИА ДВ. Ф. Р-4455. Оп. 1. Д. 229.
21. Сборник документов, относящихся к Китайской Восточной железной дороге. – Харбин: Типография КВЖД, 1922. – 313 с.
22. Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога. – Харбин: Издательство Эконом. бюро Кит. Вост. ж. д., 1922. – XI, 692, XXIII с.
23. Яхимович, С. Ю. Профсоюз железнодорожников КВЖД на переходном этапе становления советско-китайских отношений (1923 – 1924 гг.) / С. Ю. Яхимович // Современная научная мысль. – 2017. – № 2. – С. 53-60.

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ КНАГТУ:
НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ, ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ 2025

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Крыжановская Я. С., Крыжановская С. А.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В ЯПОНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Крыжановская Я. С., Цуй Етун

РОЛЬ МУЗЫКИ И МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В РИТУАЛАХ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Малышева Н. В., Чувеева А. А.

СТЕРЕОТИПЫ И ВЗАИМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КИТАЙЦЕВ И РУССКИХ,
ПРОЖИВАЮЩИХ НА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Маркова А. В., Прокофьева В. Ю.

РЕЧЕВОЕ РАЗВИТИЕ СТУДЕНТОВ ТВОРЧЕСКОГО ВУЗА: АУДИТОРНАЯ
РАБОТА С ОНТОЛОГИЧЕСКИМ СМЫСЛОМ ЗВУКОВ

Муллер Ю. Г.

РУССКИЙ ДОМ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗАРУБЕЖЬЯ

Мусалитина Е. А., Турмачева А. Э.

ФЕНОМЕН «АЗИАТСКОЙ КРАСОТЫ» КАК НОВЫЙ ТРЕНД В ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ
КУЛЬТУРЕ РОССИИ

Ху Юэ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФОТОГРАФИЯ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ

Чжан Ифэн

ИСКУССТВО КАЛЛИГРАФИИ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ДУХОВНЫХ ОСНОВ
КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ,
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ

Шушарина Г. А., Просвирина Д. В.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
УРБАНОНИМОВ ГОРОДОВ-ПОБРАТИМОВ РОССИИ И КИТАЯ

Брейтман А. С.

ЯКУТСКАЯ МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КОСМОГОНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ЭКРАНА:
О МИРОВОМ ФЕНОМЕНЕ ЯКУТСКОГО КИНО (1990 – 2020-Е ГОДЫ)

Гамалей С. Ю.

О СПЕКТАКЛЯХ, ПОСТАВЛЕННЫХ НА СЦЕНЕ РУССКОГО НАРОДНОГО
ТЕАТРА БИРОБИДЖАНА. 1958–1992 ГОДЫ

Го Тинтин

НАСЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА ГУЦИНЯ В КИТАЕ

Завалишин А. Ю., Костюрина Н. Ю.

ДЕТСКИЕ СУБКУЛЬТУРЫ – TERRA INCOGNITA ИЛИ ENFANT TERRIBLE?

Климова Е. В.

РОЛЬ ТРАДИЦИОННОЙ ИГРУШКИ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Наливайко Т. Е., Иванов В. В.

КУЛЬТУРА ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Радь Э. А., Сивожелезова Е. А.

БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ В СТРУКТУРЕ РОМАНА А. М. СТОЛЯРОВА «МИЛОСТЬ ГОСПОДНЯ»

Смирнова И. И.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОТОБРАЖЕНИЯ
ОБРАЗА РЕБЁНКА В ХОРРОР-ЖАНРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)

Усанов И. Г., Усанов Г. И.

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Шереметьева М. А., Савелова Е. В.

РЕТРОСПЕКТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ
ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ИГРЫ

Щёлкина Е. А.

ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА КАК КООРДИНАТОР ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)

Димитриади Е. М.

МОЗАИЧНЫЕ ПАННО В ОФОРМЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ ГОРОДОВ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ Н. П. ДОЛБИЛКИНА)

Ковынева Л. В., Курбанова Л. М., Покровская-Бугаева Е. В.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ЦИФРОВЫХ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ТУРИЗМА

Малышева Н. В., Казымова Л. А.

КОНЦЕПТ «ГРАНИЦА» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Мусалитина Е. А.

КИТАЙСКИЙ ДРАКОН: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
ВОСПРИЯТИЯ СИМВОЛА ЗАПАДОМ

Мусалитина Е. А., Гукало Е. К.

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ РУССКОГО ТЕАТРА
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Марков А. В., Штайн О. А.

ФИЛОСОФИЯ МАСКАРАДА

Сова О. Н.

ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ АБСЕНТЕИЗМА КАК ФОРМЫ КУЛЬТУРЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ РЕГИОНЕ

Суленёва Н. В., Емченко Е. П.

ОСТРОУМИЕ В СВОБОДНОМ ИСКУССТВЕ: ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВ

Титорева Г. Т.

ЗАПРЕТЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ЭВЕНОВ ПРИОХОТЬЯ

Чжан Ифэн

КАЛЛИГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО В ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Шереметьева М. А., Савелова Е. В.

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
ФОЛЬКЛОР В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Шушарина Г. А.

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ ФИТОНИМОВ В ПОЭЗИИ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ АВТОРОВ

Баринов В. И.

ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ДИСКУРСЕ ТЕХНОГЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Борзова Т. А.

КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАСТАВНИЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СТРАНЫ

Иванова Ю. В.

ХИЛИНГ-РОМАН КАК ФОРМА ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ
ПРИСУТСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ SLOW CULTURE

Климова Е. В.

СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ И КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Мусалитина Е. А.

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ:
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ БРАКАХ

Мусалитина Е. А., Дель Д. С.

ОБРАЗ СЕМЬИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО МОНУМЕНТАЛЬНОГО
ИСКУССТВА РОССИИ

Петрунина Ж. В.

ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ
В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ РОССИИ И КИТАЯ В 2020-Х ГОДАХ

Ло Да, Савелова Е. В.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ХРАМОВ КОНФУЦИЯ
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ КИТАЯ И ИХ РОЛЬ В СОХРАНЕНИИ
НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Шереметьева М. А.

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Шушарина Г. А.

ТОПОСЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ В КОНТЕКСТЕ
ФОРМИРОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Ларченко Ю. Г.

ДОСТИЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ – ВАЖНАЯ ЧАСТЬ ПОРТФОЛИО
БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ НА РЫНКЕ ТРУДА

Бурдакова Г. И., Наливайко Т. Е., Бянкин А. С.

ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА «ОБУЧЕНИЕ СЛУЖЕНИЕМ»

Ларченко Ю. Г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА В ФОРМАТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО
ПРОЕКТА: АКТУАЛЬНОСТЬ, ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ, АЛГОРИТМ РАЗРАБОТКИ

Пухов А. А., Новгородов Н. А., Ткачева Ю. И.

РАЗВИТИЕ ОДАРЁННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО
СРЕДНЕГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ, ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Наливайко Т. Е., Болотская Я. А.

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БАКАЛАВРОВ
ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ В СФЕРЕ АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ

Ларченко Ю. Г.

КЕЙС-МЕТОД КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ
ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ

Наливайко Т. Е., Иванов В. В.

ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
С ПОМОЩЬЮ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ «ЧАТ-БОТ»

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.

СОДЕРЖАНИЕ ВОСПИТАНИЯ В ВУЗЕ: НАПРАВЛЕНИЯ
И ВИДЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ИСТОРИЯ

Абабкова Н. Н.

ТЕАТР РАБОЧЕЙ МОЛОДЁЖИ В ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ГОРОДА

Гореликов А. И.

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ:
ПОИСК НОВЫХ РЕШЕНИЙ

Петрунина Ж. В.

РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА В ПРОВИНЦИЯХ
СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ В XXI В.

Дербенев А. С., Макарова Е. А.

ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ США С БЛИЖНЕВОСТОЧНЫМИ
СОЮЗНИКАМИ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ В ГАЗЕ

Гулевич Д. П., Федирко О. П.

ИЗМЕНЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ЛАНДШАФТА КИТАЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Караваев Д. Г., Федирко О. П.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-ЯПОНСКОГО
РАЗГРАНИЧЕНИЯ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

Юрченко Е. С.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА США ЗА МЕЖСОЮЗНОЕ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ СОГЛАШЕНИЕ В КОНЦЕ 1918 – НАЧАЛЕ 1919 ГОДОВ

Трубич О. А.

АНТРОПОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СТУДЕНТОВ ВОСТОЧНОГО
ИНСТИТУТА (1899 – 1909 ГГ.): ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ярославцева Т. А., Ярославцев А. В.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КВАРТИРНЫЙ НАЛОГ. ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРЫ
ЖИЛИЩНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Платонова Н. М.

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ТЕХНИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ
ПРОМЫШЛЕННО-ГРАЖДАНСКОГО КОМПЛЕКСА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР (1965 – 1985 ГГ.)

Верхолотов С. А.

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В 1990 – 2000-е ГОДЫ

Гореликов А. И.

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА, СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ

Яхимович С. Ю.

«ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ НА КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ»
В 1924 ГОДУ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СОВЕТСКИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР (1965 – 1985 ГГ.)

Content

CULTURAL STUDIES AND ART STUDIES

V. I. Barinov

STAGES OF EVOLUTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES
IN THE DISCOURSE OF TECHNOGENIC CULTURE 4

T. A. Borzova

CULTURAL FOUNDATIONS OF MENTORING IN THE CONTEXT
OF THE COUNTRY'S HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT 11

Yu. V. Ivanova

HEALING NOVEL AS A FORM OF HUMANISTIC ANTHROPOLOGY
OF PRESENCE IN THE CONTEXT OF SLOW CULTURE 19

E. V. Klimova

PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF TRADITIONS
AND CULTURE OF THE RUSSIAN FAR EAST INDIGENOUS
SMALL-NUMBERED PEOPLES 30

E. A. Musalitina

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION OF FAMILY VALUES:
FEATURES OF INTERACTION IN RUSSIAN-CHINESE MARRIAGES 33

E. A. Musalitina, D. S. Del

THE IMAGE OF FAMILY IN THE CONTEXT
OF MONUMENTAL ART OF RUSSIA 42

Z. V. Petrunina

EXPERIENCE AND PROSPECTS OF COOPERATION
IN THE FIELD OF CULTURE IN THE BORDER AREAS
OF RUSSIA AND CHINA IN THE 2020S 49

Lo Da, E. V. Savelova

THE HISTORICAL AND CULTURAL SIGNIFICANCE
OF THE TEMPLES OF CONFUCIUS IN THE NORTHEASTERN
REGION OF CHINA AND THEIR ROLE IN PRESERVING
THE NATIONAL CULTURAL HERITAGE 56

M. A. Sheremetyeva

MASS CULTURE AS A FACTOR IN THE FORMATION
OF CIVIC IDENTITY 64

G. A. Shusharina

TOPICS OF FAR EASTERN WAR POETRY IN THE CONTEXT
OF FORMING AND PRESERVING NATIONAL IDENTITY 71

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY

Y. G. Larchenko

THE CASE METHOD AS AN EFFECTIVE TOOL
FOR PROBLEM-BASED LEARNING 79

T. E. Nalivaiko, V. V. Ivanov

INTEGRATING ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO HIGHER EDUCATION
THROUGH THE USE OF CHATBOT TECHNOLOGY 86

T. E. Nalivaiko, M. V. Shinkoruk

CONTENT OF EDUCATION AT A UNIVERSITY: DIRECTIONS
AND TYPES OF EDUCATIONAL ACTIVITIES 90

HISTORY

S. A. Verkholomov

THE NEO-LIBERAL ORDER IN EASTERN ASIA
IN THE 1990S AND 2000S 98

A. I. Gorelikov

INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH, SIBERIA,
AND THE FAR EAST: A NEW STAGE OF DEVELOPMENT 103

S. Yu. Yakhimovich

«THE OCTOBER REVOLUTION ON THE CHINA-EASTERN RAILWAY»
IN 1924 AND ITS CONSEQUENCES FOR THE SOVIET TRADE UNIONS 108

SCIENTIFIC NOTES OF KNASTU:

HUMAN, SOCIAL AND CULTURAL SCIENCES 2025 114

Научное издание

Учёные записки КНАГТУ
2025 № VIII (88)
Науки о человеке,
обществе и культуре

Выпускающий редактор
Г. А. Шушарина

Подписано в печать 18.12.2025
Дата выхода в свет 19.12.2025

Формат А4.
Бумага офисная 80 г/м².
Усл. печ. л. 13,73.
Уч.-изд. л. 12,61.
Тираж 200. Заказ 31381

Отпечатано:
в типографии КНАГУ
681013,
г. Комсомольск-на-Амуре,
пр. Ленина, д. 27;
в типографии «Агора»
681024,
г. Комсомольск-на-Амуре,
пр. Ленина, д. 39.

